

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Алтайский государственный университет
Институт истории и международных отношений

Ю.А. Лысенко

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В КАЗАХСТАНЕ (XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.)**

Учебное пособие

Барнаул 2022

Об издании – 1, 2

сведения об издании

УДК 94(574):281. 93(574)(075.8)
ББК 63.3(5Каз)53я73+86.372.24-3я731
Л 886

Автор: **Юлия Александровна Лысенко**, д-р ист.наук, профессор

Рецензент: Юрий Михайлович Гончаров, д-р ист.наук, профессор,
Алтайский государственный университет

Л 886

Лысенко, Ю.А.

История Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX вв.) : учебное пособие / Ю.А. Лысенко; Алтайский государственный университет. Барнаул: АлтГУ, 2022. – 1 CD-R (1,5 Мб). – Систем. требования: Intel Pentium 1,6 GHz и более ; 512 Мб (RAM) ; Microsoft Windows 7 и выше ; Adobe Reader. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

Учебное электронное издание

В учебном пособии рассматриваются отдельные аспекты истории Русской православной церкви в Казахстане в XVIII – начале XX в. Определяются этапы и особенности религиозно-просветительской, образовательной и миссионерской деятельности Русской православной церкви в изучаемом регионе. Изложены проблемы, связанные с формированием православного населения региона и созданием административно-территориальной системы для его управления. Отдельные разделы учебного пособия посвящены проблемам епархиального, церковно-приходского строительства.

Предназначено для студентов Института истории и международных отношений, обучающихся по направлению подготовки 41.04.01 Зарубежное регионоведение, 46.04.01 История, а также всех интересующихся указанными проблемами.

© Ю.А. Лысенко, 2022
© Алтайский государственный университет, 2022

производственно-технические сведения

Публикуется в авторской редакции

Верстка: Котова О.В.

Дата подписания к использованию: 14.10.2022 г.

Объем издания: 1,5 Мб

Комплектация издания: 1 CD-R

Тираж 45 дисков

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

656049, Барнаул, пр. Ленина, 61

Содержание

Лекция 1. Начальный этап формирования православного населения Казахстана в XVIII – первой половине XIX вв.

Лекция 2. Формирование православного населения Казахстан во второй половине XIX – начале XX вв.

Лекция 3. Административно-территориальная система управления учреждениями Русской православной церкви в Казахстане в XVIII – начале XX вв.

Лекция 4. Развитие церковно-приходской системы

Лекция 5. Религиозно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Казахстане

Лекция 6. Церковно-школьное строительство в Казахстане

Лекция 7. Взаимоотношения Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством в Казахстане

Лекция 8. Основные задачи и направления деятельности Русской православной церкви среди казахского населения

Лекция 1. Начальный этап формирования православного населения Казахстана в XVIII – первой половине XIX вв.

Начало формирования православного населения Казахстана было связано с процессом присоединения его территорий к Российской империи в 20-30-е гг. XVIII в. Через три года после принятия подданства политической элитой Младшего жуза, в 1734 г. была создана Оренбургская пограничная комиссия, на которую были возложены функции по административному управлению данным этнополитическим объединением. По инициативе ее руководителя И.И. Неплюева началось интенсивное строительство укрепленной линии на границе Южного Зауралья с казахской степью, сопровождавшееся с 1744 г. массовым переселением сюда русского населения. Так, в 1734 г. были основаны г. Оренбург, в 1737 г. Илецкий городок, Гурьевский городок с форпостами: Сарайчиков, Яманхалинский, Баксаев, Тополевский, Зеленый колокол, Кулагин городок, Калмыков городок.

Гарнизоны строившихся на протяжении Верхнеуральской укрепленной линии крепостей, форпостов и редутов формировались казаками Уральского и Оренбургского казачьих войск, поскольку регулярных войск в регионе государство в этот период еще не имело. Особенностью данного процесса являлось то, что уральское и оренбургское казачество выступало носителем старообрядческой традиции. Их особый социальный статус в иерархической системе Российской империи, периферийное положение способствовали определенной консервации дореформенных православных канонов, предписаний и правил. Кроме этого, религиозная ситуация в Южном Зауралье, связанная с проживанием на данной территории многочисленных этноконфессиональных групп, ставила перед уральскими и оренбургскими казаками необходимость сохранения своей самобытности и культуры.

Как отмечал в этой связи знаток истории Оренбургской епархии Н.М. Чернавский «в то время как в второй половине XVII в. на Руси были введены однообразные и новоисправленные обряды и книги, уральские казаки продол-

жали жить обычаями и обрядами старины XIV столетия, унаследованными от предков, считая их как бы святынею, отступать от которой казалось изменою и грехом».

На Востоке Казахстана одним из результатов военной экспедиции генерал-майора Д. Лихарева в 1715–1723 гг. стало основание на Иртыше ряда крепостей: Омской, Ямышевской, Железинской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской. Основой нового рубежа – Иртышской укрепленной линии – стала будущая столица Сибирского казачьего войска – Омская крепость. Во второй половине XVIII в. от Усть-Каменогорска на северо-восток, к Кузнецку по предгорьям Алтая пролегла Колывано-Кузнецкая линия, а в 1781–1792 гг. Иртышскую линию продлили на юго-восток Бухтарминской укрепленной линией. Для укомплектования гарнизонов крепостей Верхнеиртышской линии ссылались запорожские казаки, захваченные после «Уманской резни» (1770 г.) и военнопленные. Сюда же направлялись ссыльные и солдатские дети, жившие в Тобольской и Томской губерниях, которые затем записывались в сибирские казаки.

В 1752 г. На запад из Омска была построена Пресногорьковская укрепленная линия¹, для охраны которой с 1758 г. в регион стали командировать по тысяче человек из Донского и Яицкого казачьих войск на двухгодичную службу. Впоследствии вместо них посылались башкиро-мещеряцкие команды, сменявшиеся каждый год. В 1760 г. донские казаки, башкиры и мещеряки, служившие на линии и пожелавшие остаться здесь навсегда, были зачислены в линейное войско. Одновременно в 1752-1755 гг. на запад от Омской крепости началось строительство Новой линии военно-оборонительных укреплений, повлекшей за собой интенсивное заселение русскими-крестьянами лесостепной зоны Юга Западной Сибири.

Однако, в целом, строительство укрепленных линий в Южной Сибири на границе с казахской степью, территориально отдаленных от административных

¹ Пресногорьковскую линию составили крепости Пресногорьковская, Полуденная, Лебяжья, Николаевская, Покровская и другие.

центров Оренбургского края и Сибирской губернии – Оренбурга и Тобольска, сдерживалось нехваткой кадров для комплектации гарнизонов крепостей и проблемой их продовольственного обеспечения. Поэтому после неудачной попытки ввести казенное хлебопашество, Сибирская администрация санкционировала самовольное переселение крестьян в регион. В 1746 г. крестьяне Кузнецкого, Ишимского, Тарского, Ялуторовского и Омского ведомств обратились к начальнику Сибирского военного корпуса Х.Т. Киндерману с просьбой разрешить им переселиться в ведомство Усть-Каменогорской крепости. Поток желающих увеличивался с каждым годом, особенно после разгрома Цинской империей Джунгарского ханства в 1756 г.

В 1760 г. был издан указ «О занятии в Сибири места от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телецкого озера; построении там в удобных местах крепостей и заселении той стороны по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и прочим речкам, впадающим оные в Иртыш-реку, русскими людьми до двух тысяч человек». Он дал новый импульс миграции, главным образом, беглых горнозаводских рабочих с Колывано-Воскресенских заводов, солдат и раскольников в Бухтарминский край. Третья ревизия 1763 г. зафиксировала в крае 5 крестьянских населенных пунктов – Убинское, Прапорщиково, Глубокое, Выдриха, Зевакино с общей численностью населения 927 чел. обоего пола.

Для активизации процесса заселения Верхнего Прииртышья государство задействовало различные механизмы. Так, в 1760 г. специальным указом помещикам было разрешено ссылать крестьян на поселение в Сибирь. В 1762 г. уточнялась география ссылки: по направлению к р. Бухтарме преимущественно от Усть-Каменогорской крепости. В 1765 г. помещики получили право ссылать крестьян в Сибирь с зачетом сосланных в рекруты, а для обзаведения сосланных крестьян семьями «по предложению Сибирской администрации Сенат постановил приговоренных к смертной казне колодниц ссылать в Сибирь и верхнеиртышские крепости для выхода замуж».

В 1765 г. сибирский губернатор Д. Чичерин выступил с проектом переселения на Иртышскую линию 3000 семейств сибирских разночинцев, значительное количество которых было представлено старообрядцами. Причинами их повышенного интереса к данному региону являлись практически отсутствующая здесь институциональная организация Русской православной церкви, мизерное количество православных храмов.

В 1765 г. на Алтай была выслана группа старообрядческого населения из Польши. Ею были основаны все коренные селения «поляков» в Змеиногорском округе: Екатерининка Александровской волости; Шемонаиха, Лосиха (Верх-Уба), Секисовка Владимирской волости; Бобровка Бобровской волости. Вскоре появились новые деревни, населенные исключительно староверами: Малая Убинка, Быструха Владимирской волости; Черемшанка, Бутаково Риддерской волости и некоторые другие.

В 1779 г. было издано распоряжение о приписке «поляков» к Колывановоскресенским горным заводам. Этот социальный статус обязывал их выполнять не только сельскохозяйственные работы, но и производить рубку леса, вывоз руды. Кроме того, они должны были исполнять все государственные обязанности и платить двойной подушный налог как «раскольники». Данный социальный статус сохранялся за ними фактически до 1861 г.

В 1782 г. по данным четвертой ревизии на Востоке Казахстана насчитывалось 13 населенных пунктов – Бобровская Слобода, Красноярская на Иртыше, Крутоберезовская, Красноярская на Убе, Плоская, Ульбинская, Прапорщигово, Зевакино, Убинская, Шемонаихинская, Екатерининская, Верх-Убинская, Секисовская. Общая численность населения составила 8801 чел. обоего пола. В 1797 г. в связи началом работ Риддерского и Зыряновского рудников было образовано три волости приписных крестьян: Убинская, Крутоберезовская, Усть-Каменогорская.

Другую этнокультурную конфессиональную общность Южного Алтая составляли «бухтарминские каменщики» (или «русские ясашные инородцы»).

Они селились, как правило, в верховьях р. Бухтармы и Катуня², основав там ряд населенных пунктов и положив начало старообрядческому населению в Горном Алтае. Рескриптом Екатерины II от 15 сентября 1791 г. «каменщики» были приняты в состав России как ясачные инородцы. Они расплачивались с правительством ясаком в виде пушнины и звериных шкур, как и все другие инородцы Российской империи. В 1796 г. ясак заменили денежной податью, а в 1824 г. – оброком как с оседлых инородцев. Кроме того, бухтарминцы были освобождены от подчинения присылаемой администрации, горнозаводских работ, рекрутчины и некоторых других повинностей.

После получения юридического статуса российских подданных, «бухтарминские каменщики» переселились в более удобные для места жительства районы. По данным Е. Шмурло, в 1792 г. на Бухтарме их проживало 250 человек мужского пола и 68 – женского пола. К этому году ими было основано вместо 30 мелких поселков 9 деревень по рр. Бобровке, Проездной, Язовой, Тихой, Средчихе, Осочихе, Берели, Тургусуни, Коробихе.

В результате активного освоения русскими приграничной территории юга Западной Сибири и кочевий казахов Среднего жуза, в 80-е гг. XVIII в. возникла необходимость проведения административной реформы. 19 января 1782 г. было учреждено Тобольское наместничество с разделением его на области и уезды. Территория Верхнего Прииртышья вошла в состав Омской (Омский уезд) и Ко-

² Долина Бухтармы являлась конечной целью большинства беглых староверов. Она была известна под названием Камня, т.е. горной части края, поэтому ее жители именовались каменщиками. Позже эти земли стали называть Беловодьем, отождествляя вольный, лишенный правительственного надзора край с мифической страной из чрезвычайно распространенной среди старообрядцев утопической легенды. В ее многочисленных вариантах рассказывается, что Беловодье – это святая земля, где живут русские люди, бежавшие от религиозных раздоров XVII в. В Беловодье они имеют свои церкви, в которых богослужение идет по старым книгам, таинства крещения и брака совершаются по солнцу, за царя не молятся, крестятся двумя перстами. «В тамошних местах татьбы и воровства и прочих противных закону не бывате... И всякие земные плоды бывают и злата и серебра несть числа... Светского суда не имеют, ни полиции, ни стражников там нету, а живут по христианскому обычаю. Бог наполняет сие место». Однако в Беловодье могут попасть лишь истинные ревнители древнего благочестия. «Слугам антихристовым дорога туда заказана... Веру надо иметь неколебимую... Поколеблешься в вере, так туманом Беловодскую справедливую землю закроет». Как отмечал Е. Шмурло, через все XVIII, а также XIX столетия проходил неустанный поиск этого фантастического Эльдорадо, где реки текут медом, где не собирают податей, где, наконец, специально для раскольников не существует никоновской церкви.

льванской (Семипалатинский уезд) областей³. В этом же году на Западе Казахстана территории Уральского казачьего войска перешли в состав Астраханской губернии, а в 1803 г. вновь отнесены к компетенции Оренбургской пограничной комиссии Оренбургского генерал-губернаторства.

В начале XIX в. начался новый этап развития православных общин на территории Казахстана. Процесс был связан с зарождением основ интегральной политики Российской империи применительно к данному региону и стремлением правительственных кругов заселить «русским элементом» территорию собственно казахских кочевий. В 1803 г. было образовано Сибирское генерал-губернаторство в составе двух губерний – Тобольской и Томской. К Томской губернии был причислен наряду с Томским, Нарымским, Кузнецким, Енисейским, Красноярским и Туруханским уездами, Бийский уезд. В его состав вошла территория упраздненного Семипалатинского уезда Колыванской области с иртышскими крепостями: Бухтарминской, Усть-Каменогорской, Ямышевской, Железинской и др.

В 1822 г. по новой административно-территориальной реформе в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства кроме двух существовавших губерний – Тобольской и Томской, добавилась Омская область. В ее состав перешли оборонительные укрепления Иртышской и Новой линии и внутренние округа Северо-Восточного и Восточного Казахстана – Омский, Петропавловский, Усть-Каменогорский и Семипалатинский.

В этом же году по «Уставу о сибирских киргизах», упразднившему ханскую власть на территории Среднего жуза, началось формирование российской системы административного управления в казахской степи. Кочевья казахов Среднего жуза были разделены на восемь внешних округов⁴, Окружные приказы которых подчинялись Омскому областному начальству. На территории

³ В состав Колыванской области Тобольского наместничества наряду с Семипалатинским уездом также вошли Бийский и Барнаульский уезды, в состав Омской области вошли Омский и Тарский уезды.

⁴ Процесс создания округов начался в 1824 г. В результате были образованы Акмолинский, Кокпектинский, Атбасарский, Кокчетавский, Аягузский, Аман-Карагайский, Уч-Булакский, Куш-Мурунский округа.

Младшего жуза ханская власть была ликвидирована в 1824 г., а в результате реализации «Устава об Оренбургских киргизах» его территория была поделена на три административные единицы, а позднее – на дистанции.

Административное реформирование в казахской степи сопровождалось строительством военных укреплений на ее территории, которые должны были стать опорными пунктами дальнейшей колонизации края. В 1845-1847 гг. генерал-губернатором Оренбургского края В.А. Обручевым был поднят вопрос о необходимости заселения региона «...русским элементом в связи с непрекращающимися набегами киргиз (казахов – Ю.Л.) на пограничные русские селения, упрочить русское влияние на беспокойных обитателей устройством здесь крепостей». В результате в 1845 г. началось сооружение Новой укрепленной линии: на р. Иргиз было основано Уральское, в 1846 г. на Мангышлаке – Ново-Петровское, в 1847 г. на Сыр-Дарье – Раимское укрепления.

Гарнизоны крепостей по традиции формировались из Уральских и Оренбургских казаков. Так, Уральское казачье войско со второй четверти XIX в. обязывалось выставлять в мирное время две сотни казаков в область Оренбургских киргизов и содержать Оренбургскую линию до Каспийского моря. Указом 1853 г. государство предоставляло ряд льгот казакам Оренбургского казачьего войска, переселявшимся в построенные на территории казахских кочевий Уральское, Тургайское, Раимское укрепления и форты Карабутакский и Новоперовский⁵.

Одновременно военный губернатор Западной Сибири П. Капцевич предложил переселять казаков с Новоишимской линии во вновь открытые внешние округа области Сибирских киргизов и построенные в них степные укрепления на постоянной основе, создавая при них казачьи станицы. Тем самым был завершен процесс создания Сибирского казачьего войска, указ об образовании

⁵ Указом 1853 г. переселившиеся в укрепления Уральское, Иргизское, Раимское казаки освобождались на восемь лет от воинской службы и повинностей, им гарантировалась выдача провианта в течение двух лет на всю семью, определялось денежное пособие в размере 65 руб. на семью, кроме этого они получали право использования земельных и других угодий.

которого был подписан еще в 1808 г.⁶ Позднее было предложено начать заселение региона русскими крестьянами. В 1847 г. генерал-губернатор Западной Сибири князь П.Д. Горчаков, сообщал военному министру о том, что количество удобных земель позволит поселить здесь более 3600 человек, но при этом считал, что число это не стоит увеличивать «дабы не беспокоить киргиз, чье доверие нам столь полезно сохранить и которые при всех внушениях начальства не совсем чужды опасения видеть себя обиженными».

Указом императора от 21 мая 1848 г. был инициирован процесс переселения во внешние округа области Сибирских киргизов на постоянное место жительства казаков и крестьян. Для реализации проекта и создания крестьянских поселений в кочевьях казахов Среднего жуза сюда в 1849–1850 гг. были переселены малороссийские казаки и крестьяне Оренбургской и Саратовской губерний численностью 3852 человека и созданы 13 поселений, в том числе Щучинская, Котуркульская, Зерендинская, Арык-Балыкская и другие станицы.

Переселившиеся крестьяне как привило, зачислялись в казачье сословие, но фактически числились в резерве и военной службы не несли. В этноконфессиональном плане казачество внешних округов было весьма разнородным. Например, в Кокчетавском округе, состоявшем в 1863 г. из 9 казачьих станиц и поселков, общей численностью населения 25878 человек, русских насчитывалось 10532 человека, украинцев – 7553, белорусов – 1033, мордвы – 5834, татар – 830, черемисов – 96 человек.

Данные о количестве православного населения внешних округов отдельного Управления сибирскими киргизами Западно-Сибирского генерал-губернаторства в 1849 г. представлены в таблице 1.

⁶ Сибирское казачье войско в середине XIX в. состояло из трех военных отделов: 1-й – с центром в Кокчетаве, 2-й – в Омске, 3-й – в Усть-Каменогорске. Отделы делились на станицы (к 1914 г. всего 48 станиц).

Таблица 1. Количество православного населения внешних округов

Внешний округ	православные	старообрядцы	католики	иудеи	мусульмане
Акмолинский	1712		28	14	49900
Куш-Мурунский	552		11	6	13761
Аягузский	1177		7	4	47548
Баян-Аульский	553		7		39889
Каркаралинский	1352		21	12	73380
Кокчетавский	8355	30	16		53905
Кокпектинский	1000		7	2	56831
Всего	14701	30	97	38	335214

В Семипалатинске и Усть-Каменогорске, имевших в 1849 г. статус безокружных городов Томской губернии проживало православных: 4049 и 2591 человек соответственно.

В первой половине XIX на территории Казахстана продолжали активно развиваться старообрядческие общины. При этом их крупнейшими центрами продолжали оставаться Уральское казачество на западе региона и крестьянское старообрядческое население Бийского округа Томской губернии – на востоке.

На рубеже XVIII–XIX в. в Оренбургской губернии старообрядческая община Уральского казачьего войска стала пополняться за счет «беглых», особенно после разгрома Керженских скитов в Нижегородской губернии, которые селились в особой войсковой слободе – Шацком монастыре. Официальные статистические данные за 1840 г. фиксировали более 30000 старообрядцев, проживающих в 126 поселениях Уральского казачьего войска. Наибольшее их число приходилось на гг. Уральск (6465 чел.) и Гурьев (1433 чел.).

На востоке Казахстана в первой четверти XIX в. наблюдался активный процесс строительства старообрядческих часовен и молитвенных домов. Так, старообрядческие молитвенные дома и часовни имелись в д. Выдрихе, Шемонаихе, Шульбинской, с. Плоском Убинской волости, д. Секисовке, Верх-Убинске, Быструхе, Черемшанке, Бутаково, Бобровке, Большереченской Крутоберезовской волости, д. Тургусуньской и Кондратьевской Бухтарминской волости. Всего их насчитывалось 16. В середине XIX в. произошло сокращение численность старообрядческих молитвенных домов и часовен до 12, поскольку

строительство новых и ремонт уже построенных были запрещены специальным правительственным указом 1822 г. Всего на территории Восточного Казахстана к 1838 г. проживало 6490 старообрядцев, в том числе в Убинской волости 1903, в Бухтарминской волости – 537, в Крутоберезовской – 4050 старообрядцев.

Во внешние округа Омской области переселение старообрядцев на протяжении первой половины XIX в. было запрещено. Исключение было сделано для Кокчетавского округа, куда в 1849 г. было выдворено 30 старообрядцев (см. Таблицу 1). Динамику численности старообрядческого населения по внутренним округам Омской области на протяжении первой половины XIX в. можно представить по данным таблицы 2.

Таблица 2. Динамика численности старообрядческого населения внутренних округов Омской области

Район	1828 г.	1829 г.	1834 г.	1835 г.	1838 г.	1839 г.
г. Омск	22	16	25	24	20	10
Омский округ	107	71	143	137	145	145
г. Семипалатинск	3	5	2	2	1	-
Семипалатинский округ	6	6	-	-	-	-
г. Усть-Каменогорск	-	-	-	-	-	-
Усть-Каменогорский округ	528	484	492	494	523	540
Петропавловский округ	1281	1288	668	907	1767	1570
всего	1948	1868	1330	1564	2456	2265

Анализ данных таблицы 2 позволяет утверждать, что количество старообрядцев во внутренних округах Омской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства на протяжении первой половины XIX в. было стабильным и не превышало в целом 2500 чел.

Таким образом, процесс формирования православного населения Казахстана был связан с началом присоединения его территорий к Российской империи. На протяжении XVIII в. русские активно осваивали пограничную с казахской степью зону Южной Сибири и Южного Зауралья. При этом велось строи-

тельство военно-оборонительных сооружений на всей приграничной линии от Урала до Иртыша, сопровождавшееся формированием иррегулярных войск в регионе – Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск. Для решения проблемы снабжения казачьих войск продовольствием, прежде всего, хлебом, местные власти стремились заселить войсковые территории крестьянским населением. При этом Оренбургские и Сибирские власти поощряли добровольную миграцию крестьян, а в некоторых случаях использовали административный ресурс. Так, территории Верхнего Прииртышья и Южного Алтая заселялись ссыльными, каторжанами и т.д.

В результате, к концу XVIII в. в приграничной с Южной Сибирью и Зауральем территорией Казахстана определились два крупных центра православия. Одним из них являлся Западный Казахстан, значительные земельные массивы которого по р. Урал, принадлежавшие казахам Младшего жуза, были отмежеваны в пользу Уральского казачьего войска. Особенностью формирования православного населения данного региона являлось то, что значительная его часть выступала носителем старообрядческой православной традиции.

Вторым центром православия стал современный Восточный Казахстан – Верхнее Прииртышье и Бухтарминский край. Здесь, так же как и в Западном Казахстане, оно было представлено новообрядной и старообрядной церковью. В отличие от первого региона, основными носителями старообрядчества выступали здесь не казаки, а крестьяне – беглые, ссыльные или вольнопоселенцы. На протяжении первой половины XVIII в. в регион переселялись лишь отдельные группы старообрядцев – беглецов. В 60-80 гг. этого столетия характерной стала добровольная миграция и ссылка старообрядцев на территорию Верхнего Прииртышья и Бухтарминский край. Об этом свидетельствует активный процесс образования новых деревень, налаживание связей между различными старообрядческими толками, что было обусловлено их религиозной общностью.

Нехватка рабочих кадров для работы на рудниках Южного Алтая и необходимость решение проблемы развития хлебопашеского хозяйства привела к компромиссу между правительством и старообрядцами региона. К концу XVIII

в. государство признало их религиозную специфику, отказалось от преследования и присвоило им категорию «ясашных инородцев», обязав отрабатывать в виде государственной повинности на предприятиях горнорудной промышленности.

В первой половине XIX в. в связи с реализацией серии административно-территориальных реформ, связанных с ликвидацией ханской власти в Младшем и Среднем жузах, началось выдвижение российских аванпостов вглубь казахской степи и переселением сюда казаков Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск. В результате православное население появилось собственно в кочевьях казахов Среднего и Младшего жузов.

Вопросы для самоконтроля:

1. С какими событиями связано начало процесса формирования православного населения Казахстана?

2. Назовите крупные центры православия, сложившиеся в приграничной с Южной Сибирью и Зауральем территорией Казахстана. Каковы были особенности их формирования?

3. Какие причины обусловили изменения государственной политики в отношении старообрядцев в конце XVIII в.?

Рекомендованная литература:

1. Агафонов О.В. Казачьи Войска Российской Империи. М.: АОЗТ "Эпоха", 1995. – 556 с.

2. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1981. – 111 с.

3. Алексеенко Н.В., Алексеенко В.Н. Славянское население Казахстана XVIII-XX вв. Историко-демографическое исследование. Усть-Каменогорск : Медиа-Альянс, 2009. – 130 с.

4. Булыгин Ю.С. Официальное православие и старообрядчество на Алтае в XVIII в. // Старообрядчество: история и культура: Сборник научных трудов. Барнаул, 1999. Вып. 2. С. 24–43.
5. Каженова Г.Т. Формирование казачьего населения Степного края (на примере Кокчетавского округа) // Отан тарихы. 2007. №1. С. 217–223.
6. Казанцева Т. Старообрядцы Алтая // О староверах Восточного Казахстана: Сборник статей. Усть-Каменогорск, 2013. С. 40–47.
7. Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904.
8. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 682 с.
9. Чернавский М.Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 1. Оренбург, 1900.
10. Чернавский М.Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 2. Оренбург, 1903.
11. Шмурло Е. Русские поселения за Южным Алтайским хребтом на китайской границе. Омск, 1898.

Лекция 2. Формирование православного населения Казахстан во второй половине XIX – начале XX вв.

Во второй половине XIX в. продолжился процесс формирования православного населения Казахстана. В середине XIX в. по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири П.Д. Горчакова началось принудительное переселение казаков Сибирского казачьего войска в Семиреченский край. В 1847 г. сюда по жребию было переселено около 50 семей 9 полка, которые в 1848 г. основали станицу Копальскую, 1854 г. – выселок Илийский, в 1855 г. – станицы Большую Алматинскую, Урджарскую, Лепсинскую и др.

В 1855 г. во вновь построенное укрепление Верное были переселены 200 казаков Сибирской линии и 200 семейств крестьян из Томской и Тобольской губернии. Через два года было утверждено Положение Сибирского комитета «Об увеличении русского населения в Семиреченском и Заилийском крае Западной Сибири», в рамках которого предполагалось переселить в регион около 300 семейств с зачислением их в состав Сибирского казачьего войска и предоставлением соответствующих льгот и пособий. В 1859 г. началась реализация еще одного «Положения Сибирского комитета», предусматривавшего административное переселение в казахскую степь, прежде всего Заилийский край, «крестьян за неплатеж податных недоимок». В результате к 1867 г. в регионе было образовано 7 станиц и 7 выселков, из населения которых было сформировано Семиреченское казачье войско.

В религиозном плане господствующим в Семиреченском казачьем войске являлось православие. По данным Н. Леденева, к 1867 г. из 15744 человек общей численности войска его исповедовало 15338 чел. Старообрядцев были единицы. В 1868 г. среди казачества была выявлена секта скопцов, носителями которой являлись крестьяне-переселенцы, зачисленные в войско. В результате проведенного расследования удалось выявить всех ее членов (31 чел.), а в 1871 г. завершилось судебное разбирательство, закончившееся постановлением о высылке их в Восточную Сибирь.

События, связанные с образованием Семиреченского казачьего войска способствовали завершению присоединения территорий Семиреченского и Заилийского краев к Российской империи. В результате было принято решение об образовании в составе Омской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства двух областей – Сибирских киргизов и Семипалатинской. В 1869 г. в связи с завершением присоединения Южного и Юго-Восточного Казахстана к Российской империи была предпринята новая серия административно-территориальных реформ, в результате которой регион вошел в состав трех генерал-губернаторств: Оренбургского (Уральская и Тургайская области), Западно-Сибирского (Акмолинская и Семипалатинская области), Туркестанского (Семиреченская и Сырдарьинская области). В 1882 г. территории Уральской, Тургайской, Алмолинской и Семипалатинской областей были объединены в одно Степное генерал-губернаторство с присоединением к нему Семиреченской области, изъятой из компетенции туркестанских властей. В 1896 г. Семиреченская область вновь была возвращена в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

Административно-территориальные реформы 60-80-х гг. XIX в. совпали по времени с ликвидацией крепостного права и открытием земель Казахстана для массового крестьянского переселения. Тем самым были созданы условия для резкого увеличения численности православного населения в данном регионе. В 1865 г. для переселения крестьян был открыт Алтайский горный округ, что простимулировало крестьянскую миграцию на территорию Рудного Алтая (Восточный Казахстан). Однако, кроме бесплатной выдачи леса на «домообзаведение», никаких пособий не предусматривалось. Поэтому большинство переселявшихся массово оседало в старожильческих поселениях. В волостях горных районов Рудного Алтая в период с 1865 по 1892 г. обосновалось всего 132 крестьянина, что составило 1,13% к общему числу переселившихся в Алтайский округ за эти годы.

Ситуация кардинально изменилась в связи с принятием в 1896 г. закона «Об устройстве переселенцев Алтайского округа», предоставившего пересе-

ленцам ряд льгот и привилегий на несколько лет. Это значительно простимулировало миграционные потоки в этот регион в целом и на территории Рудного Алтая, в частности. В результате в Бухтарминском крае в 90-е гг. XIX в. возникло 4 новых поселка, в 1902 г. – 2, 1907 – 1, 1908 – 11, 1909 г. – 9, 1910 г. – 8, 1911 – 1, 1912 г. – 4, 1913 г. – 7, 1914 г. – 1, 1915 г. – 1. Всего, таким образом, за период 90-х гг. XIX в. – 1915 гг. на территории Верхнего Прииртышья было образовано 54 новых переселенческих поселка.

На территории Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей активное переселение крестьян из европейской части страны началась с 70-х гг. XIX в. В Уральской области данный процесс обозначился еще позднее – с середины 90-х гг. этого же столетия. При этом миграционные потоки крестьян на территорию Казахстана во многом были стихийными и никак не регулировались государством. Лишь в 80-90 гг. этого столетия правительство вынуждено было обратиться к решению данной проблемы на законодательном уровне. В июле 1881 г. были утверждены «Временные правила о переселении крестьян», а после пятилетней разработки в 1889 г. вступил в силу закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли». Закон вводил ряд льгот и привилегий для переселенцев в Азиатскую часть империи, устанавливал места выхода переселенцев – в Казахстане это стали Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области. Закон 1889 г. по сути, открывал Казахстан для переселенцев, чем последние незамедлительно воспользовались. Однако, наиболее «продуктивным» для переселений стал период Столыпинской аграрной реформы 1906 г., когда изменился правительственный курс в отношении русской земледельческой общины. Крестьянам был разрешен свободный выход из нее и они, таким образом, получили возможность активно совершать переселения.

На западе Казахстана основной поток переселенцев был из Самарской, Саратовской, Астраханской, Оренбургской, Воронежской, Тамбовской, Полтавской и других губерний России. В 80-е гг. XIX в. в Кустанайском уезде возникли поселения – Боровское (1885), Александровское, Давыденовское, Жуков-

ское (1886), Романовское (1887), Борисовское, Владимирское, Ивановское, Михайловское и Степановское (1888). В последующее десятилетие крестьяне активно заселяли среднее течение Тобола, а также районы, расположенные к северу от Кустанайского уезда (п. Карабалык, Пешковка, Федоровка, Пресногорьковка). На территории Уральской области действие закона «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан» было распространено в 90-е гг. XIX в. Однако, процесс переселения в регион сдерживался местной администрацией, главным образом, по причине отсутствия здесь свободных земельных участков, пригодных для сельскохозяйственных работ.

В Акмолинской области в результате миграции крестьян к 1891 г. насчитывалось 52 поселения. Через два года для области была учреждена специальная межевая партия, призванная отводить земельные участки для переселенцев, наплыв которых значительно усилился в связи с открытием Западно-Сибирского участка Транссибирской железнодорожной магистрали. В 1893-1895 гг. этой партией было отмежевано в Петропавловском уезде 37 переселенческих и 9 запасных, в Омском уезде – 20 переселенческих и 10 запасных, в Кокчетавском уезде – 8 переселенческих и 1 запасный участок. Последующая работа межевой партии позволила к 1901 г. образовать 251 переселенческий участок, на базе которого было созданы 206 поселков с населением 94107 человек.

Дальнейшая деятельность межевой партии в Акмолинской области была приостановлена из-за отсутствия свободных земельных участков, а в 1902 г. область была официально закрыта для переселения. Однако избежать потока самовольных переселенцев не удалось: к 1905 г. численность переселенческих поселков в Акмолинской области возросла до 260.

Семиреченская и Сыр-Дарьинская области Туркестанского генерал-губернаторства, несмотря на официальное закрытие региона для переселенцев, активно осваивались ими с 70-х гг. XIX в. Здесь правительство создавало особые условия для переселенцев, выдавая на одну душу мужского пола 30 дес. земли, освобождая от налогов на 15 лет и выдавая ссуду на обзаведение хозяй-

ством. Подобная политика была направлена на закрепление имперских позиций в регионе, стабилизацию положения на границе с Китаем, решение проблемы обеспечения Семиреченского казачьего войска продовольствием, расширение торговых связей и т.д. В 1870 г. здесь было образовано 6 переселенческих поселков, в 1871 г. – 8, 1872 г. – 4, 1874 г. – 3, 1878 г. – 1, 1880–1883 гг. – 1. В Сырдарьинской области в период с 1883-1889 гг. было образовано 22 переселенческих поселка.

Накануне Столыпинской аграрной реформы и после начала ее проведения, массовые миграции крестьянского населения в Туркестанский край значительно усилились. Правила «О добровольном переселении на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую» от 10 июня 1903 г. легализовали бывшее фактически незаконным до этого заселение этих районов. Туркестанский край предполагалось заселять лицами православного вероисповедания (исключение было сделано и для раскольников) с учетом их материально-хозяйственного положения, переселенцы освобождались от воинской повинности и обеспечивались налоговыми льготами в течение 8 лет. За период с 70 гг. XIX в. по 1916 г. в Семиреченскую область переселилось 207200, в Сырдарьинскую – 79500 крестьянских хозяйств.

В целом, проследить масштабы крестьянской миграции на территорию Казахстана позволяют данные, приведенные в таблице 3:

Таблица 3. Численность и направление миграционных потоков в Казахстан в 70 гг. XIX в. – 1916 гг. (в тыс. человек, без вернувшихся обратно)

Область	Прибыло мигрантов		
	1871-1896 гг.	1897-1916 гг.	Всего
Акмолинская	119,1	731,5	850,6
Семипалатинская	3,4	130,1	133,5
Семиреченская	88,7	118,5	207,2
Тургайская	26,1	199	225,1
Уральская	51,3	82	133,3
Сырдарьинская	39,2	40,3	79,5
Итого:	327,8	1301,4	1629,2
Общее число переселенцев на окраины России (в тыс. чел.)	3815,4	5227,6	9043,1
Удельный вес Казахстана к общему числу переселенцев (%)	8,59	24,9	18,02

Данные таблицы 3 свидетельствуют, что наибольшее количество переселенцев поселилось на территориях Акмолинской, Тургайской и Семиреченской областей. Крестьянская колонизация в Казахстан кардинально изменила этническую карту региона – он стал многонациональным, удельный вес казахского населения сократился с 73,4 % от общей численности населения в 70 гг. XIX в., до 67,7 % в 1897 г., численность славянского населения возросла с 8,2 % до 22,8 % соответственно. Существенным последствием крестьянской колонизации региона стало изменение культурно-религиозного ландшафта Казахстана – православие по численности своих адептов стало второй после ислама религиозной системой региона. Проследить динамику численности православного населения Тургайской и Акмолинской областей помогут данные таблиц 4 и 5.

Таблица 4. Динамика численности православного населения Тургайской области

Административно-территориальная единица	1890 г.		1895 г.		1904 г.		1914 г.	
	<i>м. п.</i>	<i>ж. п.</i>	<i>м. п.</i>	<i>ж. п.</i>	<i>м. п.</i>	<i>ж. п.</i>	<i>м. п.</i>	<i>ж. п.</i>
г. Актобинск	1392	1164	981	802	2534	2333	5816	5854
Актобинский уезд			127	122	4322	3714	50663	44770
г. Кустанай	14505	13693	8472	8263	9629	9176	8824	9620
Кустанайский уезд			4713	4462	40118	36495	92697	92203
Иргиз и пос. Карабута	37	32	822	605	521	318	323	240
Иргизский уезд	337	193					847	791
г. Тургай	282	145	202	187	357	179	348	234
Тургайский уезд			33	6	246	232	718	724
Всего по области	16553	15227	15350	14447	57727	52447	160236	154436

Таблица 5. Динамика численности православного населения Акмолинской области

конфессия	1887 г.	1910 г.	1913 г.
православие	115681	830860	866143
единоверие	данных нет	1039	3640
старообрядчество	135	3889	3989
итого	115816	835788	873772

Данные о численности православного населения Казахстана отражены в материалах первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Так, в пределах Тургайской области к этому году проживало 37193 православных (8,2%),

Уральской области – 107587 православных (16,7%), Акмолинской области православное население по численности составило 167926 (41,3%) в Семипалатинской – 67620 (9,9%), в Семиреченской – 96741 (9,8%).

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. продолжали развиваться и старообрядческие центры Казахстана. При этом происходила их активная дифференциация по толкам, которые были представлены в регионе двумя основными группами – поповцами (более умеренное направление старообрядчества) и беспоповцами, не признававших священства.

Поповцы⁷ делились на беглопоповцев и приемлющих священство белокриницкой иерархии. Белокриницкое (или «австрийское») согласие признавало своим главой Боснийского архиепископа Амвросия, объявившего с. Бела Криница (Австрия) центром данной старообрядческой организации. Духовенство Белокриницкой организации, учрежденной в 1846 г., было представлено епископом, протоиереями, священниками и дьяконами. Старообрядческие общины белокриницкой иерархии Казахстана входили в состав Сибирской и Урало-Оренбургской старообрядческих епархий, созданных в 1862 и в 1864 гг. соответственно. В 1899 г. Сибирская епархия была разделена на Пермскую и Томскую епархии. Последняя объединила староверческие приходы поповского толка северо-восточного и восточного Казахстана.

Беспоповцы были представлены федосеевцами, нетовцами, дырниками, немоляками, оховцами, самодуровцами. В роли промежуточного звена между поповскими и беспоповскими согласиями выступали часовенный, стариковский и дьяконовский толки⁸.

⁷ Беглопоповское согласие сначала оно было единственной формой поповщины, затем в 1846 г. в селе Бела Криница (территория бывшей Австрийской империи) с присоединением к старообрядчеству босно-сараевского митрополита Амвросия оформилось белокриницкое (или австрийское) согласие. Беглопоповцы восстановили собственную иерархию в 1923 г., приняв архиепископа Николу (Позднева) от обновленческой церкви.

⁸ Поморское согласие – умеренное течение в беспоповщине. Формирование согласия тесно связано с известным беспоповским центром – Выговским общежитием, основанным в конце XVII в. Даниилом Викулиным в Олонецкой губернии. Поморский толк беспоповского согласия, который являлся наиболее умеренным течением среди староверов, не приемлющих священства. Его последователи были убеждены, что официальная церковь сокрушилась в «латинство», а в мире царствует Антихрист. Поэтому беспоповцы отрицали православную

На территории Казахстана во второй половине XIX–XX вв. старообрядческие общины различных согласий были представлены неравномерно, при этом лидирующие позиции по степени их концентрации продолжал занимать Западный и Восточный Казахстан. На территории Уральской области огромную роль в жизни старообрядческих общин продолжали играть скиты и монастыри. На войсковой территории Уральского казачьего войска в этот период их насчитывалось семь. Самый большой Садовский женский скит состоял из 40 изб и 2 молитвенных домов, Кизлярский – из 20 жилых построек, в остальных было от 10 до 15 келий. Общая численность насельников составляла 151 человек, из них 118 женщин и 33 мужчины, имелись послушники и послушницы. Наиболее влиятельным являлся женский скит около г. Уральска и один скит никудишнического толка вблизи п. Герасимовского.

церковь и священство. Служители культа в поморском толке – избираемые общинами наставники – не имели священнического сана. Поэтому поморцы исключили из религиозных служб молитвы и действия, предписываемые церковными уставами священникам, а также ввели в жизнь своих общин ряд культовых действий, предусмотренных православными канонами для исключительных случаев. Не случайно старообрядчество поморского толка было отнесено Синодом к числу «вредных сект». В отличие от радикальных толков беспоповщины, поморцы признавали допустимыми молитву за царя и браки.

Федосеевское согласие – одно из радикальных согласий в беспоповщине. Сформировалось в Псковской и Новгородской губерниях под руководством Феодосия Васильева. В начале XVIII в. разошлось с поморским из-за непринятия брака и споров о «торжишном брашне» – продуктов, купленных на мирских рынках.

Странническое (бегунское) согласие – наиболее радикальное в беспоповщине направление, выделившееся в XVIII в. В основе вероучения странников лежало непризнание ими богоустановленности всякой государственной власти. Бегуны прерывали связи с гражданским обществом: не записывались в ревизские сказки, не платили податей, не имели документов и постоянного места жительства.

Спасовское согласие (или нетовщина) выделилось в конце XVII в. Спасовцы, отличались от других беспоповцев тем, что не перекрещивали переходящих в их веру, а принимали таковых только через проклятие ересей или семипоклонный начал. Спасение видели только в Спасовой (Исусовой) молитве и в покаянии Богу наедине.

Рябиновское – умеренное беспоповское согласие. Рябиновцы поклонялись деревянному кресту, изготовленному из рябины, так как считали ее тем самым «певгом» – одним из трех деревьев, составляющих Крест Господень.

Стариковщина занимала промежуточное положение между поповцами и беспоповцами. Возникнув на рубеже XVIII–XIX вв. в Зауралье, стариковщина не признавала иерархию, использовала упрощенную обрядность. Ещё одно направление беспоповцев было представлено в регионе нетовщиной, которая относилась к крайним направлениям старообрядчества и призывала своих приверженцев к отрицанию всех церковных таинств и к самосожжению.

Наибольшее количество старообрядцев Уральской области продолжали составлять казаки Уральского войска. Здесь встречались станицы, населенные почти исключительно староверами: Студеная, Илецкая, Кругоозерная, Соболевская. По степени упорядоченности религиозной жизни в Уральской области выделялось австрийское согласие. Оно имело свою организационную структуру, влиятельных начетников: А. Швецова, Г. Мельникова, Ф. Усова.

Беспоповцев согласие было менее организовано, оно управлялось выборными наставниками-стариками, страдало внутренними раздорами по «разным вопросам религиозно-обрядовым или просто из-за выгод и самолюбия». В начале XX в. происходило дробление беспоповского согласия на толки (никудышники, поморцы, федосеевцы, нетовцы). Всего на территории Уральской области к концу XIX в. проживало 57055 старообрядцев (8,8% от общей численности населения области).

Вторым центром старообрядчества продолжал оставаться восток Казахстана. Здесь, на территории Верхнего Прииртышья – притоке Убы р. Банной – в 1890-х г. по инициативе сибирских казаков Егоровых был основан женский монастырь поморского согласия. Значительную сумму на строительство монастыря передали предприниматели Морозовы. Со временем монастырь стал крупнейшим духовно-религиозным центром старообрядчества Восточного Казахстана. Во многом это стало возможным благодаря переезду сюда в конце XIX в. нескольких монахинь с Урала. К 1917 г. в монастыре насчитывалось около 60 инокинь и белиц. На рубеже XIX – начала XX в. старообрядческие скиты функционировали так же недалеко от Риддера, Верх-Убы, Усть-Каменогорска, Змеиногорска.

В начале XX в. на территории Восточного Казахстана Томским губернским правлением было зарегистрировано не менее 40 белокрыницких общин, 31 община поморцев законобрачных, три общины поморцев, старопоморцев и стариковцев. Помимо общин с общепринятым наименованием согласий, в здесь действовало несколько общин со специфическим наименованием: шесть общин

соловецкого согласия или Соловецкого монастыря (д. Белая), одна – калистратовского согласия (д. Зевакино).

Староверы-поповцы проживали в Бобровской, Владимирской, Риддерской волостях Змеиногорского уезда Томской губернии. В Бухтарминском уезде – Быструхе, Малой Убинке, Черемшанке – были сосредоточены беглопоповские общины. С 1850-х гг. отмечается распространение белокрыницкого священства среди алтайских поляков, а с 1908 г. – среди каменщиков, у которых белокрыницкая церковь находилась сначала в Богатыреве, с 1917 г. и в Коробихе.

Одним из самых многочисленных беспоповских толков являлся поморский. Беспоповцы-федосеевцы проживали в Верх-Убе, Бутаково, Выдрихе, Бобровке, Тарханке. В Бутаково, Черемшанке, Быструхе, Малой Убинке были зафиксированы беспоповцы-самодуровцы. В долине Убы жили представители таких беспоповских толков, как попавшие на Алтай с Поволжья спасовцы (нетовцы), оховцы (немоляки), в селениях по рекам Уба и Ануй – самокресты, в Язовой и Печах Бухтарминской волости – однопоклонники (дырники), по р. Бухтарме и в Змеиногорском округе – бегуны (странники). В долине Бухтармы наиболее распространенным был стариковский толк. В коренных поселениях поляков – пригородах Усть-Каменогорска, деревнях Риддерской волости – встречались дьяконовские.

Во второй половине XIX в. старообрядческие общины формировались и в других регионах Казахстана. Так, на территории Акмолинской области в Петропавловском, Кокчетавском, Атбасарском и Павлодарском уездах в 1897 г. проживало 815 старообрядцев. Значительную их часть составляли казаки Сибирского казачьего войска. Особенно выделялись поселки станиц Акан-Бурлукской, Арык-Балыкской, Кокчетавской Кокчетавского уезда. Здесь к 1878 г. по сведениям Ф. Усова проживало 2/3 старообрядцев и сектантов Сибирского казачьего войска.

По официальным данным, до начала 1860-х гг., большая часть староверов войска принадлежала к «поповщине». На рубеже XIX–XX вв. среди поповских

толков лидирующие позиции здесь стало занимать австрийское согласие. В начале XX в. в войске произошло разделение австрийского согласия на так, называемых, «окружников», «раздорников»⁹. В 1902 г. из 541 старовера, приемлющего священство, окружники составляли 25 человек (1 военный отдел), раздорники – 469 человек (3 военный отдел), беглопоповцы – 47 человек (2 военный отдел). Среди беспоповского толка в Сибирском казачьем войске выделялись поморы, даниловцы, тропарщики, спасовцы, самовосхитители священства.

На территории Юго-Восточного и Южного Казахстана в конце XIX – начале XX вв. крупные старообрядческие центры сформировались в с. Первоначальное Аму-Дарьинского отдела, расположенного в 18 км от укрепления Петро-Александровского и г. Казалинске Сыр-Дарьинской области. К 1895 г. в этих населенных пунктах проживало в общей сложности около 2 тыс. старообрядцев – бывших уральских казаков. В Семиреченской области старообрядцы были зафиксированы в пяти приходах, общим количеством 200 человек. Наиболее компактно они проживали в Пржевальске. Большинство из них составляли нижние чины местных войск, укомплектованных из Пермской и Тобольской губерний, а также Акмолинской области Степного генерал-губернаторства.

Во второй половине XIX – начале XX вв. миграционное движение крестьян из европейской части Российской империи в Казахстан, наряду с ростом православного, в том числе и старообрядческого населения, привело к появлению здесь сектантских течений. При этом следует отметить, что их локализация

⁹ В 1862 г. руководство Московской старообрядческой архиепископии для утверждения единства верования своих последователей приняло «Окружное послание единыя, святыя, соборныя, древлеправославно-кафолическия церкви». Закрепленный в послании отказ от ряда положений, наиболее осуждаемых православной церковью, свидетельствовал о тенденции к примирению с официальным православием. Оставшиеся различия между официальной церковью и Белокриницким согласием сводились лишь к обрядовой стороне. Появление «Окружного послания» привело к расколу внутри сторонников Белокриницкой иерархии на принявших его – «окружников», и отказавшихся его принять – «раздорников». Раздорники занимали отрицательную позицию по отношению к официальной православной церкви, утверждая, что в ней царствует Антихрист, а также отстаивая ряд обрядовых особенностей. Формальное примирение двух сторон произошло только после собора 1906 г., решением которого «Окружное послание» было отменено.

на территории региона была крайне неравномерной. Так, в Уральской и Тургайской областях первые секты были зафиксированы только в начале XX и составляли только 0, 2 % от общей численности сектантов Оренбургского края.

Крупнейший очаг сектантства в Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв. был сформирован на территории Акмолинской и Семипалатинской областей. Его носителями выступили как русские крестьяне-переселенцы, преимущественно из Самарской, Тамбовской, Киевской и Астраханской губерний, так и немецкие поселенцы.

Наиболее многочисленными сектами на территории этих областей являлись протестантские секты (баптисты, евангельские христиане, штундисты, адвентисты и др.)¹⁰. Их последователи наиболее компактно проживали в Омском уезде и г. Омске и его пригородах – Атаманским хутором и ст. Куломанной, ст. Иссик-Куль, в Атбасарском уезде: в с. Борисовка, Сергиевка, п. Таловой, в Акмолинском уезде: с. Звенигородское, Самарский-Дальний, а также в г. Петропавловске. В конце XIX в. баптисты впервые появились в станицах Сибирского казачьего войска. Всего к 1913 г. в Акмолинской области проживало 10226 баптистов, 782 адвентиста, 740 менонита.

Второй по численности сектой на территории Акмолинской области являлась секта молокан и идейно близких к ней духоборов. Ее представители проживали в станицах Сибирского казачьего войска, а также в переселенческих

¹⁰ Баптизм получил широкое распространение среди немецких колонистов Юга России и Поволжья во второй половине XIX в. Разделяя общехристианские догматы о Троице, божественном происхождении Христа и др., баптисты вместе с тем отрицали роль церкви как посредницы между богом и людьми и проповедовали принцип «оправдания верой». Единственным источником веры ими признавалось Священное Писание. Баптисты отвергали иконы, церковные таинства, многие христианские праздники. Богослужения у них были заменены молитвенными собраниями. Крещение баптисты рассматривали как обряд, символически демонстрирующий сознательную веру человека, поэтому они требовали принятия крещения верующими во взрослом возрасте. Обращение в баптизм было обязанностью, как специальных проповедников, так и рядовых баптистов.

Очень близким к баптизму было вероучение евангельских христиан, которые придавали исключительное значение проповеди Евангелия и полностью отрицали обрядность. Почти одновременно с этими сектами в России появился штундизм – сектантское течение, возникшее среди русских и украинских крестьян под влиянием протестантов и сочетавшее в себе элементы протестантизма и вероучения духовных христиан.

поселках Омского и Петропавловского уездов. Всего в 1913 г. в пределах области насчитывалось 9126 молокан.

В 1890-е гг. в Сибирском казачьем войске в среде староверов-беспоповцев Кокчетавского уезда появилась община «Духовных христиан нового духовного Израиля», объединившая около 136 последователей¹¹. В 1907 г. из 555 ее членов, проживавших исключительно в станице Акан-Бурлукской и поселках Якши-Янгизставском и Нижне-Бурлукском, 540 были казаками. Здесь же в 1915 г. были зафиксированы секты хлыстов и афонских имябожников, численностью не более 200 человек в каждой. Никудышники, также именующие себя «квакерами», иоанниты (киселевцы), толстовцы проживали, в основном, в городах Акмолинской и Семипалатинской областей.

На территорию Южного и Юго-Восточного Казахстана первые секты проникли в конце XIX в., что объясняется более поздним официальным открытием Семиреченской и Сырдарьинской областей для крестьянской миграции из европейской части Российской империи. Наиболее компактно их общины располагались вдоль почтовых трактов, где не было железных дорог, что позволяло им активно разворачивать религиозную пропаганду среди русских крестьян-переселенцев. В начале XX в., по сообщениям духовных властей в регионе, «целые селения заражены сектантством... в одной Закаспийской области до 300 сектантов, в Ташкенте – 200». На территории Семиреченской области они про-

¹¹ Эта секта была одним из течений христововерия (хлыстовства). Основой ее вероучения являлось представление о возможности прямого общения человека со «святым духом», возможности воплощения бога в наиболее праведного из людей, который становился таким образом «Христом». Библия толковалась христововерами «духовно», аллегорически. Основным авторитетом в вопросах веры считались проповеди «христов». В отличие от других общин, христововеры сохранили видимые связи с православием: их собрания начинались православными молитвами, многие члены секты посещали церкви, соблюдали посты. В конце 1830-х гг. христововерие разделилось на несколько течений, одним из которых стало течение «Израиль». Его приверженцы рассматривали себя в качестве избранного народа «Израиля», которому суждено было возвести на земле «царство Божие». Когда в конце XIX в. после смерти своего руководителя - «Христа» «Израиль» распался, часть последователей объединилась в «Новом Израиле». Как и многие религиозные течения, выступавшие вначале с протестом против церковной иерархии, но приходившие, в конце концов, к традиционному церковному устройству, «Новый Израиль» оформился в своеобразную церковь с неограниченной властью руководителя. И «Израиль», и «Новый Израиль» имели многочисленных последователей в ряде казачьих областей (Донской, Кубанской, Терской). Вероучение этих сект требовало подчинения властям и разрешало военную службу.

живали в Верненском, Копальском, Пишпекском, Джаркентском и Пржевальском уездах.

Таким образом, вторая половина XIX – начало XX вв. стали периодом качественно нового этапа формирования православного населения Казахстана. Целый ряд причин: завершение присоединения его территории к Российской империи, реализация ею административно-территориальных реформ, направленных на интеграцию региона в общеимперское политико-правовое и социально-экономическое пространство, миграция крестьян из европейской части страны способствовали резкому увеличению численности православного населения и его повсеместному расселению. Особенности государственной стратегии переселения, учитывающей природно-климатические характеристики региона, потенциал земельных ресурсов и т.д., привели к тому, что наиболее активно осваивалась Акмолинская, Тургайская, и Семиреченская области. Именно в пределах этих областей было сосредоточено наибольшее количество православного населения.

Особенностью этапа выступало и то обстоятельство, что процесс формирования православного населения Казахстана сопровождался увеличением численности старообрядческих общин. Они пополнялись как за счет естественного прироста, так и благодаря крестьянской миграции в регион. Крупнейшими его центрами продолжали оставаться Уральская область на западе и Верхнее Прииртышье на востоке Казахстана. Однако на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. старообрядческие общины распространились и в другие области.

Этот же период стал временем развития на территории Казахстана сектантских общин, что также объясняется активным освоением региона крестьянами-переселенцами. Наибольшее их количество располагалось в пределах Акмолинской и Семипалатинской областей. В Уральской и Тургайской и Семиреченской области оказались районами численность сектантского населения была незначительной.

Среди сект Казахстана наибольшее распространение получили секты протестантского толка – баптизм, штундизм, адвентизм. На базе их учений

оформились секты «российского происхождения», которые также получили развитие на территории Омской и Туркестанской епархий – духоборы, молокане, никудышники. Кроме того, в отдельных районах епархий фиксировались секты, выделившиеся из старообрядчества – хлыстов, духовных христиан нового духовного Израиля. Как результат духовного кризиса православного населения Казахстана и поиска им выхода из этой сложной ситуации следует рассматривать и появление сект местного происхождения – афонских имябожников, иоаннитов-киселевцев, иоаннтово-аксеновцев, евангелистов-пашковцев.

В целом XVIII – начало XX вв. стали временем активного процесса формирования православного населения Казахстана. Православие заняло второе после ислама место по числу своих приверженцев. Это обстоятельство поставило перед Русской православной церковью задачу создания в регионе системы административно-территориального управления православным населением и условий, необходимых для реализации его религиозных потребностей.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какие факторы способствовали росту численности православного населения в Казахстане во второй половине XIX – начало XX вв.? Назовите области, в которых было сосредоточено наибольшее количество православного населения.

2. Перечислите секты, распространившиеся в Казахстане в рассматриваемый период. В каких областях они получили наибольшее развитие?

Рекомендованная литература:

1. Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1981. – 111 с.

2. Алексеенко Н.В., Алексеенко В.Н. Славянское население Казахстана XVIII-XX вв. Историко-демографическое исследование. Усть-Каменогорск : Медиа-Альянс, 2009. – 130 с.

3. Андреев С.М. Старообрядчество и сектантство в Сибирском казачьем войске // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 1. С. 39–42.

4. Безгодков А. Поморская монастырская обитель в Риддере // О старове-
рах Восточного Казахстана: Сборник статей. Усть-Каменогорск, 2013. С. 104–
106.
5. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Север-
ной Киргизии в эпоху капитализма. М. : Наука, 1986. – 242,[2] с.
6. Иванов К.Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири во второй поло-
вине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... к.и.н. Кемерово, 2001.
7. Казанцева Т. Старообрядцы Алтая // О старовеках Восточного Казах-
стана: Сборник статей. Усть-Каменогорск, 2013. С. 40–47.
8. Костанайская область: энциклопедия: 70-летию области посвящается /
Костанайский социал.-техн. ун-т ; ред. Кулагин С.В. ; сост. Алдамжар З.А. Ал-
маты: Арыс, 2006.
9. Леденев Н. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908.
10. Нестерова С.В. Религиозное пространство как подсистема культурно-
го ландшафта Алтайского региона (XVIII – первая треть XX вв.). Барнаул: Изд-
во АГАУ, 2004. 112 с.
11. Очерки истории Рудного Алтая. Усть-Каменогорск, 1970. – 200 с.
12. Приль Л.Н. История томского старообрядчества: епископы и обители
// Территория согласия. 2006. № 1. С. 46–48.
13. Сдыков М.П. Формирование населения Западного Казахстана в
XVIII–XIX вв. Алматы, 1996.
14. Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане в последней четверти
XIX – начале XX вв. Алма-Ата : Наука, 1963. – 410, [1] с.
15. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска.
СПб.: Глав. упр. иррегулярных войск, 1879. – 284, 51, V с.

Лекция 3. Административно-территориальная система управления учреждениями Русской православной церкви в Казахстане в XVIII – начале XX вв.

К началу XVIII в. система управления учреждениями Русской православной церкви в Российской империи представляла иерархическую вертикаль, центральной структурой которой выступала епархия. Высшим епархиальным органом управления являлась Духовная консистория.

Во главе Духовной консистории стоял епархиальный архиерей. При этом его полномочия не зависели от того, в каком сане он находился – митрополита, архиепископа или епископа. Он контролировал религиозно-нравственное состояние православной пасты, проповедническую и богослужебную деятельность духовенства, руководил многочисленными учреждениями епархии и возглавлял духовный суд. Архиерей также имел право выступать с законодательными и административными инициативами в Синоде и представлять интересы Русской православной церкви в местных органах государственной власти.

Главной тенденцией в государственной церковной политике XVIII–XIX вв. было стремление ограничить единовластие архиереев. Законодательной основой для их деятельности и деятельности Духовных консисторий выступали: правила апостолов, решения Вселенских и Поместных Соборов, учение святых отцов, Кормчая книга, Духовный регламент, указы Синода.

«Духовный регламент» официально сохранял силу вплоть до конца синодального периода. Его вторая часть содержала специальный раздел, посвященный «делам епископов». Он состоял из 15 правил, регламентирующих деятельность епископов по управлению и объезду епархий, епархиальному суду, взаимодействию с епархиальным духовенством. Епископам предписывалось также составлять ежегодно два отчета о состоянии епархии.

В 1841 г. был утвержден Устав духовных консисторий, который, по сути, выступил юридической основой епархиального управления всей империи. В рамках Устава консистория находилась под непосредственным руководством

епархиального архиерея. В ее административные функции входило: 1) решение кадровых вопросов, назначение на церковные должности; 2) наблюдение за деятельностью священников; 3) пострижения в монастырях епархии; 4) надзор за ведением церковных книг (метрических и др.); 5) управление архиерейским домом, его имуществом, а также управление монастырями и храмами, 6) контроль за религиозно-нравственным состоянием мирян; 7) рассмотрение судебных дел, связанных с церковными имуществами, и жалоб, как духовенства, так и мирян на духовных лиц. Новая редакция Устава консисторий 1883 г. фактически не изменила в положении архиереев и Духовных консисторий.

Духовным консисториям были подчинены духовные правления, выполнявшие в России в XVIII в. роль промежуточного звена между консисториями и поповскими старостами, которые стали называться заказчиками, а с 1782 г. — благочинными или десятона начальниками. В отношении прав и полномочий Духовных правлений не имелось четкой регламентации. Они имели право решать задачи административного и хозяйственного управления, обучения штатов священнослужителей и контроля за их деятельностью, вопросы храмостроительства и соблюдения церковных правил общинами верующих. Кроме этого, Духовные правления могли производить и руководить следствием над церковнослужителями; проводить экзамен среди священнослужителей на знание катехизиса, чтения и пения; налагать епитимии и штрафы на провинившихся духовного звания; рассылать консисторские указы через благочинных, наблюдать за их исполнением; следить за правильным ведением православных исповедальных росписей, метрических книг; предоставлять в консисторию ежемесячные рапортны и отчеты.

Таким образом, Духовные правления обладали значительной самостоятельностью, которая на протяжении первой половины XIX в. поэтапно свертывалась консисториями. Так, например, в 1771 г. из их компетенции были изъяты кадровые вопросы, связанные с назначением и увольнением священников, судебные функции, позволяющие им назначать меру наказания для церковнослужителей. Эта политика была продолжена в начале XIX в.: произошло постепен-

ное сокращение функций Духовных правлений за счет передачи некоторых из них в компетенцию благочинных. Например, в мае 1853 г. благочинным было поручено доставлять метрические книги в консисторию, минуя Духовное правление.

На смену аннулированным Духовным правлениям пришли благочиннические округа во главе с благочинными. Как указывалось выше, данная должность была создана взамен должности поповских старост, упраздненных в 1764 г. Наряду с ними задачу административного надзора за духовенством (до 1764 г.) исполняли заказчики, наличие которых по указу Святейшего Синода от 1737 г. было обязательным. Их помощниками являлись десятильники, собиравшие подати с духовенства в так называемых десятинах - более мелких церковно-административных подразделениях епархий. Начиная с царствования императрицы Екатерины II, заказчики стали именоваться благочинными.

Благочинные в рамках Устава духовных консисторий 1841 г. назначались на должность архиепископами и обязывались осуществлять надзор за нравственностью духовенства, за управлением церковным имуществом, за церковными книгами и церквями своего округа. Они имели право самостоятельно улаживать мелкие дела и налагать церковные наказания за незначительные проступки. В состав отдельного благочиннического округа входило, как правило, 10 церквей.

Православное население, осваивавшие на протяжении XVIII в. приграничную зону Южной Сибири и Южного Зауралья с Казахстаном было включено в состав Сибирской (Тобольской) епархии¹². На ее территории к 1750 г. функционировало три Духовных правления – Кузнецкое, Томское и Барнаульское. Последнее являлось административным центром для трех благочиний – Чингисского, Белоярского и Барнаульского. Барнаульский благочинный на протяжении первой половины XIX в. контролировал 25 приходов, два из кото-

¹² Сибирская (Тобольская) епархия было образована в 1620 г. К 1738 г. согласно ведомости, отправленной в Синод Тобольским митрополитом, в 25 заказах Тобольской епархии насчитывалось 374 церкви. В 1748 г. их численность увеличилась до 413 церквей, в 1771 г. – 561, 1791 г. – 616, что свидетельствовало о росте численности православного населения региона.

рых располагались на территории современной Восточно-Казахстанской области – Николаевский приход Зыряновского рудника и Успенский Риддерского рудника. Православные храмы, построенные на территории Бухтарминской и Иртышской укрепленной линии входили в компетенцию Семипалатинского десятиначальника Тобольской епархии.

В 1788 г. Синоду был дан именной указ о приведении в соответствие епархиального деления с административно-территориальным делением на губернии и о «включении первых в пределы последних». В этом же году Синод представил доклад на имя императора об учреждении для пяти губерний – Калужской, Пермской, Саратовской, Слободско-Украинской и Оренбургской самостоятельных епархий в границах этих губерний.

Реализация правительственного указа привела к разделу Сибирской (Тобольской) епархии. В 1799 г. 200 ее приходов были переданы в ведение вновь учрежденной Екатеринбургской, и ещё 37 – в ведение вновь открытой Оренбургско-Уфимской епархии. На территории Оренбургско-Уфимской епархии начали функционировать четыре Духовных правления – Уфимское, Бугулымское, Челябинское и Оренбургское. В состав последнего в 1817 г. была присоединена область Уральских казаков с образованием Уральского благочиния или протопопии.

В религиозной практике уральские протопопы пользовались огромными правами и самостоятельностью, фактически не подчиняясь Оренбургско-Уфимским епархиальным властям. В их ведении в начале XIX в. находилось 8 церквей: пять в Уральске – Казанская, Петропавловская, Святого Алексея митрополита Московского, Преображенская и соборная Михаило-Архангельская. Помимо них в Уральском войске в этот период существовали по одной церкви в Илецке, Сакмарске и Калмыкове.

В 1851 г. из состава Оренбургско-Уфимской епархии во вновь открытую Самарскую губернию и епархию было передано три уезда – Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский. В тоже время сокращение территории Оренбургско-Уфимской епархии в результате образования Самарской было компен-

сировано расширением её территории и влияния за счет территории оренбургских казахов, т.е. казахов Младшего жуза. Построенные на этих территориях в первой половине XIX в. крепости и форпосты обслуживались, как правило, походными церквями и причтами, которые подчинялись Главному священнику армии и флота. В 1845 г. военный губернатор Оренбургского края В.А. Обручев в связи с увеличением численности православного населения в степных укрепленных линиях обратился в Синод с ходатайством об учреждении отдельных причтов и строительстве церквей. Это обращение явилось основанием для передачи в 1853 г. по указу императора православного населения области оренбургских казахов в компетенцию оренбургского епархиального начальства.

21 марта 1859 г. по указу Синода была учреждена новая епархия – Оренбургская и Уральская, а прежняя Оренбургско-Уфимская стала именоваться Уфимской и Мензелинской. Одной из причин разделения Оренбургско-Уфимской епархии явились «особые религиозно-нравственные нужды в Оренбургском крае, вызванные тем обстоятельством, что край этот заключал в своих пределах многочисленный иноверческих и инородный элемент, превосходивший в то время численностью православную паству епархии». Таким образом, перед новой епархией ставилась задача организации и проведения православной религиозной пропаганды среди многочисленных народов Оренбургского края.

На момент учреждения Оренбургской епархии в ее состав вошло 142 церкви с православным населением 300 тыс. человек, объединенных в 13 благочиний. Семь из них располагались на территории Оренбургско-Орского уезда, по два благочиния – в Троицком и Челябинском уездах, одно – в Верхнеуральском уезде. 13 благочиние охватывало Уральскую область (20 церквей), Тургайскую степь (2 церкви) и Сыр-Дарьинскую укрепленную линию (2 церкви). В 1860 г. 13 благочиние было разделено на три самостоятельных: первое объединило православное население г. Уральска и Верхнеуральской укрепленной линии, второе благочиние – нижеуральскую линию от форпоста Бударинского до г. Гурьева, третье – выделенное в самостоятельное Туркестанское бла-

гочиние. В 1904 г. благочиния Уральской области были изъяты из компетенции оренбургских архиепископов и переданы в компетенцию Самарской епархии.

В 1834 г. произошло отделение Томской епархии из состава Тобольской, что мотивировалось исключительно причиной роста православного населения Сибири на протяжении первой половины XIX в. В ведение Томской епархии и консистории были преданы все церковные подразделения Алтайского горного округа, в том числе Южного (Рудного) Алтая.

Первая половина XIX в. стали периодом ликвидации Духовных правлений на территории южно-сибирских и зауральских епархий. Причем этот процесс не был единовременным актом. Так, Оренбургско-Уфимской епархии они были закрыты постепенно: в 1841 г. – Бугульминское, в 1851 г. Челябинское, 1857 г. – Оренбургское как преобразованное в консисторию, с учреждением Оренбургской епархии.

На территории Томской епархии Семипалатинское духовное правление (бывшее Семипалатинское десятиначальство) было ликвидировано в 1852 г. Часть его приходов, располагавшихся вдоль юго-восточной границы Алтайского горного округа, перешла к Барнаульскому духовному правлению. Это Екатерининский приход Бухтарминского укрепления, Усть-Каменогорский, Троицкий приходы, Убинский Николаевский, Бобровский Покровский, Ульбинской Николаевский, Глубочанский Введенский, Красноярский Николаевский, Верх-Убинский Покровский, Николаевского рудника Николаевский, Жерновский, Покровский, а так же находившийся за территорией Алтайского горного округа Кокпектинский Николаевский. «Эти одиннадцать приходов и уже входивший в Барнаульское духовное правление Риддерский образовали новое благочиние». Между 1856 и 1886 гг. Барнаульское и другие духовные правления Томской епархии как церковно-административные органы прекратили свое существование. Алтайский горный округ к этому моменту был разделен на восемь благочиний.

С середины XIX в. по мере продвижения границ Российской империи в Семиречье и формирования в регионе православного населения, происходило

расширение сферы влияния Русской православной церкви. Так, в 1849 г. высочайшим указом был назначен причт в станицу Копальскую. В 1852 г. был открыт приход в станице Аягузской, в 1856 г. – в станице Алматинской, 1858 г. – в станице Лепсинской, 1961 г. – в станице Софийской. В этом же году отдельные причты были назначены в выселок Коксуйский и станицу Урджарскую, а 1869 – в станицы Каскеленскую и Надеждинскую. Таким образом, в 70-м гг. XIX в. на войсковой территории Семиреченского казачьего войска насчитывалось десять православных приходов, которые в административном плане были объединены в два благочиния – Заилийское и Урджарское, входившие в состав Томской епархии.

Активная крестьянская колонизация в Казахстан и, как следствие, резкий рост численности православного населения региона с 70-80-х гг. XIX в., вызвали необходимость открытия новых епархий на его территории. Так, в 1869 г. по предложению военного губернатора Семиреченской области Г.А. Колпаковского было основано Семиреченское православное церковное братство, которое было призвано решать проблемы, связанные с церковно-приходским строительством в регионе, духовным и культурным просвещением, попечительством и благотворительностью. С 1886 г. деятельность братства распространялась на весь Туркестан, а в 1871 г. был подписан указ об образовании Туркестанской епархии.

После ее институционального оформления, церкви Сыр-Дарьинской линии, находившиеся до этого времени в ведении Оренбургских епископов, были переданы в ее компетенцию. К этому времени здесь насчитывалось 13 церквей: две в Ташкенте, по одной в Чиназе, Чимкенте, Туркестане, Перовске, Казалинске, крепости Аулие-Ате, Самарканде, Ходженте, в укреплениях Ура-Тюбе, Ката-Курган и одна церковь на Мангышлаке в форпосте Александровском.

В конце 80-х гг. XIX вв. местными властями был инициирован процесс создания в Степном генерал-губернаторстве самостоятельной Омской епархии. В декабре 1888 г. занявший должность генерал-губернатора Степного края Г.А. Колпаковский докладывал обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву об ито-

гах деятельности специальной комиссии, призванной определить границы вновь образуемой Омской епархий. Он сообщал, что комиссия предложила включить в ее состав 57 церквей, расположенных на территории Акмолинской и частично Семипалатинской области, четыре церкви Тюкалинского округа, три церкви Каинского округа и две Барнаульского округа Томской губернии, 31 церковь Тарского и 19 церквей Ишимского округа. Всего, таким образом, в состав новой епархии должны были войти 173 церкви. Указ о создании Омской епархии был подписан в 1895 г. Епархиальным центром стал Омск Акмолинской области.

После передачи части православных приходов Томской епархии в ведение вновь открытой Омской, первая сохранила за собой 46 благочиний, два из которых – благочиние 26 округа и благочиние 32 округа, располагались частично на территории Восточного Казахстана. В состав благочиния 26 округа входили Змеиногорский, Покровский, Верх-Алейский, Плоский, Карболишенский, Александровский, Риддерский, Бобровский, Верх-Убинский, Николаевский, Устьянский, Георгиевский, Бельгагачский, Гилевский, Новенский приходы. В состав благочиния 32 округа входили Шемонаевский, Старо-Алейский, Секисовский, Мало-Убинский, Шипуновский, Каменский, Орловский, Выдрихинский, Большереченский, Екатерининский единоверческие приходы.

В конце XIX – начале XX вв., в результате массовой миграции крестьян-переселенцев на территорию Казахстана и увеличения в связи с этим численности православного населения, происходил рост количества благочиний и изменение их состава. В частности, уездные города со своими церквями были обособлены в особые городские благочиния, в 1896 г. восстановлены отдельные благочиния для монастырских и женских общин, а также выделены самостоятельные благочиния Киргизских православных миссий.

В 1897 г. в Оренбургской епархии насчитывалось 43 благочиния, в том числе 10 городских и 33 сельских. Из них на территории Уральской области функционировало семь благочиний, в Тургайской области – два. Благочиния Уральской области составляли: благочиние градоуральских православных

церквей (5 церквей), благочиние градоуральских единоверческих церквей (9 церквей), благочиние монастырских церквей (2 церкви), благочиния № 23 (14 церквей), благочиние № 24 (14 церквей), благочиние № 25 (13 церквей), благочиние № 26 (6 церквей). В Тургайской области: благочиние градокустанайских церквей (4 церкви) и первый кустанайский благочиннический округ (12 церквей). Таким образом, в начале XX в. на территории Западного Казахстана насчитывалось 77 церквей.

В Туркестанской епархии с 1884 по 1895 г. функционировало восемь благочиний, четыре из которых располагались на территории Семиреченской области Степного генерал-губернаторства: Верненское (15 церквей), Копальское (14 церквей), Сарканское (12 церквей), Пишпекское (16 церквей). Остальные четыре благочиния – Ташкентское (25 церквей), Сыр-Дарьинское (5 церквей), Ферганское (7 церквей), Самаркандское (13 церквей), охватывали территорию Туркестанского генерал-губернаторства. К началу XX в. к восьми благочиниям Туркестанской епархии добавилось еще два: благочиние градоташкентских церквей и Аулие-Атинское благочиние. На территории Омской епархии в 1903 г. насчитывалось 27 благочиний, одно из которых объединяло церкви Киргизской православной миссии.

Таким образом, процесс развития административно-территориальной системы управления Русской православной церкви в Казахстане осуществлялся в рамках общеимперских тенденций. На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. она представляла собой черытехступенчатую модель: епархия с Духовной консисторией – Духовное правление – благочиние (протопопия, десятиначальство) – приход. Формирование православного населения региона осуществлялось в указанный период низкими темпами, в основном, в приграничной с Южной Сибирью и Южным Зауральем зоне Казахстана. Эти факторы обусловили включение данной территории в административную систему управления сибирских епархий: Тобольской, Оренбургско-Уфимской и Томской.

В начале XIX в. в системе управления Русской православной церкви обозначилась тенденция сужения сферы деятельности, а затем и полной ликвидации Духовных правлений. В результате к 60-70-м гг. этого столетия церковное административно-территориальное устройство приняло трехступенчатую модель: епархия с Духовной консисторией – благочиние – приход. В этот же период в связи с завершением процесса присоединения Казахстана к Российской империи и началом крестьянской миграции в регион началось резкое увеличение численности православного населения. Это вызвало необходимость расширения сферы влияния Русской православной церкви на степные районы Казахстана, что выразилось в создании новых епархий, собственно на его территориях: Оренбургской, Туркестанской и Омской. К началу XX в. православное население региона было включено в состав пяти епархий. На Западе Казахстана Уральская область вошла в состав Самарской, Тургайская область – в состав Оренбургской епархий. Центральные и Северо-Восточный районы – Акмолинская и Семипалатинская области – подчинялись Омским епархиальным властям, часть районов Восточного Казахстана – Томской епархии. Приходы Юго-Восточного и Южного Казахстана – Семиреченская и Сыр-Дарьинская области контролировались Туркестанскими епархиальными властями.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какая тенденция преобладала в государственной церковной политике XVIII–XIX вв.?
2. Назовите ступени административно-территориальной системы управления Русской православной церкви в Казахстане в XVIII – первой половине XIX вв.? Какие изменения она претерпела в 60-70-е гг. XIX в.?
3. Перечислите епархии, расположенные на территории Казахстана в начале XX в.

Рекомендованная литература:

1. Владимиров В.Н. Приходы Барнаульского духовного правления в 1829-1864 годах : (по материалам клировых ведомостей) : [монография] / В.Н. Владимиров, И.Г. Силина, М.Е. Чибисов. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2006. –137, [2] с.
2. Знаменский П. История русской церкви. М., 1896.
3. Кривонос Я.Е. 250 лет со дня образования Барнаульского духовного правления // Страницы истории Алтая. 2000 г.: Календарь памятных дат. Барнаул, 2000.
4. Леденев Н. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908.
5. Смолич И.К. История Русской церкви. 1700-1917. М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1996. – 798,[1] с.
6. Чернавский М.Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 1. Оренбург, 1900.
7. Чернавский М.Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 2. Оренбург, 1903.

Лекция 4. Развитие церковно-приходской системы

Нижнюю ступень в административно-территориальной системе управления Русской православной церкви представляли приходские общины, или церковные приходы. До XVIII в. приход являлся самоуправляемой административно-территориальной единицей Русской православной церкви, и государство не вмешивалось в процесс его функционирования. Ситуация стала меняться в эпоху Петра I, когда были приняты первые законодательные акты, регламентирующие жизнедеятельность прихода. Они затронули, прежде всего, процедуру его открытия и принципы взаимодействия с церковной и светской властью.

Так, в 1722 г. Синод утвердил первый указ о «О штате священно- и церковнослужителей при соборах и приходских церквях», в рамках которого одноприходская церковь должна была состоять из 100-150 дворов и иметь один штат священнослужителей (священник, дьякон и пономарь). Двухприходская церковь организовывалась на базе 200-250 дворов, при этом ее штат увеличивался вдвое, трехприходская – из 300 дворов, со штатом из трех священников, 2 дьяконов и 3 пономарей. Церкви, количеством дворов меньшим 100, должны были приписываться к другому более крупному приходу. Разрешение на строительство новой церкви стало исключительной прерогативой Синода.

С целью установления контроля за религиозно-нравственным развитием православных прихожан в годы правления Петра I при приходских церквях стало обязательным ведение списков исповедующихся. Указом 1718 г. император потребовал ежегодно представлять списки «не ходящих к исповеди» с целью взимания с них денежных штрафов. В 1722 г. Синод постановил вместо одного списка исповедовавшихся, вести три отдельных, которые должны были доставляться через епархиальные власти в Синод: 1) исповедовавшихся, 2) не являвшихся к исповеди, 3) отпавших в раскол. В годы правления Анны Иоанновны для таких списков был введен весьма сложный формуляр из 49 пунктов, а с 1769 г. при церквях стали составляться клировые ведомости, включавшие послужные списки и сведения о церковном имуществе – инвентарные книги.

Во второй половине XVIII в. государство продолжило практику регламентации организации и деятельности приходов, что мотивировалось в большей степени чисто прагматическими соображениями. Так, увеличение численности дворов, входящих в одноприходские приходы до 150-200 дворов, в двухприходские – до 200-300 дворов и в трехприходские – более 300 дворов, в рамках нового указа 1778 г., было рассчитано на упорядочение структуры приходов, снижение количества лиц духовного звания и переложение их содержания из казны на плечи прихожан. Указ был рассчитан также на приведение в соответствие границ светских и церковных территориальных единиц.

В XIX в. политика ограничения самостоятельности приходов нашла выражение в принятии в 1869 г. «Положения и составе приходов и причтов». В рамках нового закона была предпринята очередная попытка приведения в соответствие границ светских и церковных административно-территориальных единиц. Все храмы, в которых количество прихожан, населенных пунктов и расстояние от них до церкви, не укладывались в рамки Положения, либо закрывались, либо переводились в разряд приписных церквей с более крупными приходами. В результате мелкие приходы стали объединяться в более крупные, вследствие чего было закрыто 2000 церквей, к 1880 г. их число достигло 4800.

Согласно Уставу духовных консисторий 1841 г., списки исповедовавшихся, составлявшиеся по упрощенной схеме, должны были теперь отправляться священниками через благочинных в консисторию. Последняя обрабатывала эти списки и метрические данные в так называемые перечневые ведомости для годового отчета епископа Синоду. Эти ведомости, согласно Своду законов, стали считаться официальными свидетельствами о рождении, браке и т. д. С 1837 г. обязательным стало ведение в приходских церквях метрических книг, которые содержали данные о рождениях, браках и смертях.

Следует отметить, что политика государства в отношении православного прихода фактически не затрагивала данную церковную административно-территориальную единицу на территории Казахстана. Это было связано с тем, что процесс строительства православных церквей и открытия при них приходов

в данном регионе получили свое развитие только с 30-х г. XVIII в. До середины следующего столетия для него были характерны крайне медленные темпы, поскольку потоки православного населения в регион в этот период были ограничены, и оно формировалось, как указывалось выше, исключительно за счет казачьих войск и переселявшихся в регион административными методами сибирских крестьян и старообрядцев, приписывавшихся к этим войскам.

Первая православная церковь в Верхнем Прииртышье была построена в 1718 г. на территории Семипалатинской крепости. В других крепостях Восточного Казахстана первоначально действовали, как правило, походные церкви, которые привозили с собой командированные сюда из европейской части страны драгунские полки или казачьи отряды.

Стационарные церкви в крепостях Восточного Казахстана появились во второй половине XVIII в. Главным строительным материалом было дерево, поэтому постройки довольно часто сгорали во время пожаров. В конце XVIII в. в регионе началось возведение каменных церквей вместо деревянных: в 1775 г. была освещена каменная церковь в крепости Усть-Каменогорской, в 1793 г. – Знаменский собор в Семипалатинской крепости, в 1797 г. – церковь во имя Святой великомученицы Екатерины в Бухтарминской крепости, в 1801 г. – Троицкий собор в Железинской крепости, в 1803 г. – церковь в Ямышевской крепости; в 1814 г. – каменная церковь во имя Св. Николая Угодника в Убинской крепости.

Таким образом, первые православные приходы на территории Верхнего Прииртышья возникли как военные. В административном отношении они, как указывалось выше, подчинялись Семипалатинскому десятоначальству Сибирской (Тобольской) епархии. Их количественный и социальный состав к 1784 г. приведен в таблице 6:

Таблица 6. Социальный состав приходов Верхнего Прииртышья на 1784 г.

Населенный пункт и церковь	духовные	военные	приказные	разночинцы	посадские	дворяне	крестьяне и ясашные	Итого
г. Семипалатинск Антонофедеровская	8	94	34	395	39	40	27	647
кр. Усть-Каменогоская Иоаннобогословская	14	563	10	576		28	4442	5633
с. Ямышевское Иоаннобогословская	6	114	6	975		9	69	1176
с. Железинское Спасская	9	29		901	9	13	13	974
ф. Убинский Николаевская	11	4		724			4077	4816
Всего	48	904	50	3571	46	90	8628	13787

Из данных таблицы 6 видно, что приходы, возникшие на базе верхнеиртышских крепостей на протяжении XVIII в. переживали процесс трансформации из разряда гарнизонных приходов в приходы сельские с преобладанием крестьянского и разночинного населения.

Самыми большими на территории Верхнего Прииртышья в XVIII в. были приходы крепости Усть-Каменогоской и форпоста Убинского. В состав последнего входило значительное количество поселков, как прииртышских, расположенных по берегу Иртыша (Семипалатинская область), так и удаленных от линии Иртыша (Бийский, затем Змеиногорский уезд Томской губернии). В приходе Убинской церкви в 1814 г. числились поселки Бийского уезда: Красный Яр на Иртыше, Березовка, Николаевский рудник, Красный Яр на р. Убе, с. Убинское, Вавилонка, Ново-Шульбинское, Жерновая, Бородулиха, Шемонаиха, Екатерининское, Староалейское, Кабановка, поселки Семипалатинской области – Барашевский, Пьяноярский, Красноярский. Таким образом, приход занимал огромную территорию, в прочем, как и остальные четыре верхнеиртышских прихода.

В первые десятилетия XIX в. началось дробление приходов Верхнего Прииртышья. Причинами явились: увеличение численности православного населения в регионе, открытие и начало эксплуатации месторождений полиметаллических руд в Южном Алтае, а также государственная политика в отношении старообрядчества, связанная с попытками создания единоверческих приходов, объединявших прихожан новообрядной и старообрядной церкви. Так, например, из состава Убинского прихода выделилось около 20 самостоятельных приходов. Часть его населенных пунктов – с. Шемонаиха, Екатерининское, Староалейское, Кабановское – в 1837 г. было передано в состав вновь открытой Томской епархии с последующим образованием на их базе самостоятельных приходов. В 1839 г. из Убинского прихода в состав прихода единоверческой церкви села Секисовское были отчислены с. Убинское, Красноярское на Убе, Вавилонка, Новошульбинское, Жерновское, Бородулиха, Выдриха. К середине XIX в. Николаевский приход Зырянского рудника и Успенский Риддерского рудника были переданы Барнаульскому духовному правлению Томской епархии.

Выдвижение российских аванпостов вглубь казахской степи и проведение административно-территориальных реформ 20-60-х гг. XIX в. привели к необходимости строительства православных храмов на территории степных укреплений и комплектации их самостоятельными причтами. Однако проблема решалась крайне медленными темпами, главным образом, по причине нехватки денежных средств на реализацию данной задачи.

Так, в начале XIX в. Оренбургско-Уфимским епископом Августином было возбуждено ходатайство о строительстве церквей в семи линейных крепостях по оренбургской линии. Вопрос обсуждался на протяжении нескольких лет, и только после вмешательства генерал-губернатора Оренбургского края П.П. Эссена проблема была решена положительно. В результате на казенные средства в 1826–1829 гг. были сооружены каменные церкви в беднейших крепостях линии – Петропавловской, Кизильской, Ильинской, Таналыцкой, Урта-

зымской, Губерлинской, Верхнеозерной, Магнитной. На территории Уральской области в первой половине XIX в. была построена только одна церковь.

В области Сибирских киргизов, включавшей семь внешних округов: Баян-Аульский, Кокпектинский, Уч-Булакский, Аман-Карагайский, Куш-Мурунский, Аягузский, Кокчетавский, Акмолинский к середине XIX в. имелось только две каменные церкви в Акмолинске и Кокчетаве и две деревянные часовни в Аягузе и Баян-Ауле. Самостоятельные причты были назначены сюда только в 1852 г. В Южном Казахстане до 1866 г. на Сыр-Дарьинской укрепленной линии находилось две церкви – в форпосте Перовском и укреплении Казалинском. В 1865 г. было принято решение о строительстве еще 9 церквей за казенный счет, которые были переданы юрисдикции оренбургских епархиальных властей.

Таким образом, на протяжении XVIII – первой половины XIX в. процесс церковно-приходского строительства охватил только приграничные с южной Сибирью и Южным Зауральем территории Казахстана и осуществлялся крайне низкими темпами. В указанный период здесь функционировали приходы, которые по условиям содержания церквей и духовенства, а также составу прихожан можно разделить на несколько групп. Одну из них составляли приходы, возникшие на базе военных крепостей, строящихся на границе Южного Зауралья и Южной Сибири с казахской степью. К концу XVIII в. обозначалась тенденция дробления военных приходов, создаваемых в приграничной линии, и перемещения их в категорию сельских, что было связано с утратой большинством из них военных функций в результате выдвижения российских аванпостов к границам Средней Азии. Активное строительство военных укреплений на территории казахских кочевий Младшего, Среднего и Старшего жузов в первой половине XIX в. сопровождалось формированием военных приходов, собственно, на территории Казахстана. Строительство церквей и содержание священников в таких приходах осуществлялось за счет средств государства или Синода, а преобладающую социальную категорию прихожан составляли военные: казаки, солдаты и офицеры регулярной армии.

Вторая группа приходов объединяла сельское православное население Казахстана. До середины XIX в. наиболее активно оно формировалось на востоке региона. Большинство приходов данной группы возникло в процессе дробления военных приходов Верхнего Прииртышья и административно подчинялись Томским и Тобольским епархиальным властям. Соответственно социальный состав таких приходов был представлен сельским населением, а их жизнедеятельность регламентировалась в рамках общеимперского законодательства: церкви и священники в них содержались за счет православных общин, в некоторых случаях на средства администрации Алтайского горного округа.

Незначительное количество приходов на рубеже XVIII–XIX вв. возникло при заводах и рудниках на Востоке Казахстана в связи с открытием и началом разработки месторождений полиметаллических руд.

Со второй половины XIX в. процесс церковно-приходского строительства на территории Казахстана вступил в новый этап, что было связано началом массовой миграции крестьянского населения из Европейской части Российской империи и резким увеличением в связи с этим численности православного населения. Русской православной церковью предпринимались определенные шаги, направленные на создание условий для реализации духовно-нравственных потребностей православных переселенцев, однако, не смотря на это, к 80-90 гг. XIX в. очевидным стало несоответствие темпов переселения темпам церковно-приходского строительства в регионе.

Так, в западных районах Казахстана, входивших в ведомство Оренбургской епархии, несмотря на увеличение численности их православного населения, значительного роста церквей не произошло. В начале XX в. на территории епархии насчитывалось 502 приходских, 74 безприходских церкви и 238 молитвенных домов. Из этого количества на Уральскую и Тургайскую области приходилось всего 13 церквей.

На территории Семипалатинской области¹³ в 1864 г. проживало 50265 православных, а функционировало всего 20 церквей и 13 часовен. Таким образом, на каждую церковь приходилось в среднем по 2500 прихожан. На территории Акмолинской области к 1887 г. насчитывалось 66 церквей и 45 часовен. Преобладающее их количество располагалось в Петропавловском уезде (35 и 25 соответственно), Омской уезде функционировало 16 церквей, в Кокчетавском – 12 церквей, в Атбасарском и Акмолинском – по одной церкви. Из 66 церквей только 27 были приходскими: православное население Петропавловского уезда было объединено в 12 приходов, Кокчетавского – в 8, Омского – 5. На территории Атбасарского и Акмолинского уездов действовало по одному приходу.

Церкви, построенные в Казахстане на рубеже XVIII – первой половины XIX вв., к началу массовой миграции крестьян значительно обветшали и имели скудное внутреннее убранство. Фиксировались случаи, когда роль иконостасов играли иконы, нарисованные местными художниками на простом картоне. В Омской епархии, спустя семь лет после учреждения Духовная консистория не имела собственного помещения и располагалась в арендованной квартире. Епископ Омский и Семипалатинский Сергей в «Отчете о состоянии епархии» за 1906 г. отмечал, что большинство церквей епархии «по своему внешнему виду не величественны, скромны, малопоместительны и чрез то производят на редкого посетителя удручающее впечатление. ...Внутри храмов, кроме иконостаса, нет по стенам иконостасиков с иконами, отсутствует в них живопись, как средство обучения христианским истинам».

Аналогичная ситуация имела место и в Туркестанской епархии. Временным храмом для первого православного прихода, открытым в 1849 г. в Копале, стала большая юрта; в 1900 г. «консистория, за неимением собственного здания... помещалась по-прежнему в наемном, крайне темном и неудобном помещении». Описание одной из церквей епархии, расположенной в с. Николаевском Ходжентского уезда, приводил в своем отчете архиепископ Ташкентский

¹³ Семипалатинская область включала Семипалатинский, Сергиопольский, Кокпектинский, Копальский, Алатаусский округа.

и Туркестанский: «Церковь помещена в легком, переносном, разобранным доме шведской работы. Разобранные части от времени покоробились, посохли, кругом щели, под крышей на потолке пищат летучие мыши. Противный писк их ни на минуту не умолкает – такое множество. Удручающее впечатление оставляет и колокольня – также временная на четырех столбах без крыши. Все ветхо, покосилось, множество подпорок, лесенка без перил, без многих ступенек. Вот, кажется, подует ветер, и не устоять этому инвалиду под двойной тяжестью».

Низкие темпы церковно-приходского строительства в Казахстане в период массового переселения крестьян на рубеже XIX–XX вв. обусловили факт территориальной обширности большинства приходов. Так, например, в Омской епархии к Аббатскому приходу Ишимского уезда, к Кейзескому приходу Тарского уезда, к Чумашевскому приходу Барнаульского уезда было приписано по 20 деревень, к Маслянскому Ишимского уезда и Сидельниковскому Тарского уезда – по 15 деревень. Причем большинство из них от приходского сельского храма располагалось на расстоянии 50–100 км.

Благочинный протоиерей А. Павлов в мае 1907 г. обращался к епископу Омскому и Семипалатинскому с ходатайством о постройке в переселенческом п. Александровском церкви и назначении туда священника. При этом он указывал, что достигнуть ему Александровского и близлежащих к нему поселков нелегко, поскольку «90 верст пришлось проходить по киргизским аулам». Район деятельности миссионера Долонского стана Киргизской миссии Омской епархии к концу XIX в. включал 12 казачьих поселков, три крестьянских и две татарских деревни, а также Аккульскую, Бескарагайскую, Малыбаевскую, Сентаневскую, Айчыржальскую, Кентюбекскую казахские волости¹⁴. Православное население 65 сельских приходов Туркестанской епархии в начале XX в. было сгруппировано вокруг уездных городов. Многие из вновь созданных пересе-

¹⁴ В ведении миссионера находились: Аккульская (с населением 5360 душ м.п. и 4472 душ ж.п.), Бескарагайская (3418 душ м.п. и 3111 душ ж.п.), Малыбаевская (3200 душ м.п. и 2818 душ ж.п.), Сентаневская (2706 душ м.п. и 2360 душ ж.п.), Айчыржальская (3962 души м.п. и 3498 душ ж.п.), Кентюбекская (3409 душ м.п. и 2893 души ж.п.), Чагановская (2921 душа м.п. и 2234 души ж.п.).

ленческих поселков располагались на значительном расстоянии от этих центров.

Аналогичная ситуация имела место и в Западном Казахстане. Это позволило епископу Оренбургскому в отчете о состоянии епархии в 1897 г. отметить: «Ощущается потребность в умножении православных храмов по причине обширности епархии вообще и в частности – по отдаленности некоторых деревень от своего приходского храма. Усилившаяся за последнее время постройка новых церквей еще не восполняет их недостатка, так как православное население епархии, независимо от естественного прироста, увеличивается приливом переселенцев из внутренних губерний».

Вполне очевидно, что «то влияние, которое они (православные храмы. – Ю.Л.) могли бы иметь при большей скученности населения, в значительной степени сокращается. Большинство православной пасты живет вдали от храма, без полного, в привычной форме, понимаемого удовлетворения религиозно-нравственных нужд». Это в значительной степени осложняло, а в некоторых случаях делало фактически невозможным отправление жителями этих деревень своих религиозных потребностей и отдаляло их от Русской православной церкви.

Особенно опасной данная ситуация местным епархиальным властям представлялась в связи с тем, что молодое поколение «не имеющее понятия об истинном христианском воспитании и растущее без всяких крепких и ощутимых связей с церковью, совсем неблагонадежно для церкви православной. Они, как показывает наблюдение за заселениями с сектантами, быстро и почти без всякой душевной ломки, без тяжелых мук и страданий, сопряженных с переменной веры, оставляют православие: молодежь им не дорожит, ибо не знает его».

Повсеместными в епархиях Степного и Туркестанского краев являлись кадровая проблема, которая ограничивала возможности Русской православной церкви в реализации задач церковно-приходского строительства. Например, в Оренбургской епархии в 1885 г. из 811 священнослужителей только 225 окончили Духовные академии и семинарии. Остальные имели неполное семинар-

ское образование или закончили низшие духовные и гражданские училища. Епархиальные власти объясняли данную ситуацию, прежде всего, отсутствием в регионе Духовной семинарии.

По сообщениям омских епархиальных властей, в 1903 г. на 287 приходов епархии приходились один архимандрит, пять иеромонахов, 16 протоиереев, 314 священников, один иеродиакон, 88 диаконов, 289 псаломщиков. Всего из 714 священнослужителей только 9 окончили курс Духовной академии, т.е. имели высшее богословское образование, 180 священнослужителей окончили курс Духовной семинарии и 147 – курс Духовного училища. Остальные 378 (52,9%) имели неоконченное богословское образование.

Эта статистика позволило епископу Омскому и Семипалатинскому заключить, что «духовенство ... страдает отсутствием достаточного образовательного ценза», и назвать причины данной ситуации: отсутствие в епархии Духовной семинарии и конкуренции между кадровыми священниками, быстрые темпы открытия новых приходов. В Туркестанской епархии к указанным проблемам комплектации штатов приходов добавлялась и территориальная отдаленность региона – священники ехали в регион очень неохотно.

Переселявшиеся в Казахстан крестьяне, безусловно, относили себя к православному миру и православному государству – России. Эта идея выступала стержнем «центральной зоны» – этничности и менталитета русских и выступала мощной мотивацией к переселению их в те районы, где уже имелись православные монастыри, скиты, храмы. Их наличие воспринималось как факт окончательной включенности данной территории в состав сферы имперского влияния. Именно поэтому, при низких темпах развития церковно-приходской жизни в Казахстане, большинство православных миссионерских станов, возникших в казахской степи в 80-90-е гг. XIX в. и на территории которых были построены православные храмы, стали местом расселения крестьян-переселенцев. По той же причине в переселенческих участках, где отсутствовали православные церкви, «приходилось выслушивать, прежде всего, одну и ту же просьбу о построении церкви или хотя бы молитвенного дома и назначении священника».

Однако открытие новых приходов совершалось по правилам, установленным Синодом, и представляло довольно продолжительную по времени процедуру. Основанием для открытия прихода являлось наличие на территории поселка храма. Его строительство по Уставу Духовных консисторий осуществлялось с разрешения епархиальных властей при наличии утвержденного губернскими гражданскими архитекторами плана и фасада будущей церкви и сметы на ее строительство. Финансовый вопрос решался жителями поселка – сооружение церкви осуществлялось на их собственные средства, в редких случаях – на благотворительные пожертвования.

Завершающей фазой строительных работ являлось обращение жителей поселка к епархиальным властям с ходатайством об освещении церкви, назначении к ним отдельного причта и образования, таким образом, самостоятельного прихода. Содержание построенных церквей возлагалось полностью на прихожан: для этого формировалась церковная казна, пополнявшаяся из нескольких источников: пожертвований прихожан, платы за исполнение треб, кружечных и кошелековых сборов, сборов с продажи свечей и других церковных принадлежностей. За осуществлением всех приходно-расходных операций следили священник и сельских староста, должность которого была введена еще в XVIII в. В XIX столетии он в рамках действующего законодательства превратился «из главного распорядителя средств церковной казны в человека, заботящегося в целом о храме совместно со священноцерковнослужителем, он нес полную ответственность за состояние храма перед епархиальным и гражданским начальством».

Согласно «Правилам о местных средствах содержания православного приходского духовенства и о разделе сих средств между членами причтов» на плечи прихожан возлагались обязанности по содержанию приходского духовенства. К ходатайству об открытии прихода община прилагала письменное обязательство о предоставлении причту жилья (оплата арендованных квартир или строительство отдельных домов), земли из общинного надела, а также гарантии платы за исполнение религиозных обрядов.

В реальной практике строительство церквей и образования на их базе новых приходов в Казахстане осложнялось рядом обстоятельств. Главным из них было то, что в связи с переменой места жительства и процессом адаптации к новым условиям большинство крестьян, переселившихся в Казахстан, испытывало крайнюю нужду, поэтому экономически было не в состоянии брать на себя обязательства по строительству храма и содержанию священников.

Показательна в связи с этим ситуация, имевшая место при открытии нового прихода в г. Кокчетаве. В 1889 г. жители его окраин обратились с просьбой о постройке на собственные средства церкви на основании того, что «в городе существует только один храм в казачьей станице». Через восемь лет после завершения строительства, начались подготовительные работы по организации нового прихода. Были определены его границы, количество населения, получены обязательства о предоставлении прихожанами домов для проживания причта и об оплате ими денег за исполнением причтом треб.

После назначения Омской консисторией в приход причта выяснилось, что предоставленное священнику и дьякону дома не пригодны для проживания. Дом священника «не оконопачен ни мохом, ни паклей, ставней и наличников нет, равным образом нет крыльца. Внутри дом не отштукатурен, не вымазан глиной, пол и косяки не окрашены краской, нет построек для скота, нет забора». Дом, купленный прихожанами для дьякона, вообще оказался в аварийном состоянии и он был вынужден поселиться на «съемной квартире», вносить за нее плату из своего жалования, поскольку прихожане отказались выплачивать аренду.

Возмущенная этим фактом Омская духовная консистория в 1900 г. потребовала от благочинного Кокчетавского уезда, в ведение которого входил вновь открытый Михаило-Архангельский приход, немедленного решения жилищной проблемы для его причта. В противном случае консистория была намерена перевести причт в другой приход. В 1902 г. дома для священника и дьякона были приобретены «общественною покупкою в готовом виде». Однако денежная

компенсация дьякону за аренду жилья за три года прихожанами так и не была выплачена.

Нередкой при открытии нового прихода проявлялась проблема наделения причтов землей. По закону каждому штатному причту светские власти должны были предоставить в пользование землю – 99 десятин для ведения хозяйства – пахотной, сенокосной или пастбищной. Однако на территории Казахстана большинство земельных ресурсов находились в пользовании казахских обществ или принадлежало казакам Уральского, Сибирского, Семиреченского войск. Поэтому здесь приходилось испытывать определенные трудности в решении данного вопроса.

Например, при открытии прихода в п. Александровском Кокчетавского уезда Акмолинской области в 1891 г., его жители обязались выделить причту земельный участок для ведения домашнего хозяйства. Однако сразу же между причтом и прихожанами возник конфликт по вопросу землепользования. Перманентно он длился на протяжении нескольких лет: взявшие на себя обязательства по предоставлению в пользование священника и псаломщика земельного надела, крестьяне не торопились их исполнять. В результате многолетней переписки сельского старосты с епархиальными властями, прихожане вытребовали себе право аренды земли, которую они должны были передать причту, при условии выплаты за нее 50 руб. за десятину в год. Но даже в 1904 г. причт с. Александровского обращался в Омскую консисторию с просьбой выслать копию этого мирового соглашения «для взыскания с них (прихожан – Ю.Л.) следуемых денег судебным порядком, если не уплатят добровольно». Из чего следует, что крестьяне отказались в конечном итоге платить и за аренду земли, которая принадлежала причту.

Показателен в этой связи и случай, связанный с открытием самостоятельного прихода в п. Большенарымском в 1989 г. Все земли в данном регионе к этому времени принадлежали Сибирскому казачьему войску. Как следовало из донесения межевого отделения войскового хозяйственного управления Сибирского казачьего войска, на основании Положения от 21 апреля 1869 г. все цер-

ковные причты, образованные на территории войска до 1877 г., обеспечивались земельными наделами в размере 300 десятин. Земельных ресурсов для причтов, открываемых после этого года, в том числе для Большенарымского прихода «прирезать неоткуда, так как войсковых запасов в самом поселке нет».

Командующий Сибирским казачьим войском генерал-майор А.А. Катенин предложил передать земли причту казаками п. Большенарымского «...по собственному усмотрению из своего юртового надела». В 1901 г. казаки дали свое согласие, в августе этого же года был подписан указ об открытии самостоятельного прихода в п. Большенарымском, а земельный надел причт получил только в 1903 г. Таким образом, вопрос об открытии самостоятельного прихода в п. Большенарымском в данном случае решался в течение двенадцати лет, а наделение землей причта растянулось на три года.

В некоторых приходах причты вообще не получал полагаемый по закону земельный надел. Например, через пять лет после открытия прихода в д. Марининской Усть-Каменогорского уезда в 1910 г. приходской священник жаловался благочинному и в Омскую консисторию: «Во вверенном нам приходе на причт выделено полевой земли 99 десятин. Следовательно, усадебной земли должно быть отведено 9,9 десятины из общего надела крестьян с. Марининского. Жители онога села отвели под постройку причтовых домов и усадебной огородной земли всего только одну десятину 600 сажений для священника и псаломщика и больше давать не намерены в чем и представили нам копию приговора за № 11 от 7 марта 1910 г.». В итоге землю причт так и не получил.

Наряду с причинами субъективного характера, препятствием к активному образованию приходской жизни в Казахстане выступала и «разнохарактерность» прихожан. Епархиальные власти в связи с этим отмечали: «переселенцы тянутся со всех концов России, с разным говором и даже с разными наречиями, разными понятиями и религиозным обычаями. Эта разница бывает настолько велика, что даже такое простое дело как выборы сельского старосты представляется им делом непреодолимой трудности и вот эти-то переселенцы, жившие в России, освященные веками религиозными традициями, пользовав-

шиеся у себя на Родине всеми благами церковной жизни, совершенно без всякого усилия со своей стороны, получив ее в наследство от прежних поколений и не принимая в ее создании никакого участия, очутившись в новых и непривычных условиях сибирской переселенческой жизни, становятся на первых порах в крайне затруднительное положение. Они оказываются неспособными сами, своими собственными силами создать более менее сносные условия религиозной жизни, так как не знают как это можно сделать... Здесь же начинается рознь и в религиозных обычаях. ...Начинаются на это ссоры, взаимные насмешки и осуждения, оканчивающиеся разными расстройками.... И так, живя из года в год вдали от храмов, люди начинают постепенно отвыкать от прежней жизни, понемногу теряя религиозные обычаи, и, в конце концов, через пять лет тупеют, «дичают» в церковном отношении».

Вся совокупность проблем, возникавших в процессе церковно-приходского строительства в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. (тяжелое материальное положение церквей Казахстана, нехватка профессиональных кадров священников, сложный характер взаимоотношений прихожан и причтов и т.д.) обуславливали низкие его темпы. В свою очередь это отрицательно отражалось на процессе социокультурной адаптации крестьян-переселенцев, объективно препятствовало удовлетворению в полном объеме их религиозно-нравственных потребностей и способствовало падению авторитета Русской православной церкви среди них. Следствием явилось повсеместное игнорирование православным населением нравов и устоев духовной жизни, усиление влияния среди него исламской и сектантской пропаганды.

Проблемы культурно-религиозной адаптации крестьян-переселенцев, связанные с низкими темпами церковного строительства в Казахстане, признавали и представители местной администрации. Так, в одном из Отчетов Начальник Закаспийской области генерал-майор Калмаков писал: «Недостаточно хорошо поставлено дело удовлетворения религиозных нужд русского населения области. А это крайне важно на далекой окраине, среди чуждого и даже враждебного по вере мусульманского населения. ...Поэтому не приходится удивляться,

что случаи отпадения от православия и перехода в мусульманство и сектантство не так редки».

При этом местные власти считали, что при переходе в ислам или сектантство православных жителей региона, «экономические условия и материальный расчет ...не всегда имеют решающее значение». Существенную, а иногда и главную роль играла, по мнению военного губернатора Семиреченской области Г.А. Колпаковского, «низкая степень нравственных и религиозных понятий, благодаря которой наблюдается такая простота нравов и отношений ...и что влияет, конечно, и на отпадение от православия. Поэтому, наиболее действенным органом для борьбы с таким злом может быть воздействие на религиозно-нравственную сторону, которое могут оказать более ...духовные пастыри...».

Сложная ситуация, возникшая в Казахстане к концу XIX в. в связи с низкими темпами церковно-приходского строительства, по мнению местной администрации, способствовала не только падению авторитета Русской православной церкви среди православного населения. С позиции защиты интересов государства в данном этнорегионе они считали, что такая обстановка наносила урон имиджу и престижу и Русской православной церкви и Российской империи в глазах коренного мусульманского населения.

Показательна в этом отношении история строительства новой церкви в г. Зайсан, расположенном на границе с Цинской империей. Построенная здесь ранее церковь к концу XIX в. Являлась, по сообщению епископа Томского Макария, «...малопоместимой, крайне ветхой и убогой», вдобавок и с «недостаточностью наличного состава причта при этой церкви». В связи с этим генерал-губернатор Степного края барон Таубе во всеподданнейшем отчете за 1894 г. писал: «Церковь в этом городе, расположенном на китайской границе, несомненно, имеет важное государственное значение, как знамя русского могущества и как представительница и хранительница русского православия и русской народности на Востоке». В результате были найдены средства, и новая церковь была возведена к 1902 г.

В докладной записке на имя императора военный губернатор Семиреченской области Н.О. Розенбах в 1888 г. отмечал «Убогая и скудная внешность здешних православных церквей, по своему резкому контрасту с грандиозными монументальными зданиями мечетей и медресе, не может не производить слишком глубокого и крайне невыгодного для нас впечатления».

Первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман отмечал в связи с этим: «В Туркестанском крае, на окраине, где с православною верою соприкасается мусульманство, может быть самое фанатичное в свете, нельзя без ущерба для государственной религии и ее значения забросить туркестанскую паству. Кроме чисто религиозного значения, неустройство этой паствы вредно влияет и на прочность нашего положения в мусульманском крае. Желая доказать превосходство христианской цивилизации над магометанством, мы должны обнаружить прежде всего полную и всецелую преданность требованиям нашей веры».

Государством и местными властями предпринимались шаги, направленные на решение проблем религиозной адаптации крестьян-переселенцев. Одной из таких мер стало создание в 1894 г. благотворительного фонда им. императора Александра III. Только в Омской епархии в 1895–1904 гг. на его средства было построено около 100 церквей: 4 располагались по линии Сибирской железной дороги, 14 – в Семипалатинском уезде, 10 – в Акмолинском уезде, 6 – в Атбасарском, 18 – в Кокчетавском, 5 – в Омском, 21 – в Тюкалинском, 13 – в Тарском, остальные – в Каинском уезде.

Важным шагом в решении проблемы следует считать организованное государством в начале XX в. беспрецедентное по масштабам церковно-приходское и церковно-школьное строительство в регионе. В мае 1907 г. вышел указ Синода «О порядке учреждения новых приходов в Азиатской России», в котором было сказано следующее: «...вследствие усилившегося притока переселенцев за Урал и истощения свободного земельного запаса в наиболее заселенной части Сибири, земли для выдворения выходцев из Европейской России отводятся, с одной стороны, – все дальше на север – в тайгу, с другой – далее –

на юг, в киргизскую степь, причем переселенческие участки часто находятся в расстоянии 100 и более верст от ближайших селений. При таких условиях, недостаток в Сибири православных храмов и церковно-приходских организаций является весьма ощутимым. ...В настоящее время, вследствие обширности существующих приходов, священники лишены возможности посещать новые поселки, ещё не вошедшие в состав этих приходов. Множество же населения проживает в таком отдалении от приходов, что вовсе не в состоянии обращаться к ним даже в самых необходимых случаях».

Среди причин, связанных с необходимостью скорейшего решения проблемы нехватки церквей и приходских организаций на территории азиатских епархии указывалось также близкое соседство крестьян-переселенцев с «инородцами – магометанами и буддистами, а также различными сектантами, влияние которых на православное население тем сильнее, чем оно более удалено от церквей». Подчеркивалось, что возлагать финансовые обязательства на переселенцев в деле строительства церквей и содержание причта невозможно из-за тяжелого экономического положения новоселов.

Исходя из всего вышесказанного Синод постановил открывать приходы в азиатских епархиях «без обязательного требования от прихожан исполнения всех установленных для сего условий, и поручить все преосвященным предоставить сведения о том, в каких переселенческих пунктах, по отдаленности их от приходских церквей, признается необходимостью открыть новые приходы, в каких из этих приходов признается необходимость иметь церкви и молитвенные дома, ...и какие имеются средства для обеспечения причтов».

Для реализации указа Синода в течение 1907 г. в епархиях Степного и Туркестанского краев была организована работа епархиальных Комитетов по устройству церковного быта переселенцев, в состав которых входили в качестве председателей епархиальные архиереи, членов: губернаторы областей, управляющие государственным имуществом, заведующие переселенческими районами, губернские архитекторы. Епархиальные Комитеты для более продуктивной работы создавали филиалы в областных и уездных центрах генерал-

губернаторств. На них возлагалась задача сбора необходимой информации, которая бы позволила быстро среагировать на проблему и разработать механизмы и способы её решения¹⁵.

Координировать деятельность епархиальных Комитетов по церковно-приходскому строительству был призван созданное при Синоде в мае 1908 г. Особое совещание. На него возлагалась задача «...выявления церковных нужд в переселенческих местностях и выработка общего плана их удовлетворения» посредством «установления средненормальной цифры отпуска на построение церквей и причтовых домов; на содержание причтов в переселенческих приходах», а также определение «пунктов», в которых было необходимо «приступить к открытию приходов и причтов в первую очередь, отложив осуществление предположений относительно учреждения постоянных приходов».

Главным направлением деятельности Комитетов по устройству религиозно-нравственных нужд переселенцев стала работа по формированию новых приходов на территории областей, определение их границ, состава населенных пунктов. Она осуществлялась на основании «Порядка учреждения новых приходов в переселенческих поселках епархий Азиатской России», утвержденного Синодом 22 сентября 1907 г. Для открытия новых приходов епархиальным властям поручалось собирать необходимые сведения и представлять их в сводных таблицах. Таблицы должны были содержать наименование всех переселенческих поселков епархий, с указанием волостей и уездов, количество в них приписных церквей и молитвенных домов; данные о численности населения (как православного, так и инородческого). Кроме этого представлялись данные о численности населенных пунктов, расстояние между ними, изучались возможности увеличения количества населения в них, перспективы и экономический потенциал, обыгрывались варианты объединения поселков в рамках того или

¹⁵ В состав, например, Семиреченского Комитета вошли представители религиозной и светской власти: вице-губернатор Семиреческой области П.П. Осташкин, зав. переселенческим отделом Семиреченской области С.Н. Велицкий, областной инженер, подполковник А.П. Зенков, священник М. Омелютный. Председателем комитета являлся епископ Туркестанский и Ташкентский Дмитрий.

иною прихода. Затем составлялся общий проект открытия новых приходов в области, который отправлялся в Синод на утверждение.

Для формирования новых приходов на территории Оренбургской, Омской и Туркестанской епархий, определения их границ, состава населенных пунктов епархиальным Комитетам приходилось плотно сотрудничать с областными Переселенческими управлениями. Последние предоставляли в Комитет данные о планируемых к открытию новых переселенческих районах. Так, например, в Семиреченской области Туркестанской епархии по данным Переселенческого управления в 1907 г. – было открыто к заселению 5 переселенческих участков Пишпекского района. В 1908 г. предполагалось открыть 9 таких участков: в Пржевальском уезде в п. Михайловский, Николаевском, п. Кугаевка и шесть пунктов в Пешпекском уезде – в пп. Ново-Покровском, Архангельском, Байтыковском, Вознесенском, Успенском, в выселке на третьем Чуйском участке. К 1909 г. были открыты к приему переселенцев 35 новых участков.

В результате анализа собранных данных туркестанский епархиальный Комитет по устройству религиозного быта переселенцев ходатайствовал перед Синодом об образовании на основе переселенческих участков, открытых за период с 1907 по 1909 гг. в Семиреченской области, 37 самостоятельных приходов. В 1910 г. здесь расширилось число районов для выдворения переселенцев: к существующим Пржевальскому и Джаркентскому добавились Верненский, Копальский, Урджарский, Лепсинский, Нарынский, Джаркентский районы. Это позволило открыть ещё 14 приходов: по два в Верненском, Лепсинском и Пржевальском уездах, в Пишпекском уезде – 6 и по одному в Копальском и Джаркентском уездах.

Аналогичная работа проводилась в Омской епархии. В результате совместной работы Комитета по устройству религиозных нужд православного населения и Переселенческого управления данного региона только за один 1908 г. здесь было запланировано к открытию 92 самостоятельных прихода. Так, на территории Семипалатинской области для этого были выбраны следующие переселенческие участки: 1 подрайон – с. Александровское, Ефремовское; 2

подрайон – с. Ивановское, Михайловское, п. Железинский (Урюпинский), переселенческий участок Карагаш-куль, с. Чигонак; 3 подрайон – с. Баянаул, п. Киринейско-Капурский, хутор Кандыкульский, п. Карагалинский, п. Джилатавский; 5 подрайон – пп. Велико-Дмитриевский, Георгиевский, Мариинский, Александровский, Казнаковский, Преображенский, Батинский, Алтайский, Покровский; 6 подрайон – Алексеевский. Итого, в Семипалатинской области предлагалось образовать 22 самостоятельных прихода, которые охватили бы переселенческие участки с населением 22111 чел.

В Омском уезде Акмолинской области в этом же году планировались в открытию приходы в п. Терен-Сай, сс. Аулие-Су, Сулу-Чилик, Узун-Чаш, Боган (Царско-Дарское), Степановское, Пахомово; в Петропавловском уезде Акмолинской области: в сс. Успенском, Джамантуз, Анновском, Карасульском; в Кокчетавском уезде: на участке Тарагульском, с. Чистяковском; в Атбасарском уезде: в сс. Савенковском, Знаменском, Степное и переселенческих участках Джер-Ащи, Долинный; в Акмолинском уезде: в с. Гуляй-Поле, Борисовском, Приречном.

В Оренбургской епархии в 1908 г. на базе переселенческих поселков было открыто пять самостоятельных приходов: п. Курмамбетском Уральского уезда, Тарангульском и Саздинском Актюбинского уезда, Максимовском и Ново-Алексеевском Кустанайского уезда. В 1909 г. добавилось еще 12 приходов.

Работа епархиальных Комитетов по организации новых приходов на территории Казахстана сопровождалась проектированием строительства церквей, школ и причтовых домов. В ряде регионов из-за ограниченности финансовых ресурсов, Комитетами принималось решение о строительстве в приходах помещений, функционально предназначенных и для церковных богослужений и для организации школьных занятий. Предполагалось, что со временем, когда переселенцы окрепнут экономически и смогут построить на свои средства новые, более просторные и дорогие церкви, церкви-школы в этих приходах станут использоваться только для школьных занятий. Поэтому, проектируя постройку церкви-школы, изначально исходили из того, что здание должно соответство-

вать требованиям учебного процесса. Размер церквей, школ, церквей-школ и количество ассигнований на их постройку зависели от количества населения того или иного прихода, его экономических и демографических перспектив развития, доступности строительных материалов и транспортных средств для их доставки.

В результате работы оренбургского Комитета по удовлетворению религиозных нужд переселенцев Тургайско-Уральского района был разработан перечень технических проектов и расчетов стоимости построек церквей и домов для причтов. Первый тип предполагал строительство церкви из кирпича на каменном фундаменте, размером, способным вместить 100 человек. Стоимость такого проекта определялась в 16260 руб. Второй тип постройки был аналогичен первой, но был рассчитан на 1000 человек. Соответственно возрастала его стоимость – 23103 руб. Третий тип проекта представлял сочетание церкви и школы в одном помещении, способном вместить 600 человек. При этом строительным материалом выступало дерево. Цена этого типа составила 9185 руб. Четвертый тип – деревянная церковь на 1000 человек, стоимостью 17966 руб. Проект предполагал строительство и жилого помещения для священника и псаломщика «из сырцового кирпича с примесью волокнистых веществ» стоимостью 1571 руб.

В Туркестанской епархии более рациональным было признано строительство только церквей-школ. Первый вариант предполагал их сооружение в поселках, с незначительным количеством населения, увеличение которого в будущем не планировалось. Тем самым исключалась возможность открытия здесь самостоятельных приходов и проектируемое здание, таким образом, должно было функционально в первую очередь предназначаться для постоянных школьных занятий. Церковная служба могла совершаться в них только в некоторые праздники и недели говений. Стоимость такого проекта определялась в 3-5 тыс. руб.

Второй вариант предусматривал строительство молитвенного дома-школы в поселках, где можно было рассчитывать на более или менее скорую

постройку средствами населения отдельных церковных зданий. После строительства отдельной церкви построенное здание, таким образом, передавалось исключительно под образовательные цели. Проект предполагал постройку из двух комнат вместимостью 120 человек с квартирой для учителей, которая могла выполнять одновременно функции молитвенного дома. Стоимость такого здания возрастала до 6-8 тыс. руб.

В связи с развернувшимся масштабным церковно-школьным строительством в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах, с 1915 г. в их областных центрах были учреждены Комитеты специального технического надзора по строительству и финансированию. Представить размеры государственных вложений на реализацию плана позволяют данные, например, за 1911 г. (таблица 7):

Таблица 7. Объем государственных средств на церковно-школьное строительство в Казахстане в 1911 г., руб.

Епархия	Причтовые дома	Церкви	Молитвенные дома	Школы	Всего
Уральская область Уфимской епархии	16000	17500		22000	55500
Оренбургская епархия	4500			5000	9500
Омская епархия	42000		55000	33000	130000
Туркестанская епархия	11000	46000		5000	62000
Всего	73500	63500	55000	65000	257000

Деятельность епархиальных Комитетов по устройству религиозно-нравственного быта переселенцев, не смотря на оперативность, отставала от темпов заселения православными крестьянами Казахстана. Кроме того, открытие новых приходов и церквей-школ сопровождалось проблемой комплектации их штатами церковнослужителей. Её попытались решить путем организации в Москве четырехмесячных пастырских курсов в 1910 г., выпустивших 106 кандидатов священства. Однако, например, в Туркестанскую епархию было направлено из их числа всего 4 выпускника.

Одним из способов решения данной проблемы стала организация Комитетами деятельности разъездных причтов. Для успешного претворения в жизнь этой идеи, им приходилось определять место расположения будущего разъездного причта, маршруты его передвижения, вести переписку о заработной плате священникам таких причтов и средствах на оплату их транспортных расходов.

В 1908 г. в Семиреченской области Туркестанской епархии начали работу два разъездных причта. Деятельность первого распространялась на Джаркентский, второго – на Пишпекский уезды. В 1911–1913 гг. в регионе была организована деятельность ещё шести самостоятельных разъездных причтов. На территории Тургайской области с 1908 г. два разъездных причта обслуживали переселенческие пункты в Кустанайском уезде, три – в Актюбинском, и один – в Уральском уезде.

После создания в Туркестанской епархии на оз. Иссык-Куль Свято-Троицкого мужского монастыря, обязанности разъездных священников стали выполнять его иеромонахи. В 1908 г. епископ Туркестанский Дмитрий добился от Синода разрешения в виде исключения рукополагать в священный сан местных сельских учителей и образованных казаков, не прошедших семинарских курсов, что позволило снизить напряженность кадровой проблемы.

Итогом реализации государственного проекта по церковно-приходскому строительству в Казахстане, реализованному в 1907–1912 гг. явилось повсеместное увеличение численности приходов региона. Так, на территории Омской епархии в 1903 г. насчитывалось 315 церквей, из них 287 церквей являлись приходскими. В 1914 г., после реализации проекта в составе епархии насчитывалось 560 церквей, 257 часовен, 266 церковно-приходских школ. Из 456 приходов епархии, 288 располагались на территории Акмолинской и Семипалатинской областей. В Семиреченской области Туркестанской епархии с 1907 по 1910 г. было открыто 52 самостоятельных прихода, всего же с 1907 по 1912 г. в Туркестанском крае их число возросло с 78 до 161.

Массовая миграция крестьянского населения в Казахстан, а также развитие капиталистического сектора в экономике региона на протяжении второй

половины XIX – начала XX в. привели к качественным изменениям типологии приходов. Окончательно завершилась трансформация военных приходов, функционировавших в XVIII – начале XIX вв. в разряд сельских или городских приходов. Преобладающее большинство приходов Казахстана стало относиться к категории сельских. Численность населенных пунктов, входивших в один такой приход, колебалась от одного до четырех-семи с количеством прихожан от 800 до 5000 человек. В них, как правило, сооружались деревянные однопрестольные храмы.

Вторую категорию приходов составляли городские приходы, что было связано с процессом урбанизации, активно происходившем в Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв. в результате развития капиталистического уклада в экономике региона. Так, православное население г. Петропавловска и Семипалатинска, Уральска к 1914 г. было объединено в четыре прихода с числом прихожан от 2500 до 4080 человек. В г. Павлодаре функционировало три прихода с численностью прихожан от 1799 до 3300 человек, в гг. Кокчетаве, Каркаралинске, Акмолинске, Кустанае – по два прихода, с численностью прихожан 3300-3600 человек. Наиболее многочисленными были приходы г. Усть-Каменогорска: в начале XX в. два городских приходских причта обслуживали прихожское население, численностью от 1200 до 12000 человек. В гг. Атбасаре, Зайсане, Кокпектах, Иргизе, Тургае действовало по одному приходу. Как правило, на территории казахстанских городов сооружались каменные трехпрестольные соборы.

Третья категория приходов объединяла станицы Уральского, Сибирского, Семиреченского казачьих войск. Однако социальный состав этих приходов в рассматриваемые периоды не был однородным: существовали как чисто казачьи приходы, так и приходы, смешанные в социальном отношении. Например, приход Бухтарминской станицы в 1876 г. включал как казачьи поселки (Вороневский, Черемшанский, Березовский, Александровский, Северный), так и крестьянские деревни (Кондратьевская, Махотинская). Социальный состав прихожан распределялся следующим образом: казаки – 1642 человек (67,1%), крестьяне – 798 человек (30,9%).

яне – 530 человек (21, 7%), мещане – 220 человек (9,1%), солдаты – 38 человек (1,6%), дворяне – 13 чел. (0,5%). Следует подчеркнуть, что содержание церквей и причтов и их домов осуществлялось в станичных приходах за счет войсковых средств.

Четвертый тип приходов создавался на предприятиях горнорудной промышленности. Например, в первом благочинническом округе Каркаралинских уездных и городских церквей Омской епархии в 1914 г. действовали приходы Беркаринского рудника¹⁶ и Спасского медеплавильного завода. На территории Восточного Казахстана продолжали функционировать приходы Риддерского и Зыряновского рудников. Содержание таких приходов брали на себя администрации предприятий. Так, на востоке Казахстана ею выступало Алтайское горное правление. В 1856 г. им была построена деревянная церковь во имя успения Божьей матери на Риддерском руднике, в 1852 г. – перестроена обветшавшая церковь на Зыряновском руднике. Социальный состав таких приходов не был однородным. Приход Риддерского рудника, например, включал 3800 человек: военных, дворян, купцов и мещан, однако большинство из них – инженеры и мастеровые люди (97% от численности прихожан).

Пятый тип был представлен единоверческими приходами. Их формирование началось еще в начале XIX в., что было связано в государственной политикой в отношении старообрядцев, направленной на объединение представителей новообрядной и старообрядной православной традиции в рамках одного прихода. Наибольшее их количество располагалось на территории Восточного и Западного Казахстана, поскольку здесь исторически сложилось два крупнейших старообрядческих центра. К 1910 г. в Верхнем Прииртышье функционировало 8 единоверческих приходов: Шемонаеховский, Секисовский, Мало-Убинский, Каменский, Орловский, Выдрихинский, Большереченский, Екатеринский. Они включали в свой состав от одного населенного пункта до пяти с населением от 880 до 6290 прихожан. Наиболее крупным был Секисовский единоверческий приход, объединявший с. Бобровку, Волчиху, Быструху, Заим-

¹⁶ Приход Беркаринского рудника был открыт еще в 1859 г.

ку, Александровское. Финансирование деятельности приходов, зарплата священникам назначались из казны епархиальных касс. Иногда строительство храмов и содержание причта осуществлялось из среды Алтайского горного округа. Количество старообрядцев и представителей официального православия в таких приходах было неравномерным. Например, в Екатерининском приходе православных насчитывалось 582 человек (59,7%), единоверцев – 384 (39,4%), старообрядцев – 8 (0,9%).

Шестой тип – приходы Киргизской православной миссии Омской епархии. Их появление в конце XIX в. было связано с началом миссионерской деятельности Русской православной церкви среди казахского населения. В 1914 г. действовало семь приходов на базе станом миссии, территориально охватывающие прилегающие к Иртышу районы. В этническом плане прихожанами миссионерских приходов являлись как казахи, принявшие православие, так и православные русские крестьяне-переселенцы.

К 1914 г. повсеместно на территориях приходов Казахстана была решена проблема наделения земель причтов, при большинстве из них функционировали церковные попечительства, библиотеки, школы, однако сложной оставалась кадровая проблема в епархиях. Так, в Омской епархии в отдельные годы в штате епархии имелось до 50 священнических вакансий. Решить проблему пытались посредством открытия в Омске Духовной семинарии. В 1909 г. при консистории была создана специальная комиссия, которая должна была разработать соответствующую документацию и заручиться поддержкой Степного генерал-губернатора, Акмолинского военного губернатора и омской Городской думы. Последняя даже отвела участок под строительство здания семинарии, был организован сбор средств и добровольных пожертвований на ее строительство. Однако наступившая первая мировая война внесла свои коррективы в реализацию плана. В 1916 г. из Синода преосвященному Сильвестру, епископу Омскому и Семипалатинскому было передано сообщение о том, что «постройку здания Омской семинарии, хотя бы и частичную, надлежит отложить до наступления более благоприятного времени».

Таким образом, приход, как низовая административно-территориальная единица Русской православной церкви получил повсеместное распространение в Казахстане только с середины XIX в., что было связано с массовой крестьянской миграцией в регион и увеличением численности православного населения. Особенностью церковно-приходского строительства выступало то обстоятельство, что оно осуществлялось вне общеимперского законодательства: в связи с тяжелым экономическим положением большинства крестьян-переселенцев, они были освобождены от обязанностей по строительству церквей, содержанию причтов. Эту функцию взяло на себя государство и Синод, организовав в начале XX в. масштабное церковно-приходское строительство на территории Казахстана.

На протяжении XVIII – начала XX вв. происходила дифференциация приходов Казахстана. Так, до середины XIX в. преобладающими были военные (гарнизонные) приходы, с последующим образованием на их базе сельских приходов. Со второй половины XIX в. результате крестьянской миграции, развитием капиталистического сектора в экономике региона и связанными в нем процессами урбанизации, а также расширением сферы деятельности Русской православной церкви появились новые категории приходов: городские, горно-заводские, единоверческие, миссионерские. Однако преобладающей категорией стали сельские приходы, объединившие в своем составе крестьян-переселенцев.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какими обстоятельствами осложнялось строительство церквей и образования на их базе новых приходов в Казахстане?
2. Выделите главную особенность церковно-приходского строительства Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв.
3. Перечислите категории приходов, существовавших на территории Казахстана. Каковы были особенности каждого типа приходов?

Рекомендованная литература:

1. Адаменко А.М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX вв. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. – 190, [1] с.
2. Владимиров В.Н. Приходы Барнаульского духовного правления в 1829-1864 годах : (по материалам клировых ведомостей) : [монография] / В.Н. Владимиров, И.Г. Силина, М.Е. Чибисов. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2006. –137, [2] с.
3. Герасимов Б.Г. Старинные церкви Семипалатинской области // Б.Г. Герасимов. Избранные труды. Усть-Каменогорск: ШЫҒЫС баспа, 2000. – 335 с.
4. Земля потомков патриарха тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М. : Изд-во Моск. Патриархии, 2002. – 348 с.
5. Зольникова Н.Д. Борьба за контроль над сибирской приходской общиной и институт церковных старост (источники XVIII в.) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1984. С. 87–102.
6. Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. II. М., 1992.
7. Папков А.А. Упадок православного прихода XVII–XIX вв. М., 1899.
8. Смолич И.К. История Русской церкви. 1700-1917. М., 1997.
9. Трегубов А.Л. Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях // Вопросы колонизации. 1906. Т. 6.
10. Чернавский М.Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 1. Оренбург, 1900.
11. Чернавский М.Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 2. Оренбург, 1903.

Лекция 5. Религиозно-просветительская деятельность Русской православной церкви в Казахстане

Наряду с активизацией церковно-приходского строительства в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. местные епархиальные власти развернули широкую работу по, направленную на повышение религиозно-нравственного и культурного уровня крестьян-переселенцев. Священники Омской епархии отмечали в связи с этим: «Дикость и грубость нравов, пьянство, разгул, разнузданность во всех отношениях. ...Прибавьте к этому ещё так называемые «помочи» и «съезжие праздники», отличающиеся повальным пьянством и всякого рода безобразиями, нередко сопровождающиеся смертоубийствами, прибавляя кражи со взломами, противодействия властями, самосуды с киргизами, сводные браки и т.п., а также и полнейшее невежество, суеверия и предрассудки, присущие одинаково и православным и раскольникам, получим картину печальную».

Характеризуя православное население Туркестанского края, епархиальные власти писали в 1906 г.: «Даже в крестьянской среде, в особенности за последнее время, развилось немало пороков. Если, например, крестьяне и смеются над нетрезвостью казаков, то и сами повинны в этом. Громадные суммы, ежегодно выручаемые питейными заведениями, хорошие дивиденды последних ясно указывают, сколь далеки от трезвости и сами крестьяне. Или, хотя они и говорят, и справедливо, о лени и праздности казаков, то и сами народ малоподвижный, вялый».

Аналогичного мнения придерживались приходские священники Оренбургской епархии. Помимо «лености и бесшабашности», уральское и оренбургское казачество было крайне религиозно-индифферентно, не соблюдало постов, не посещало храмы даже в большие церковные праздники, очень непочтительно относилось к духовенству, предавалось разгулу и пьянству.

Значительная доля крестьянства, переселившаяся в казахскую степь, как и казачество, демонстрировала полное равнодушие к религиозной составляющей своего быта. Начальник Киргизской миссии Омской епархии епископ Ки-

приан в 1908 г. писал: «К великому удивлению переселенцы, киевские и черниговские крестьяне, эти выходцы из «святых» губерний, представляют из себя сырой материал едва ли не полной религиозной неразвитости: они не знают главных молитв ... исповедоваться не умеют ... в церкви стоять не умеют... К этому религиозному невежеству нужно прибавить общую умственную темноту».

Преосвященный Сергей, епископ Омский и Семипалатинский, в отчете о состоянии епархии за 1902 г. оценивал религиозно-нравственное состояние паствы следующим образом: «Сибирские казаки и крестьяне-старожилы до сих пор к религии относятся холодно: они редко посещают богослужение, не чувствуют не только привязанности, но и даже расположения к Храму божьему, они очень неохотно исполняют христианский долг исповеди и святого причастия, а к обрядам православной церкви относятся почти безразлично ... большинство ходят в храм раза три-четыре в год». В доказательство приводились следующие данные: из общего числа православного населения епархии в 788094 чел. в 1902 г. исповедь и святое причастие исполняли лишь 57%, исповедовались, но не причащались 0,7%.

В Оренбургской епархии, по свидетельству епархиальных властей, крестьянство «более трепетно относилось к церкви», соблюдало дни поста, посещало церкви и служило молебны. В то же время значительная часть переселенцев, вынужденная арендовать землю у казахских обществ и проживавшая, таким образом, на значительном расстоянии от православных храмов, была лишена возможности совершать религиозные обряды. «Эти люди, – писали в отчете о состоянии епархии за 1909 г. ее власти, – долго ничего не видя и не слыша назидательного и духовно-нравственного из христианской жизни, сначала чувствуют некоторую скуку и пустоту в душевной жизни, потом же и охлаждение к своей вере. Между тем, окружающие их киргизы сильны своей религиозной жизнью, взаимною поддержкою, ревностным исполнением предписаний лжепророка Магомета и тем самым вызывают естественно уважение к себе».

Крестьянское переселение в Казахстан резко увеличило приток старообрядцев и особенно сектантов различных толков. На общем фоне проблем крестьянской миграции, резко возросла их религиозная пропаганда. Переход православного населения в сектантство объяснялся рядом обстоятельств, главным из которых было незнание, непонимание норм и догматов православной веры, неостребованность тонкостей религиозной догматики большинством крестьян-переселенцев. Нередко преобладающей становилась именно внешняя сторона сложившейся культуры быта, праздника.

Интересна в этой связи запись рассуждений казака Оренбургского казачьего войска, приведенная публицистом К. Кузнецовым: «Только басурманы хотят у бога все в душе высмотреть и спрашивают. Я же тому спасу особенно поклоняюсь, как и матушке Параскеве Пятнице, что ничего в этом не понимаю, хоть мою голову расшиби. А люблю чтобы в этот день свечи тысячами по церкви горели, и народ валом валили в храм Божий, со всем усердием и в своей простоте, и в полном счастье. А спрашивать как, да почему всякий дурак умеет. Я же принадлежу к народу русскому... этот народ любит когда святая Русь идет барыней, идет подряд 2–3 дня, и я, казак, люблю...». «Все наши праздники разукрашены, разубраны, – комментировал это высказывание К. Кузнецов, – Тут и краски быта, и гармоника с бандурой, тут и казачка в шелковом корсаже с гарнитурной юбкой. Захудалый поселок разряжается в ленты, монисты, в сафьяновые сапожки и, оперев руки в бок, кричит на всю улицу, даже на весь свет... Шумит улица, шумит кабак... Если эту картину зачеркнуть, то надо зачеркнуть и девять десятых войскового населения, а как будто и жаль».

В сложившейся ситуации важнейшей задачей Русской православной церкви в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. провозглашалось возвышение в верующих «спасительных истин веры и нравственности», пробуждения в казачестве и крестьянстве любви к вере путем раскрытия ему значения христианской нравственности для «устроения истинного счастья человека». Для реализации этой задачи епархиальные структуры Казахстана развернули широкую работу среди православного населения.

Первостепенное значение в ней отводилось церковной проповеди как основной форме религиозно-нравственного воспитания. Епархиальные власти Казахстана обязали священников вводить в содержание проповеди рассмотрение теоретических вопросов богословия, следить за религиозно-нравственным состоянием клира и ежегодно предоставлять отчеты – клировые и исповедальные ведомости, указывать в них причину уклонения прихожан от проповеди и исповеди. О случаях, когда прихожанин не был на исповеди без уважительной причины более 3 лет подряд, приходской священник обязан был сообщать об этом епархиальным властям. Последние, как правило, налагали епитимию на злостных нарушителей обряда.

Важным направлением деятельности православного священничества Казахстана, призванного укреплять религиозно-нравственный уровень православного населения, стало проведение внебогослужебных беседований и народных чтений. В 1902 г. по указу Синода епархиальному начальству была поручена организация в приходах «в дни воскресные и праздничные после богослужений катехизических бесед о вере с детьми, не посещающими школ». Особенно важным проведение таких бесед было в переселенческих районах, так как значительное количество детей из семей крестьян-переселенцев не имели возможности посещать школы из-за их ограниченного количества в сельских приходах. В результате подрастающее поколение выросло «в неведении основных истин христианского учения, иногда даже молитв».

Внебогослужебные беседы для взрослого населения епархий проводились по воскресным и праздничным дням или после окончания торжественных вечеров. В ходе их прихожан знакомили с историей Российской империи, проводились лекции на естественнонаучные темы, дискуссионные вопросы богословия, разъяснялись богослужения, молитвословия, церковные посты. Посещаемость прихожанами таких мероприятий варьировалась в зависимости от времени года, месторасположения церкви. Наибольшая посещаемость фиксировалась во время Великого поста. Завершались такие мероприятия, как правило, бесплатной раздачей литературы теологического содержания.

Публичные или народные чтения проводились, как правило, вне православных храмов: в помещениях городских дум, областных правлений. Социальный состав слушателей таких чтений был разнообразным, в нем представлены все социальные группы – чиновники, разночинцы, торговцы, ремесленники, и что было немаловажным обстоятельством – посещали беседы и раскольники.

В зависимости от социального состава слушателей, подбирались тематика чтений. Для народа их стремились сделать более адаптированными к уровню их общекультурного развития: составляли облегченные программы чтений, использовали иллюстрации и картины, «волшебные фонари», формировали концертную программу. Не смотря на то, что чтения носили религиозный характер, их дополняли «полезными знаниями из области истории, географии, астрономии, геологии». Так, в Уральске на протяжении 1899 г. состоялись беседы по теме «О страданиях Холмской Руси под игом польских иезуитов и о раздорах римских пап с иезуитами»; 21 февраля этого же года по теме «О небе и звездах» с демонстрацией 34 картинок; 21 марта – «О мученической кончине в татарской орде св. князей российских Михаила Тверского и Михаила Черниговского и подвигах самоотвержения св. благоверного князя Александра Невского для спасения России» с демонстрацией 36 картинок.

Кроме того, епархиальные власти считали необходимым организацию внебогослужебных чтений и беседований в сельских приходах епархий. Епископ оренбургский Владимир в 1899 г. «требовал обязательной постановки чтений во всех церквях епархии и доставлении подробной о них отчетности». Для этого «установилась точная запись в особо заведенные для этой цели книги того, кто именно, когда, на какую тему и по какому руководству читал или беседовал с прихожанами, здесь же обозначается по возможности и число слушателей».

Однако строго определенного порядка и правил проведения религиозно-нравственных бесед в сельских приходах установлено не было. Они проводились, главным образом, в осенние и зимние месяцы, иногда в воскресные или праздничные дни на базе церковно-приходских школ. Внимание в ходе их свя-

щеннослужители уделяли объяснению и толкованию дневного, воскресного или праздничного евангелия, истории праздников, объяснению символа веры. «Предметами беседы были также догматы веры, церковно-исторические события, недостатки религиозной жизни народа, объяснение благочестивых обычаев и обрядов христианских и постановлений церковных, христианская нравственность, жизнеописания святых с нравственными выводами уроков благочестия из их жизни, явления чудотворных икон с нравственно-назидательными приложениями, чудесные исцеления больных и т.д.».

Анализ источников позволяет утверждать, что на более высокий уровень проведение внебогослужебных бесед было поставлено в городах Казахстана. Масштаб их организации в Омской епархии можно оценить по данным за 1915 г. епархиальный миссионер М. Паншев совершил 155 выступлений, протоиерей М. Орлов – 55, священник П. Санхин – 133, священник В. Чемоданов – 30, св. Крылов – 11, иеромонах Серафим – 13, А. Ложкин – 74, А. Казаков – 12. Всего, таким образом, в Омской епархии в 1915 г. было проведено 596 внебогослужебных бесед с православной паствой.

В сельских приходах Казахстана организация внебогослужебных лекций встречали определенные трудности, связанные, прежде всего с низкой посещаемостью и отсутствием помещений для их проведения. Беседы, проводившиеся на базе церковно-приходских школ, не носили систематического характера, а велись «эпизодически, случайно» – один-три раза в год.

Не смотря на это, священники епархий подчеркивали значимость и эффективность проведения такого рода мероприятий, их популярность среди населения. Считалось, что внебогослужебные беседы необходимы для «защиты и укрепления в народе православия, преданности престолу», а также расширения общего кругозора населения, поскольку «он (народ – Ю.Л.) до сих пор еще убежден, что земля стоит неподвижно, и, пожалуй, скажет, что и на трех китах. Он не знает, что такое солнце, звезды; он не знает «откуда пошла есть русская земля»». По мнению миссионеров, прекращение сектантской пропаганды в ряде населенных пунктов Оренбургской и Омской епархий, переход старообрядцев в

новообрядческую церковь явился результатом проведения именно этих мероприятий.

В тоже время, в некоторых случаях организаторам внебогослужебных бесед приходилось признавать, что православное население не готово адекватно воспринимать содержание таких бесед, особенно тех его составляющих, которые посвящались повышению общего уровня интеллектуального развития. Примером может служить сообщение Усть-Каменогорского благочинного А. Дагаева о том, что после завершения очередной внебогослужебной беседы он получил анонимное письмо от слушателей, в котором было написано следующее: «Мы думали, что она (женщина, приглашенная для прочтения отрывка из художественного произведения – *Ю.Л.*) будет читать про звезду, которая указала Предвечного младенца, лежащего в яслях; а не: говорила она умно, предлинно, наконец довершила тем, что какой-то Карлыч привязал звезду бумажную на еловый сук и тем кончила рассказ.

...Всепокорнейши просим..., нельзя ли будет заменить плевелы чистой пшеницей. Вот хотя бы выучить нас, как следует изображать на себе крестное знамение, да еще не мешало бы внушить нам какие следует читать молитвы перед обедом, ужином и после оных». В результате А. Дагаеву пришлось на некоторое время отказаться от той части внебогослужебных бесед, направленной на повышение общего культурного уровня развития православной паствы.

Важным воспитательным моментом в приходах Оренбургской, Омской и Туркестанской епархий стал процесс создания различных обществ и кружков на базе приходских храмов с целью пропаганды среди населения идей православия. Так, например, в марте 1913 г. в Семиреченской области Туркестанской епархии был образован Бахтинский Свято-Николаевский приходской кружок ревнителей православия. Его слушателем мог стать любой желающий. Цель кружка предполагала подготовку из его членов «армии духовных борцов за православие, пожираемое ныне всевозможными еретическими и атеистическими лжеучениями». Задачей кружка становилось изучение Святого писания «по предметам, прорекаемым инакомыслящими с православной церковью». Каждое

занятие начиналось и заканчивалось священным песнопением, а в ходе его «делался доклад о положительном учении православия», после чего проводилась «беседа постоянных членов кружка». Аналогичные структуры были созданы в Западном и Северо-Восточном Казахстане: в приходах Оренбургской и Омской епархий функционировали братства ревнителей православия.

Важным методом повышения религиозно-нравственного уровня православного населения Казахстана было распространение православной церковью религиозной литературы, в том числе, обличающей старообрядчество и сектантство. Как подчеркивали священники «будучи религиозным, наш народ не совсем подготовлен к тому, что бы враз понять и усвоить предмет миссионерской беседы, которая проходит в силу этого для него чуть ли не бесследно. Брошюра же дает возможность человеку уяснить себе тот или иной пункт церковного учения и при случае сказать своему заблудшему брату слово вразумления и, таким образом, продолжить дело миссионера».

Для этого в епархиальных центрах Казахстана создавали специальные библиотечные фонды, находящиеся в открытом доступе. Религиозная информационная система формировалась сетью специализированных библиотек, среди которых наиболее значимыми были: храмовые библиотеки, епархиальные миссионерские библиотеки Оренбургской, Омской и Туркестанской епархий и их филиалы, библиотеки религиозных учебных заведений. Кроме этого, на территории Омской епархии была организована народная библиотека общественной духовной организации – Омского епархиального братства ревнителей православия.

Главенствующие позиции в предоставлении населению религиозной информации занимали храмовые городские библиотеки, поскольку были более доступны для прихожан. Н.В. Огурцова, исследовавшая библиотечную деятельность в Омской епархии, отмечает, что здесь использовался унифицированный подход к их формированию, в котором обязательно присутствовала обязательная часть. Таким образом, «по составу фонды церковных библиотек были достаточно однородными, включавшими произведения богословской, бо-

гослужебной, церковно-исторической и духовно-нравственной тематики». Книжные собрания церковных библиотек были общедоступными. Например, библиотекой Омского Воскресенского собора пользовались не только представители духовенства, но и военные, купцы, мещане, воспитанники кадетского корпуса и даже «отдельные категории заключенных из крепостного отрога».

Важную роль в религиозно-нравственном просвещении православного населения Казахстана призваны были сыграть епархиальные, уездные и окружные миссионерские библиотеки. Их формирование в регионе были инициировано на рубеже XIX–XX вв. – в период, когда активно разворачивали свою деятельность антиисламские, антистарообрядческие и антисектантские миссии. В отличие от церковных библиотек, фонды миссионерских были значительно меньшими (до 300 единиц в епархиальных миссионерских библиотеках и до 150 – в уездных и окружных). Однако комплектовались они исключительно изданиями миссионерского содержания. При этом обязательными для хранения и использования являлись издания, рекомендованные Синодом и Православным миссионерским обществом. Особенности старообрядческих толков и сектантских движений в отдельных регионах Омской, Оренбургской и Туркестанской епархий определяли содержание уездных и областных миссионерских библиотек.

Наряду с церковными и миссионерскими библиотеками, с конца XIX в. в Казахстане получили развитие библиотеки при церковно-приходских школах. По сведениям Н.В. Огурцовой первоначально их комплектование осуществлялось с учетом потребностей учебного процесса, а с течением времени содержательный состав фондов становится более разнообразным. Кроме учебной и религиозно-нравственной литературы, в библиотеках появлялись книги по сельскому хозяйству, ремеслам, естествознанию, истории, географии. Книги в библиотеки приобретались строго по указателю, составленному Министерством народного просвещения и Училищным советом при Святейшем Синоде. Финансирование библиотек осуществлялось за счет средств, отпускаемых Синодальным учебным советом, с привлечением сумм епархиальных училищных

советов, их уездных отделений и пожертвований частных лиц. Всего в Омской епархии, например, в 1909 г. насчитывалось 172 церковно-приходских библиотеки. Повсеместное распространение они получили и на территории Уральской, Тургайской, Семиреченской областей.

Весомый вклад в духовную книжную культуру вносили библиотеки различных религиозных организаций. Так, деятельность Омского епархиального братства ревнителей православия и русской народности, основанного в 1898 г., была направлена на распространение религиозно-нравственного просвещения путем открытия бесплатных народных читален, уличных библиотек, удешевленной продажи и безвозмездной раздачи книг священного писания, религиозно-нравственного и патриотического содержания. В библиотеку выписывались духовные журналы и газеты. В отдельные годы их количество достигало трех десятков наименований. Среди них: «Вера и церковь», «Богословский вестник», «Церковный вестник», «Христианское чтение», «Душеполезное чтение», «Странник», «Миссионерское обозрение», «Православный собеседник», «Труды Киевской духовной академии», «Православный благовестник», «Русский паломник», «Кормчий», «Церковные ведомости», «Руководство для сельских пастырей», «Отдых христианина», «Мир божий».

Кроме этого братство стремилось разнообразить содержание библиотечного фонда посредством распространения «полезных сведений». Для этого им, например, в 1901 г. выписывались «Русская старина», «Исторический вестник», «Живописная Россия», «Спутник здоровья», «Сибирская жизнь», «Вестник воспитания», «Естествознание и география», «Народное образование», «Вестник всемирной истории», «Деревня», «Сад и огород», «Русский начальный учитель», «Народное образование», «Домашний врач», «Сельский вестник». Из перечня следует, что читателям библиотеки был доступен большой круг периодических изданий, предназначенный для семейного чтения, для различных возрастных и социальных групп населения. Книги и журналы выдавались на дом, на срок не более одной недели, что свидетельствовало о популярности библиотечного фонда – в 1901 г. пользователями фонда являлось 450 человек. Омское

епархиальное братство также занималось распространением среди народа «икон правильного письма», иконостасов, масла, ладана, фитильков для лампад, крестиков, богослужебных книг и т.д.

Важное значение для укрепления религиозно-нравственных начал православного населения Казахстана и ограждения его от раскольнической пропаганды имело издание Оренбургских, Омских и Туркестанских «епархиальных ведомостей». На страницах «ведомостей», выходявших в разные годы с периодичностью два-четыре номера в месяц, публиковались материалы, обличавшие старообрядчество, сектантство и ислам, разъяснявшие внутреннее содержание православных обрядов, церковных служб, доказывающие необходимость посещения храмов и исполнения религиозных треб. «Епархиальные ведомости» публиковали также поздравительные речи епископов в связи с религиозными праздниками, графики православных праздников, постов, поездок епископов «с целью обозрения епархий».

Поездки епископов «с целью обозрения епархий», совершавшиеся ими ежегодно, играли важную роль в деле закрепления морально-нравственного облика православных жителей и борьбы с расколом и сектантством. Маршрут посещения населенных пунктов выстраивался заранее, через «Епархиальные ведомости» население оповещалось о предстоящей поездке. Во время поездок, епископы совершали молебны, а в дни праздников – литургическое богослужение.

По сообщениям приходских священников, поездки архиепископов производили огромное впечатление на православное население. Так, священник-миссионер Большенарымского стана Киргизской миссии в 1902 г. писал: «Никогда почти невиданное в нашем отдаленном уголке архиерейское служение с его торжественной обстановкою – все это произвело на молящихся стильное впечатление. Многие молились со слезами на глазах». Кроме этого, по инициативе миссионерских братств и епархиальных властей устраивались различные паломнические поездки по святым местам епархий. Например, в Омской епархии такими местами являлось Чернолучье, Казанский монастырь. Важную вос-

питательную роль играли и крестные ходы по городам Омской, Оренбургской и Туркестанской епархий.

Монастырское строительство в Казахстане рассматривалось епархиальными властями как необходимый фактор повышения религиозно-нравственного уровня православного населения региона. Однако процесс образования монашеских обителей здесь начался гораздо позднее, чем в целом по Сибири – на рубеже XIX–XX вв., что было связано с особенностями российской колонизации в регионе и более поздним временем формирования православного населения. Так, в Западном Казахстане первая Кустанайская женская Иверская община была открыта в 1894 г.¹⁷ При этом оренбургскими епархиальными властями подчеркивалось, что она должна «служить миссионерскому делу», поскольку «со всех сторон была окружена кочующими киргизскими племенами». Кроме нее на территории Уральской области с 80-х гг. XIX в. функционировал Покровский единоверческий мужской монастырь.

В связи с организацией деятельности православной Киргизской миссии Омской епархии в 80-е гг. XIX в., обсуждался вопрос об открытии монастыря на территории Семипалатинской области. Начальник миссии епископ Бийский Владимир предлагал организовать его под Семипалатинском, на территории Долонского стана в урочище «Святой ключ». Обитель, по мнению епархиальных властей, должна была выполнять, прежде всего, миссионерскую роль и оказывать религиозное воздействие, как на русское православное, так и на казахское - мусульманское население. Однако проект не был осуществлен из-за финансовых и организационных трудностей.

К вопросу об открытии монастыря на территории Киргизской миссии Омской епархии вернулись в начале XX в. В 1902 г. вблизи г. Семипалатинска, на «Святом ключе» была основана Знаменская миссионерская женская община монахинями Лесницкого женского монастыря Седлецкой губернии. Община

¹⁷ В 1906 г. Кустанайская женская Иверская община объединяла 134 сестры, из которых 21 являлись монахинями.

была утверждена Синодом в 1906 г., а в 1912 г. преобразована в Знаменский женский миссионерский монастырь.

Ее организация послужила толчком к открытию монастырей в Омской епархии. В начале XX в. на ее территории, наряду со Знаменским миссионерским женским монастырем, была организована деятельность еще шести православных обителей: Петропавловский Всехсвятский женский, Казанский женский (недалеко от станции Омск), Архистратиго-Михайловский женский (п. Пресногорьковский Петропавловского уезда), Богородице-Михаило-Архангельский женский (недалеко от станции Ачаирская Омского уезда), Николаевский мужской (урочище Кара-Оба Петропавловского уезда), Покровский мужской (недалеко от г. Омска).

В начале XX в. деятельность, связанную со строительством монашеских обителей, активизировали и туркестанские епархиальные власти. При этом монастыри рассматривались как «религиозные пункты», которые должны были бы стать «цензорами религиозной, просветительской и хозяйственной культуры» и способствовать укреплению религиозно-нравственных начал среди православного населения региона.

К этому периоду в Туркестанской епархии функционировал один монастырь, располагавшийся на территории современной Северной Киргизии – на берегу оз. Иссык-Куль. Он был открыт в 1882 г. по указу Синода на средства Православного миссионерского общества и получил название Иссык-Кульского Свято-Троицкого миссионерского общежительного мужского монастыря. Однако первые члены братии в составе игумена и 9 монахов, прибывших из Свято-Афонского Закубанского монастыря, поселились здесь только в 1885 г.

Через 13 лет после открытия, на территории Иссык-Кульского монастыря был заложен пятиглавый соборный Свято-Троицкий храм, к 1911 г. – завершено строительство ещё одного семикупольного храма во имя Живоначальной Троицы. К началу 1916 г. монастырь имел 35 человек братии (1 архимандрит, 11 иеромонахов, 3 иеродиакона, 1 схимник, 9 монахов и 10 послушников). Монастырю принадлежало 2500 десятин земли, 3 затона на озере (65 десятин). Он

так же имел собственную мельницу, лесопилку, кузницу, портняжную мастерскую, скотный двор, две пасеки с 225 ульями. Кроме того, монахи активно занимались хлебопашеством и выращивали пшеницу, рожь, овощи.

Некоторые из иеромонахов направлялись в командировки в переселенческие приходы и военные крепости исполнять пастырские обязанности, «куда по малообеспеченности и другим неудобствам, нельзя было назначить приходского священника». В самом монастыре не отказывались крестить младенцев, погребать усопших, принимать на исповедь и причастие Святых Таинств, он являлся местом паломничества для православных Семиречья и Туркестанского края¹⁸.

В 1911 г. туркестанскими епархиальными властями был предложен проект по открытию монастырей в Туркестанской епархии в шести районах: в местности «святой ключ» Верненского уезда, на западном берегу оз. Ала-Куль Лепсинского уезда, в Нарынской долине (вблизи урочища Терек-Гаты) Пишпекского уезда, на оз. Занкуль, на р. Чу и по р. Или того же уезда. При этом военный губернатор Семиреченской области выразил согласие на утверждение отвода каждому монастырю земельных наделов в количестве от 800 до 1500 дес., а для «Илийского монастыря еще рыбной ловли на оз. Балхаш».

Открыть удалось организовать только один Серафимо-Иверский женский монастырь в г. Верном Семиреченской области в 1911 г. на базе архиерейского дома. Начавшаяся первая мировая война и последовавшие за ней революции 1917 г. прервали начавшуюся в Туркестанской епархии работу по организации монастырских комплексов. Всего в Туркестанской епархии к 1917 г. действовало три монастыря: Свято-Троицкий мужской монастырь на берегу озера Иссык-Куль, Свято-Никольский женский монастырь под Ташкентом, Верненский Серафимо-Иверский женский монастырь. Во всех этих обителях к 1917 г. насчитывалось около пятидесяти монахов и монахинь и около 70-100 послушников и

¹⁸ Иссык-Кульский монастырь был разграблен в 1916 г. в ходе восстания казахов и киргизов Семиреченской области. Семь монахов были убиты, архимандрит с оставшимися иноками нашел приют в Пржевальске. Десять приходских церквей, двадцать пять селений вокруг озера Иссык-Куль были сожжены. После этих событий монастырь уже не возрождался.

послушниц. Кроме того, в Туркестанской епархии существовало 3 женских общины, где проживало около 17-ти послушниц.

Монастыри Казахстана призваны были выполнять религиозно-просветительские функции, предполагавшие создание просветительско-благотворительных комплексов – школ, приютов, богаделен, библиотек, больниц. Так, на территории кустанайской Иверской женской общины и Знаменской женской общины г. Семипалатинска действовали приюты для сирот, в которые принимались как православные, так и мусульманские дети. В каждой из монашеских обителей была организована работа миссионерских школ, в некоторых из них действовали интернаты для учащихся.

Второй, не менее важной, сферой деятельности монастырей Казахстана была их миссионерская направленность. При этом подчеркивалось, что миссионерская работа должна быть организована не только среди казахского мусульманского региона, но и среди православного русского населения и способствовать «возвышению религиозного состояния сибирских приходов, улучшению народной нравственности, ослаблению и совершенному искоренению раскола».

Помимо религиозной функции монастыри Казахстана призваны были играть важную государственную роль, так как были неразрывно связаны с укреплением идеологической основы империи и противодействовали распространению ислама. И как считает В.А. Овчинников в сфере деятельности просветительских и благотворительных заведений при православных обителях Казахстана «совпали интересы государства, общества и Русской православной церкви». В тоже время, более поздний процесс организации монастырей на территории Казахстана, чем в целом по стране – рубеж XIX–XX вв. – и незначительный по времени период их функционирования до 1917 г. не позволили использовать в полном объеме их организационно-управленческий и религиозно-просветительский потенциал. В итоге это не позволило им занять важное место в жизни региона, стать для православного населения значимыми религиозными

центрами, и сыграть более значимую роль как в общественной жизни, так и в государственной политике.

Таким образом, последняя четверть XIX – начало XX вв. стали периодом активной религиозно-просветительской деятельности Русской православной церкви в Казахстане среди его православного населения. Главным ее содержанием стало проведение внебогослужебных бесед, организация деятельности религиозно-просветительских обществ и братств, создание церковных, миссионерских и церковно-школьных библиотек, а также миссионерское строительство.

Вопросы для самоконтроля:

1. Как православное духовенство в Казахстане оценивало религиозно-нравственный и культурный уровень крестьян-переселенцев? С какими проблемами пришлось столкнуться священнослужителям?

2. Назовите главные меры по укреплению религиозно-нравственного уровня православного населения Казахстана, предпринятые православными священнослужителями.

3. Какую роль играли монастыри Казахстана в религиозно-просветительской деятельности Русской православной церкви?

Рекомендованная литература:

1. Земля потомков патриарха тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М. : Изд-во Моск. Патриархии, 2002. – 348 с.

2. Махрова Т.К. Раскол и единоверие в казачьих станицах Оренбургской епархии // Оренбургское казачье войско: религиозно-нравственная культура. Сборник научных трудов. Челябинск, 2001. С. 104–124.

3. Овчинников В.А. Особенности истории монастырей Русской Православной Церкви в Верхнем Прииртышье в XVII-XX вв. // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII-XX

веках: сб. материалов Междунар. науч. конф. [27–29 сент. 2010 г.]. Новосибирск, 2011. С. 49–53.

4. Огурцова Н.В. Система православной религиозной информации на территории Омского Прииртышья в конце XIX – начале XX века // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 3. С. 102–106.

Лекция 6. Церковно-школьное строительство в Казахстане

Центральное место в системе религиозно-нравственного воспитания населения Оренбургской, Омской и Туркестанской епархий отводилось школе. При этом необходимо было организовать обучение в них таким образом, чтобы по окончании школ, как писали «Оренбургские епархиальные ведомости», учащиеся выходили «не с одним только запасом религиозных знаний, а с живою, сердечною верою в Бога и твердо воспитанною склонностью к исполнению Его святых заповедей». Поэтому в 80-е гг. XIX в. на должности преподавателей Закона Божьего во все типы школ, подчиненные как церковному ведомству, так и различным министерствам, стали назначаться церковнослужители, имеющие богословское образование.

С утверждением в 1884 г. «Правил о церковно-приходских школах» духовенству были предоставлены значительные полномочия в деле организации образовательного пространства Российской империи. Согласно «Правилам», распространение получили два типа школ: 1) начальные – для начального образования детей и взрослых. К их числу относились церковно-приходские школы, школы грамоты и воскресные школы. 2) учительские – для подготовки учителей начальных школ. К ним принадлежали второклассные и церковно-учительские школы.

Руководство и контроль за деятельностью церковно-приходских школ в границах епархий осуществляли епархиальные училищные советы и их уездные отделения. Для местного наблюдения за школами назначались наиболее опытные священники. Начальные церковно-приходские школы были «одноклассными» (с двухлетним обучением) и «двухклассными» (с четырехлетним). В них изучались следующие предметы: Закон Божий, Священная история и объяснение богослужения, краткий катехизис, церковное пение, чтение на церковнославянском и русском языке, начальная арифметика. В двухклассных школах кроме указанных предметов давались первичные знания по истории Русской православной церкви и государства. Закон Божий являлся центром всего обра-

зовательного процесса, определяющим собой направление преподавания других предметов. Объем преподавания данных предметов устанавливался специальными образовательными программами, утверждаемыми Училищным советом Синода.

В подчинении духовного ведомства находились и школы грамоты, которые открывались, как правило, в малонаселенных пунктах. «Правила о школах грамоты» 1891 г. определили их порядок организации, источники финансирования, В 1902 г. вышел в новой редакции закон о церковно-приходских школах. Срок обучения в одноклассных церковно-приходских школах увеличился до трех лет, в двухклассных – до 5. Таким образом, по продолжительности обучения церковные школы сравнивались с министерскими и земскими.

На рубеже XIX–XX вв. происходил неизменный рост численности церковно-приходских школ. По данным А.Б. Ефимова, в 1884 г. по Российской империи в целом насчитывалось 4064 церковно-приходские школы со 105317 учащимися. В 1894 г. их численность достигла 31835 с числом учащихся 981076 человек. К 1914 г. эти цифры возросли до 38138 и 2113894 соответственно.

В епархиях, юрисдикция которых распространялась на православное население Казахстана, процесс церковно-школьного строительства активизировался в конце XIX в. в связи с массовой крестьянской миграцией в регион. Так, в Омской епархии в 1895 г. одновременно с изданием указа об ее образовании, была организована деятельность епархиального училищного совета, и четырех его уездных отделений: Семипалатинского, Ишимского, Тарского, Тюкалинского. В 1898 г. к ним добавилось еще два – Омское и Акмолинское.

В 1895 г. Государственный совет Российской империи ассигновал из средств государственного казначейства 3279205 руб. на развитие церковно-школьного строительства в Омской епархии и на инспекцию за этими школами. Поскольку в рамках действующего законодательства церковно-приходских школы учреждались на средства епархий, а надзор за ними являлся «как бы да-

ровою повинностью духовенства», государственное финансирование, таким образом, освободило Омскую епархию от этих обязательств.

Это позволило развернуть активное строительство школ в ее приходах. 30 января 1895 г. Омская духовная консистория слушала дело о постройке 10 школ в переселенческих поселках, из которых 19 предполагалось построить в Акмолинской области и 4 – в Семипалатинской, с назначением в них учителей из священников «...чтобы в них до устройства церквей, священники обучали детей и вместе с тем исполняли бы требы между переселенцами, которые по случаю двухлетнего неурожая, построить церкви и содержать причты не в состоянии». В 1897 г. в Акмолинской области было открыто еще в 19 церковно-приходских школ.

Одновременно с государством денежные дотации на строительство церковно-приходских школ в Казахстане оказал благотворительный фонд им. императора Александра III. Например, на его средства в Омской епархии с 1895 по 1900 гг. было построено 52 школьных здания, в том числе каменных – 2, деревянных – 38, глинобитных и саманных – 12. Строительство саманных и глинобитных школ мотивировалось местной администрацией дороговизной на стройматериалы из дерева. Однако при этом не учитывались суровый континентальный климат степной зоны, характеризующийся резкой сменой тепла и холода, продолжительными зимами и коротким летом. Все это делало невозможным просушку самана и глины и фактически все построенные из них школьные здания через несколько лет разрушились. Тем не менее, рубеж XIX – начало XX вв. стал периодом активного церковно-школьного строительства в Казахстане (таблица 8).

Таблица 8. Церковно-школьное строительство в Омской епархии¹⁹

год	Всего по Омской епархии			в том числе: Акмолинское отделение епархиального училищного совета (Акмолинский и Атбасарский уезды)			в том числе: Семипалатинское отделение епархиального училищного совета (Змеиногорский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский, Павлодарский, Зайсанский уезды)		
	церковно-приходские школы	школы грамоты	кол-во уч-ся	церковно-приходские школы	школы грамоты	кол-во уч-ся	церковно-приходские школы	школы грамоты	кол-во уч-ся
1900	142	129	?	-	-	-	?	?	?
1901	160	110	1021 7	-	-	-	?	?	?
1902	167	125	1072 8	4	2	?	23	17	?
1903	173	114	?	?	?	?	?	?	?
1904	170	106	?	?	?	?	?	?	?
1905	172	110	1147 9	38	28	4037	30	20	869
1906	179	99	?	41	33	4367	27	12	2435
1909	184	76	1272 0	48	31	?	?	?	?
1914	266	?	?	59	47	4762	35	?	?

Данные таблицы позволяют утверждать, что если в целом процесс церковно-школьного строительства в Омском, Ишинском, Тарском и Тюкалинском уездных отделениях Омского епархиального училищного совета сопровождался постепенным сокращением численности школ грамоты и открытием на их базе полноценных одноклассных церковно-приходских школ, то для Акмолинского и Семипалатинского отделений характерной была тенденция увеличения как церковно-приходских школ, так и школ грамоты. Это объяснялось, на наш взгляд, более высокими темпами крестьянского переселения в эти районы на рубеже XIX – начале XX вв., стремлением епархиальных властей вовлечь как можно большее количество детей в образовательный процесс в сельской местности посредством открытия наиболее «дешевых» школ грамоты.

Сокращение школ грамоты по Семипалатинскому отделению Омского епархиального училищного совета с 1905 г. произошло за счет «бухтарминско-

¹⁹ Знак «-» - отсутствие учебных заведений; знак «?» - не выявленные данные о количестве учебных заведений и учащихся в них.

го края», населенного преимущественного старообрядцами. После издания указа о свободе вероисповедания они массово отказывались от финансового содержания школ грамоты официальной церкви, предпочитая создавать собственные учебные религиозные заведения.

На Западе Казахстана церковно-школьное строительство развернулось в 80-90-е гг. XIX в. Для заведывания церковными школами региона в 1884 г. был образован Оренбургский епархиальный училищный Совет. Из шести его уездных отделений два действовали в Уральской и Тургайской областях. На территории Уральской области в 1900 г. насчитывалось 20 церковно-приходских школ и 40 школ грамоты, в Тургайской области 9 церковно-приходских школ и 31 школ грамоты. К 1911 г. численность церковно-приходских школ в Уральской области увеличилась до 67, школ грамоты сократилась до 4. В Тургайской области в 1914 г. насчитывалось 85 церковно-приходских школ, из которых 83 были одноклассными, и по одной второклассной и двухклассной. В Туркестанской епархии в 1900 г. имелось 28 одноклассных церковно-приходских школ, три - двухклассных, 15 школ грамоты, всего 46 школ, подведомственных Туркестанскому епархиальному училищному совету.

Процесс образования и функционирования церковно-приходских школ Казахстана сопровождался определенными трудностями. Одной из них была кадровая проблема. Наиболее актуальной она являлась для школ грамоты, создаваемых, как правило, в сельской местности. Так, по сообщениям омского епархиального училищного наблюдателя большинство таких школ не имело своих помещений, сельские общества арендовали их на собственные средства. Учителя в такие школы также нанимались сельскими обществами, при этом «каждое из них старалось найти учителя подешевле». Поэтому для этой категории школ была характерна сильная текучесть кадров, большинство учителей в них не имели педагогического образования: в лучшем случае они заканчивали второклассные или двухклассные школы, в редких – женскую прогимназию.

Низкий уровень профессиональной подготовки значительно снижал эффективность преподавания в школах грамоты. «Сравнительная молодость учи-

телей, а также происхождение их из той же крестьянской среды и даже деревни» порождали недоверчивое отношение со стороны населения и проблемы во взаимоотношениях на уроках между ними и учениками. «Очутившись в новом положении начальника над детьми, учительницы хотели держать их в подчинении их у себя при посредстве начальнической суровости и страха наказания. ...Почему нередко бывает в школе с такими учителями встретить своеволие ислушание со стороны учеников и беспомощность учителя».

Неудовлетворительным было и санитарное состояние большинства школ грамоты. «Темнота, теснота, сырость, холод, грязь – вот обстановка, которую приходится видеть при посещении таких школ. А это такие условия, которые не могут не влиять дурно на ход учебных занятий, понижать энергию учителей и внимание учеников». В школах этой категории отсутствовали медицинские пункты. Поскольку учебные заведения этого типа посещали дети с отдаленных хуторов и заимок, нередкими были случаи, когда они по погодным или иным причинам были вынуждены ночевать в школах. В этой связи общежитиями школы не были оборудованы, «дети пользовались обыкновенно или классной комнатой, или кухней при квартире учительницы. Хлеб в таком случае они имели свой, а учитель грел им самовар».

В школах грамоты, создаваемых в сельской местности, очень сложно было соблюдать режим занятий. Они начинались, как правило, 15 сентября, однако фиксировались случаи более позднего их начала: конец сентября – начало октября, что объяснялось «несвоевременностью представления родителями детей в школу – лишь после полного прекращения работ в поле, когда выпадает снег». Нарушалось и расписание уроков, утверждаемое епархиальным училищным советом. Это было вызвано двумя причинами. Во-первых, учебный материал располагался «по вкусу и усмотрению учителей. Кто чувствовал себя более сильным в Законе Божьем, тот налегал особенного на Закон Божий, а кому нравилась арифметика, тот стремился и детям внушить уважение и любовь к этому предмету». Во вторых, утвержденное расписание корректировалось применительно к условиям сельской местности: труд детей активно использовался

в повседневной домашней работе. Поэтому уроки начинались рано утром, затем прерывались и продолжались вечером. Все попытки учителей школ грамоты вести уроки по расписанию, вызывали «со стороны деревенских жителей недовольство и упреки в нерадении».

В процессе церковно-школьного строительства в Казахстане сложной оставалась и проблема материально-технического обеспечения школ. Как правило, не хватало мебели в классах, школьных учебников и методической литературы, а также школьных принадлежностей: тетрадей и ручек. Особенно актуальна эта проблема была для школ грамоты: «За недостатком тетрадей детям приходится писать на кое-какой, чуть ли не оберточной бумаге, а чернила заменять краской». Данную проблему пытались решать на уровне епархиальных училищных советов посредством организации централизованного снабжения школ книгами, учебными пособиями и канцтоварами. Они высылались в школы по мере необходимости по заявкам учителей. Однако по сообщению епархиального училищного наблюдателя Омской епархии «какого-либо однообразного порядка снабжения школ книгами не было». К тому же рассылка по школам книг и канцтоваров затруднялась из-за почтовых правил о пересылке, согласно которым вес посылки с казенной печатью был ограничен. В этой ситуации учителям часто приходилось самим ездить за книгами или «посылать кого-либо, и вообще пользоваться какой-либо оказией. Иногда за дальностью расстояния такая оказия случается редко, а школы остаются без книг и письменных принадлежностей».

Важной воспитательной задачей церковно-приходских школ являлось привитие учащимся любви к царю, Отечеству и Богу. Образование выстраивалось на религиозных началах, в него вносился дух и дисциплина церкви. Главными предметами, изучавшимися в церковно-приходских школах, были Закон Божий, церковно-славянское чтение, церковное пение. Учащиеся были обязаны раз в год исповедаться и получить церковное причастие. Учебный день должен был начинаться утренней молитвой, а урок – с пения положенных молитв.

В то же время в церковно-приходских школах Казахстана реализация данной воспитательной задачи была ограничена и фактически не выполнялась. Преподавание Закона Божьего, главного предмета в церковно-приходских школах, являлось должностной обязанностью приходского священника. Однако, например, в церковно-приходских школах Омской епархии преподавание этого предмета оставалось на крайне низком уровне. Ситуация объяснялась несколькими причинами. Одной из них являлись низкие темпы приходского строительства в регионе и, как следствие, высокая плотность населения приходов. В результате приходские священники были обременены «множеством приходских и других обязанностей» и времени для преподавания в церковно-приходских школах у них не оставалось. Еще одной причиной являлась «самая обыкновенная лень, халатность, нерадение» большинства приходских священников, которые перекладывали преподавание Закона Божьего на учителей церковно-приходских школ. Фиксировались ситуации, когда священник не приходил на урок и не предупреждал учителя об этом. В итоге «по целым месяцам не бывает уроков Закона Божьего».

Переложенное на плечи учителей церковно-приходских школ преподавание Закона Божьего сводилось к механическому заучиванию предложенного в учебнике материала. В этой ситуации, по мнению омского епархиального училищного наблюдателя, напрасно было ждать от детей «какой-либо осмысленности или сознательности, умения вывести из рассказа назидание для себя и всякий вопрос, ответ на которые хотя и предусмотрен учебником, сам собой следовал из рассказа или вообще из изученного материала, ставил в тупик учащегося».

Расположение материала церковных дисциплин не всегда точно соблюдалось в рамках утвержденных образовательных программ. Например, в одноклассной церковно-приходской школе историю Ветхого завета и Нового завета и некоторые молитвы предполагалось изучать на втором отделении. В процессе преподавания курс значительно сужался. Святая история изучалась в большинстве случаев «кратко и поверхностно». Более детальное преподавание этой ча-

сти программы переносилось не третье или старшее отделение. Таким образом, курсы старшего отделения «получались слишком обременительными для учащихся», для них были характерны «торопливость в прохождении курсов», «недостаточное, поверхностное освоение материала».

Обучение церковно-славянской грамоте начиналось на младших отделениях со второй половины учебного года, когда учащиеся достаточно овладевали навыками чтения. К концу учебного года дети могли читать краткие молитвословия и особые изречения из Священного писания. На среднем отделении они учились читать рассказы на старославянском языке, а также знакомились с переводом на русский язык наиболее употребительных в славянском языке слов. И, наконец, на старшем отделении учащиеся должны были бегло читать часослов, псалтырь и Евангелие.

Однако преподавание церковно-славянской грамоты в большинстве церковно-приходских школ Казахстана преследовало исключительно «дидактические, а не воспитательные цели». Поскольку преподавали эту дисциплину учителя, закончившие светские учебные заведения, то они стремились научить школьников, прежде всего, «беглому без ошибок раздельному, внятному чтению и умению переводить непонятные слова и обороты». Религиозно-воспитательные задачи церковно-славянской грамоты при этом совершенно ими игнорировались, а вместе с этим менялся и весь смысл цели и задач церковно-приходского образования.

Преподавание церковного пения, как одной из учебных дисциплин церковно-приходских школ в Казахстане, также было поставлено «весьма плохо». Это объяснялось отсутствием профессионально подготовленных кадров, особенно в сельской местности, а также «халатностью и нерадением к школе местных псаломщиков», которые фактически игнорировали свои обязанности, и в большинстве школ в итоге дети церковному пению не обучались. Светская направленность обучения в церковно-приходских школах Казахстана проявлялась и в том, что в преподавании учителя акцент делали на светские дисциплины: русский язык, арифметику и чистописание.

Церковно-приходские школы, по мнению епархиальных властей, должны были выполнять роль центров религиозно-нравственного просвещения взрослого населения православных приходов. На их базе организовывались и проводились внебогослужебные религиозные чтения, вечерние и воскресные школы, формировались библиотечные фонды, различные кружки. Однако численность воскресных школ была ограничена. Так, в Омской епархии в 1906 г. функционировало всего семь таких школ: две – в Омске, две – в Петропавловске, по одной в Семипалатинске, Ишиме, Кокчетаве и Каинске. Процесс обучения в них охватывал детей 12-18 лет и ограничивался «самым необходимым»: чтением и письмом. По мнению епархиальных властей, слабое развитие системы воскресных школ объяснялось «недостаточным сознанием полезности подобного рода школ» среди населения региона и «отсутствием лиц, способных заняться этим делом». Вечерних классов для взрослых и «воскресно-повторительных занятий» ни в одной из школ Омской епархии в период с 1902 по 1911 гг. организовано не было.

Темпы церковно-приходского строительства в Казахстане в целом отставали от темпов строительства системы светского образования. Ее формирование началось с середины XIX в. и было обусловлено необходимостью интеграции, как православного, так и мусульманского населения региона в социально-экономическое пространство Российской империи и обеспечения образованных и профессиональных кадров, владеющих русским языком для службы в региональных государственных структурах.

При создании системы светского школьного образования в Казахстане главная ставка была сделана на сочетание элементов российской начальной и «туземной» школ и создание нового типа инородческой школы, в которой «не были бы игнорированы установившиеся взгляды местного мусульманского населения на задачи образования, и ввести в ней в курс обучения к ней родную грамоту в той транскрипции, какая издавна была принята здесь, и основы мусульманского вероучения. Необходимо было создать такую школу, в которой дети инородцев обучались бы русскому государственному языку, и при посред-

стве его получали бы начала общекультурного образования, в то же время изучали бы родную грамоту и основы мусульманского вероучения в том виде, в каком ведется преподавание этих предметов в местных мусульманских школах».

По мнению правительственных кругов, для открытия русско-туземных школ в Казахстане имелись объективные условия: обеспеченность педагогическими кадрами, чиновниками для инспекций, наличие материальной базы. К субъективным причинам необходимости открытия таких школ чиновники относили «иноплеменность большинства населения степных областей», вследствие чего, «хотя сравнительно нечасто, киргизы отдают своих детей в русские школы, но с передачей таковых в ведение духовенства (православного. – Ю.Л.) можно с уверенностью предсказать, что подобное весьма желательное совместное обучение может совсем прекратиться». Церковно-приходское образование отходило на второй план, а в 1894 г. все учебные православные учреждения были подчинены Министерству народного просвещения. В результате, например, в Тургайской области в 1915 г. из 511 учебных заведений, подчиненных Министерству народного просвещения только 85 являлись церковно-приходскими школами.

Таким образом, церковно-школьное строительство рассматривалось православной церковью как мощное средство в процессе повышения религиозно-нравственного уровня православного населения Казахстана. Его реализация осуществлялась на основе общероссийского законодательства, учитывающего региональные особенности и предусматривающего создание различных категорий церковно-приходских школ. На территории Казахстана активное церковно-школьное строительство было организовано с 70-х гг. XIX вв., что объяснялось резким увеличением численности православного населения в результате массовой миграции крестьян из европейской части Российской империи. Для большей успешности начатого дела правительство и Синод активно привлекали средства благотворительных организаций и государства. Не смотря на это процесс преподавания в церковно-приходских школах Казахстана был сопряжен

целым рядом проблем. Главными из них являлись смещение акцентов в преподавании с религиозной тематики на светскую, низкий уровень преподавательских кадров, слабая материально-техническая оснащенность школ. Кроме этого государственная политика в области образования объективно препятствовала развертыванию церковно-приходского школьного строительства в Казахстане. Потенциал таких школ в целях распространения религиозно-нравственных идей среди православного населения региона не был использован в полном объеме.

Вопросы для самоконтроля:

1. Чем была вызвана активизация церковно-школьного строительства с 70-х гг. XIX вв.?
2. С какими трудностями в процессе работы сталкивались церковно-приходские школы Казахстана?
3. Назовите особенности преподавания в церковно-приходских школах.

Рекомендованная литература:

1. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. – 683, [1] с.
2. Перминов А.В. Организация обучения казахов на родном языке в XIX – начале XX веков: исторический опыт // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая. Горно-Алтайск, 2006. С. 252–258.
3. Садвокасова З.Т. Русификаторская политика царизма в области образования нерусских народов // Отан тарихы. 2008. №1. С. 90–99.

Лекция 7. Взаимоотношения Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством в Казахстане

Важным направлением деятельности Русской православной церкви в Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв. стала организация миссионерских структур для проведения религиозной пропаганды среди мусульманского казахского и старообрядческого русского населения региона. При этом следует отметить, что православное миссионерство выступало мощной идеологической доминантой русской колонизации национальных окраин. Концепция «Москва – Третий Рим – Святая Русь», безусловно, позволила сделать для русских психологически легким процесс переселения в регионы, где не была упрочена российская государственная юрисдикция. Она же, как отмечает С.В. Лурье, обеспечила «силу религиозной экспансии и создала предпосылки для культурной гомогенизации всей государственной территории. Основой этой гомогенизации была, ... эсхатологическая идея Православного царства, которая распространялась через монастыри в качестве ценностной максимы Российской империи – ее центрального принципа». Таким образом, главной составляющей национальной политики Российской империи становилось расширение границ православного мира и увеличения численности православного населения, религиозные и государственные интересы сливались, происходила сакрализация государства.

Миссионерство Русской православной церкви призвано было решить и сугубо практические государственные задачи. Во второй половине XIX в. в результате завершения присоединения к Российской империи территорий Казахстана, Средней Азии и Кавказа, а также в связи с начавшейся модернизацией в стране, встала жесткая необходимость создания универсальной модели управления государством, призванной обеспечить его национально-территориальную целостность. Для этого разрабатывались и реализовывались региональные стратегии национальной политики, применительно к конкретным регионам,

учитывавшие уровень социокультурного и экономического развития проживающих на их территории этносов.

Однако в целом, по мнению Б.Н. Миронова, для национальной политики Российской империи была характерна лояльность к этноэлитам и предоставление инкорпорированным территориям автономии, выражающейся в сохранении «существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов, учреждений, отношений земельной собственности, верования, языка и культуры». Наряду с этим важными принципами этой политики исследователь называет широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, равенство этносов, отсутствие связи между национальным и социальным статусом, создание некоторых преимуществ в правовом положении инородцев империи сравнительно с русскими (отмена для них воинской повинности, льготное налогообложение, свободная вертикальная социальная мобильность), существенное вложение дотаций в экономику национальные окраины.

Православное миссионерство выступило составной частью так называемой политики русификации, представляющей совокупность мероприятий, проводимых российской политической элитой во второй половине XIX в. и направленных на создание благоприятных условий для успешной инкорпорации многочисленных этнорегионов России (в том числе Казахстана) в единое политико-правовое, социокультурное имперское пространство. К числу таких мероприятий, наряду с распространением государственной идеологии, стержнем которой являлось представление о единстве монарха, православия и народа, относились распространение системы образования на русском языке в масштабах всей империи, формирование единой структуры органов управления.

В этой ситуации политику русификация нельзя рассматривать исключительно как совокупность мер, направленных на воспитание «привязанности к русской культуре, отказу от бытовых привычек, от традиционного образа жизни и системы миропонимания, от национальной культуры, т.е. от основ национальной идентичности». Во-первых, в рамках реализации религиозно-

государственной идеи, связанной с перманентным расширением границ православного мира за счет включения новых территорий, акцент делался, как уже указывалось, на религиозную унификацию. Это делало необходимым идентифицировать граждан империи не по этническому признаку, а по религиозному, национальное разнообразие государством игнорировалось.

Во-вторых, организация православного миссионерства среди многочисленных народов Российской империи проводилась в рамках образовательной системы Н.П. Ильминского. Показательно в этой системе то, что она предполагала своего рода «интернациональное воспитание» русских: пропаганда идей православия должна была осуществляться на языке «инородцев», который предварительно изучали сотрудники православных миссий. Благодаря их исследовательской, просветительской и медицинской деятельности были сохранены культура и языки многих народов, подвергшихся русификации.

В-третьих, в русле политики русификации необходимо, на наш взгляд, рассматривать и миссионерство Русской православной церкви в отношении старообрядчества и сектантства. Их носители рассматривались как один из дестабилизирующих факторов внутренней жизни государства, и приведение их в новообрядческое православие всегда являлось приоритетной задачей государства в свете его интеграционных устремлений и расширения границ новообрядческой православной церкви. Таким образом, миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане предполагала проведение широкой религиозной пропаганды среди мусульманского казахского, старообрядческого и сектантского русского населения региона.

На протяжении нескольких столетий государство и Русская православная церковь разрабатывали наиболее действенный механизм воздействия на старообрядчество, призванный обеспечить воссоединение новообрядной и старообрядной церкви. При этом вектор государственной политики постоянно менялся то на ужесточение юридического статуса старообрядческих общин, то на определенную его либерализацию. Последняя тенденция нашла в начале XIX в. отражение в идее формирования единоверческих приходов в православных епар-

хиях. Общность догматов, несмотря на различия обрядов, отсутствие в старообрядчестве епископата должны были, по замыслу чиновников, объединить по территориальному признаку новообрядных и старообрядных православных в единые приходы. Таким образом, 27 октября 1800 г. в России возникла еще одна церковь – единоверческая или соединенческая. Она представляла собой переходный этап старообрядчества в новообрядчество, все церковные службы в ней совершали священники православной новообрядческой церкви, но по старым дониконовским книгам.

На правилах единоверия началось устройство единоверческих церквей, монастырей и скитов. На Западе Казахстана этот процесс наиболее затронул Уральскую область, на территории которой проживало, как указывалось выше, наибольшее количество старообрядцев Оренбургской епархии.

В 1828 г. состоялась закладка, а 20 июня 1829 г. освящение первой единоверческой церкви в г. Уральске. Однако уже в 40–50-е гг. XIX в. были приняты новые законодательные акты, ужесточающие юридический статус старообрядцев. Они предписывали отдачу раскольников под суд, в солдаты или высылку на Кавказ, причем «особо опасными» считались «не молящимися за царя». При генерал-губернаторе Оренбургского края В.А. Перовском в Уфе в 1847 г. был создан Секретный совещательный комитет для обсуждения мер противодействия расколу. В 1859 г. аналогичный комитет был создан в Оренбурге. «Указом Уральского войскового правления от 26 января 1845 г. было запрещено выбирать раскольников в станичные начальники и судьи. При представлении урядников, офицеров к наградам и производству требовалось указывать «уклонявшихся от православия». Положением Военного Совета Уральского войска от 3 августа 1852 г. были лишены прав вольноопределяющихся сыновья заурядофицеров Уральского казачьего войска, состоявших в расколе. В 1853 г. запрещен прием в Оренбургское казачье войско раскольников из податных сословий». Репрессивные меры способствовали «массовым присоединениям старообрядцев к единоверию». Однако к 1874 г. в Оренбургской епархии из 24 благочиннических округов только два являлись единоверческими – в Уральске

и Челябинске, а к концу XIX в. 60% православного населения продолжали оставаться старообрядцами.

На территории Восточного Казахстана, являвшегося вторым по численности старообрядческим центром региона, процесс создания единоверческих приходов был инициирован в 30-е гг. XIX в. Часовни, используемые ими, получили статус церквей, старообрядческие дьяки были допущены к исполнению функций священнослужителей. К 1910 г. здесь насчитывалось 8 единоверческих приходов: Шемонаевский, Секисовский, Мало-Убинский, Каменский, Орловский, Выдрихинский, Большереченский, Екатерининский, входивших в благочиние № 32 Томской епархии.

На территории Омской и Туркестанской епархий процесс создания единоверческих приходов развития не получил, главным образом по причине отсутствия в их приходах значительного количества старообрядческого населения. Так, первый и единственный единоверческий приход в Омской епархии был образован в 1902 г. В ходе крестьянского переселения на территорию этих епархий здесь быстрыми темпами развивалось сектантство. В целом, по утвердившейся в историографии точке зрения прихожане единоверческих приходов лишь формально соединялись с официальной церковью, продолжая на деле оставаться «раскольниками». Данная точка зрения подтверждается документально. Так, первый Всероссийский миссионерский съезд, состоявшийся в 1898 г. констатировал, что «из всех числящихся в единоверческих приходах единоверцев, только пятая часть могут быть названы по своим убеждениям и настроению истинными единоверцами».

Не сумев успешно реализовать идею единоверия, в конце XIX в. Русская православная церковь разработала новую тактику борьбы со старообрядчеством. Она предполагала создание ряда миссионерских структур, деятельность которых была направлена на пресечение старообрядческой пропаганды в районах их наиболее компактного проживания и работу православных миссионеров среди них с целью обращения в новообрядческую церковь.

На территории Казахстана данная идея нашла воплощение в последней четверти XIX в. На Западе Казахстана миссионерская деятельность среди старообрядцев и сектантов была возложена на Михаило-Архангельское братство, созданное по инициативе Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества в 1886 г. Двумя годами позже были созданы его Уральское, Челябинское, Верхнеуральское и Троицкое отделения, в 1889 – Орское, в 1893 – Гурьевское и в 1896 – Кустанайское. Таким образом, из семи его отделений три действовали в пределах Уральской и Тургайской областей. В 1893 г. при Михаило-Архангельском братстве «для общего руководства миссией» начал функционировать Противораскольничий комитет, который направлял работу и антисектантской и антистарообрядческой миссий.

Восток Казахстана с 1884 г. входил в зону действия Томского епархиального братства во имя святого Дмитрия, митрополита Ростовского, главной задачей которого была борьбы с расколом на территории Томской епархии. В 1884 г. были открыты его филиалы в г. Бийске, Мариинске, в 1885–1886 гг. – в Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Барнауле, Каинске, Кузнецке, Нарыме.

В Туркестанской епархии специальная миссионерская структура для борьбы с расколом – Туркестанское епархиальное братство – была образована в 1879 г. Позднее, в 1886 г. его преобразовали в Казанско-Богородичное просветительское братство. И, наконец, Омское епархиальное братство было учреждено в 1898 г., спустя три года после образования самой епархии. Целью его деятельности указывалось «оказание материальной помощи присоединенным к православию инородцам, сектантам, раскольникам; распространение среди народа религиозно-нравственного просвещения и различных полезных знаний».

Создаваемые в пределах епархий братства, распространяющие свою компетенцию на Казахстан, являлись организациями, членство в которых было открыто для широких слоев общества, ограничений по имущественному и социальному рангам не предполагалось. Например, к 1905 г. в состав Туркестанского Казанско-Богородичного братства входило 180 человек. Для поощрения и пропаганды деятельности братств в их ряды, как правило, вступали высокопо-

ставленные чиновники местной администрации, духовные власти. Все вступившие обязывались выплачивать взнос не менее 3 руб. в год, но поощрялись пожертвования на более крупные суммы.

При братствах создавались епархиальные советы, координирующие и направляющие их деятельность. В среднем в год проводилось 8-9 заседаний таких советов. На них обсуждались вопросы «о преграждении сектантской пропаганды, ведомой сектантами в нарушение существующих распоряжений о круге деятельности сектантских наставников», разрабатывались методы борьбы с расколом, распределялись средства братств. Денежные средства шли, как правило, на организацию миссионерской деятельности среди старообрядцев и сектантов в виде оплаты поездок священникам-миссионерам в приходы, наиболее «зараженные расколом», поддержание церковно-приходских школ, закупку литературы православно-миссионерского содержания для бесплатного ее распространения среди населения и формирования библиотечных фондов при церковно-приходских школах, организацию и проведение внебогослужебных чтений и т.д.

С 1888 г. по итогам I Всероссийского миссионерского съезда, прошедшего в Казани и разработавшего «Правила об устройстве миссий и способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам», в епархиях Казахстана начали вводить должности епархиальных, уездных или окружных миссионеров. Так, в Михаило-Архангельском братстве Оренбургской епархии в 1886 г. была учреждена должность епархиального антистарообрядческого миссионера, а из трех созданных в 1894 г. окружных миссионеров, один распространял свою деятельность на территорию Уральской области. В 1908 г. в данном регионе начал работу епархиальный антисектантский миссионер. Как активизацию борьбы с старообрядчеством и сектантством на территории Тургайской области, входившей в компетенцию оренбургских архиепископов, следует считать и образование в 1914 г. Кустанайского викариатства. Его епископом был назначен Д. Александров, выполнявший до этого на

протяжении нескольких лет обязанности епархиального антираскольнического миссионера Оренбургской епархии.

В 1889 г. должности трех епархиальных миссионеров для борьбы со старообрядчеством были учреждены в Томской епархии. Один из них – миссионер Бийского и Кузнецкого округа охватывал в своей деятельности южные районы Бийского уезда – современную территорию Восточно-Казахстанской области. Кроме того в епархии были определены шесть уездных миссионеров, в том числе Бийско-Усть-Каменогорский.

В Омской епархии противосектантская миссия начала свою деятельность в 1900 г., противораскольничья – в 1903 г. К 1916 г. здесь работали два епархиальных и шесть уездных антисектантских миссионеров: Омский, Павлодарский, Атбасарско-Кокчетавский, Акмолинский, Тюкалинский, Ишимский и два антистарообрядческих миссионера – Бухтарминского и Тарско-Тюкалинского. 24 июня 1909 г. должность антистарообрядческого и антисектантского миссионера была учреждена в Туркестанской епархии.

Главным содержанием деятельности оренбургского, томского, омского, туркестанского антираскольничьих и антисектантских епархиальных миссионеров являлась организация и проведение религиозно-нравственных бесед, посещение частных домов старообрядцев и сектантов с миссионерской целью, раздача литературы богословского содержания, поездки по уездам епархий. Например, в 1899 г. оренбургский епархиальный миссионер трижды посетил Уральскую область. В 1915 г. в омский епархиальный антираскольничий миссионер совершил 11 миссионерских поездок по Атбасарскому, Тюкалинскому, Петропавловскому и Каинскому уездам, провел 35 полемических бесед с сектантами, 54 беседы «предупредительного характера», 24 миссионерских поучений, 4 лекции и 41 урок на миссионерских курсах.

По аналогичной схеме выстраивали свою работу окружные, уездные и областные противораскольничьи и противосектантские миссионеры. В своей работе они руководствовались «Общими правилами по устройству миссий» 1888, 1908 гг. Окружные и областные миссионеры были освобождены от вы-

полнения обязанностей приходских священников и должны были вести исключительно миссионерскую деятельность: распространять богословскую литературу, посещать собрания сектантов и старообрядцев, проводить внебогослужбные собеседования, организовывать и участвовать в проведении полемических бесед. Место проведения полемических бесед с раскольниками, их время и тематику они обязаны были согласовывать с епархиальным миссионером. О результатах своей деятельности окружные и областные миссионеры отчитывались перед епархиальными миссионерами и Противораскольничьими комитетами каждые три месяца и по окончании года.

Областные и окружные миссионеры координировали и направляли антираскольничью миссионерскую деятельность приходских священников. Последние не освобождались от приходских обязанностей, но в свободное время и параллельно с основной работой, призывались вести православную пропаганду среди раскольников и сектантов. Как привило, их работа сводилась к увещеванию последних и распространению литературы среди них.

Открытые собеседования со старообрядцами и лидерами сект – полемические беседы – стали одной из наиболее распространенных форм борьбы с сектантством и старообрядчеством в епархиях Казахстана. Они представляли собой словесное состязание православного миссионера и старообрядческого начетника, проходили обычно в зданиях местных школ, в присутствии православных прихожан. Темы бесед подбирались в соответствии с особенностями старообрядческого толка: для раскольников австрийского согласия – «о непрерывной иерархии христовой церкви и семи спасительных таинствах», с беспоповцами – «о престосложении для крестного знамения, антихристе, посолонном хождении, некоторых таинствах». Кроме того, обсуждались проблемы раскола Русской православной церкви, клятвы соборов 1666–1667 гг., законность священства Белокриницкой иерархии.

Беседа начиналась, как правило, с краткого изложения православного учения. Затем православный священник ставил вопрос, на который предлагал ответить собеседнику – старообрядческому начетнику, таким образом, завязыв-

валась дискуссия. Каждый из ее участников имел право говорить не более 15 минут, иногда она длилась до пяти часов. Присутствующие на собеседовании прихожане – православные и раскольники имели право эмоционально выражать свое отношение к происходящему. Какая-либо периодичность проведения полемических бесед отсутствовала. Так, например, в ноябре 1885 г. в г. Уральске состоялись четыре полемические беседы известного раскольничьего начетника Перетрухина с православным священником Крючковым. «Беседы эти продолжались с 10 ч. утра до 8 ч. вечера и возбуждали такой живой интерес, что слушатели каждый раз в продолжении 10 ч. почти не выходили из церкви».

Важное значение в деле организации борьбы со старообрядчеством и сектантством Оренбургские, Омские и Туркестанские епархиальные власти придавали сотрудничеству с местными администрациями. Особенно актуализировалось данное сотрудничество в вопросе выявления в общей массе крестьян-переселенцев старообрядцев и сектантов и пресечения их религиозной пропаганды среди православного населения региона.

Правительство и церковные власти четко и совместно отслеживали ситуацию о состоянии, количестве старообрядцев и сектантов в епархиях, территориально расположенных в Казахстане. Департамент Духовных дел иностранных исповеданий МВД ежегодно собирал сведения об их количестве, о фактах появления новых течений в сектантстве, количестве отклонившихся в раскол и результатах деятельности внутренних миссий. Например, 16 мая 1908 г. в МВД России был утвержден Устав Евангельского союза, целью деятельности которого было «...объединение христиан и распространение евангельского учения». 22 декабря 1909 г. Департамент Духовных дел иностранных исповеданий МВД обратился к военным губернаторам областей Степного и Туркестанского краев с просьбой в «возможно непродолжительное время сообщить, распространена ли на вверенную вам губернию деятельность названного союза, и в утвердительном случае, в чем именно таковая проявляется». И уже 3 апреля 1910 г. на основании донесений, сделанных уездными начальниками, военные губернато-

ры областей сообщал в Департамент духовных дел, что «...деятельность русского Евангельского союза до сего времени в регионах не распространена».

Как пример сотрудничества светских и духовных властей в борьбе с расколом может служить обращение епископа Омского и Семипалатинского к генерал-губернатору Степного края Н.Н. Сухотину 31 июня 1901 г. с просьбой: «...в целях ограждения православных от увлечения лжеучением штунды, сделать распоряжение к пресечению злоупотреблений сектантов, устраивающих на соблазн православных свои собрания вопреки Высочайше утвержденному 4 июля 1894 г. положению Кабинета Министров».

Н.Н. Сухотин сразу же отдал распоряжения военным губернаторам областей Степного генерал-губернаторства и атаману 2-го военного отдела Сибирского казачьего войска о принятии безотлагательных и самых энергичных мер «...как к прекращению молитвенных собраний штундистов, так и к предубеждению на будущее подобных собраний». Уже 10 августа 1901 г. атаман 2-го военного отдела Сибирского казачьего войска рапортовал, что в Управление были вызваны из Атаманского хутора «старшие из штундистов, именующие себя баптистами, из числа проживающих в Атаманском хуторе и окрестностях его крестьяне Оренбургской губернии и уезда Елецкой волости..., которым лично мною объявлено, что закон воспрещает им молитвенные собрания и проявления их лжеучения, направленные на совращение в их секту». Помимо этого, соответствующее распоряжение было сделано уездным начальникам, которым вменялось в обязанности в случае обнаружения собраний штундистов, «...составлять протоколы и представлять их уездному начальнику для привлечения виновников к ответственности».

В рамках постановлений III Всероссийского миссионерского съезда, состоявшегося в Казани в 1897 г. и на основании действующего законодательства сотрудничество светских и духовных властей осуществлялось и в вопросе возбуждения уголовных дел по факту незаконной пропаганды сектантов. Возбудить такое дело можно было только по требованию духовного начальства. После этого дело передавалось в судебные инстанции, судебное расследование

проводилось духовными лицами, «по окончании которого устанавливается статья закона, при этом приглашаются эксперты в апелляционном порядке».

Значительное внимание вопросам старообрядчества и сектантства уделяли специально создаваемые в Степном крае и Туркестанском генерал-губернаторстве комитеты, в состав которых входили представители, как светской, так и духовной власти. Примером такого сотрудничества являлись Комитеты по устройству религиозно-нравственного быта переселенцев, созданные в Туркестанской, Оренбургской и Омской епархиях в 1907–1908 гг. Как указывалось выше данные Комитеты занимались решением целого комплекса проблем, связанных с развитием церковно-приходского и школьного строительства в епархиях, и направленных на удовлетворение религиозно-нравственных потребностей православного населения региона.

Контролировали местные власти Степного и Туркестанского краев и вопросы регистрации религиозных общин раскольников и сектантов. Например, в ноябре 1910 г. старообрядцы поморского брачного согласия, проживавшие в г. Пржевальске, обратились к военному губернатору Семиреченской области с просьбой о разрешении им основать религиозную общину. В январе 1911 г. ими был получен отказ на основании того, что «под заявлением этим (заявление о создании общины – Ю.Л.) подписались всего 26 лиц, между тем, согласно ст. 7 Правил о порядке устройства последователями старообрядческих согласий общин заявления о желании образовать общину должно быть подписано не менее, чем 50 лицами».

Таким образом, организация православных миссий, развернувших свою работу среди старообрядцев и сектантов, стала важным направлением деятельности Русской православной церкви в Казахстане, направленной на выявление и пресечение старообрядческой и сектантской пропаганды в крае.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какие задачи пыталась решить Русская православная церковь посредством миссионерства в Казахстане во второй половине XIX в.?

2. Назовите и охарактеризуйте наиболее распространенные формы борьбы с сектантством и старообрядчеством в епархиях Казахстана.

3. В чем заключалось значение сотрудничества епархиальных властей с местными администрациями в деле организации борьбы со старообрядчеством и сектантством?

Рекомендованная литература:

1. Иванов К.Ю. Формирование сети единоверческих приходов в Томской епархии в XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности народов Русского и Монгольского Алтая. Горно-Алтайск, 2006. С. 167–177.

2. Казанцева Т. Старообрядцы Алтая // О староверах Восточного Казахстана: Сборник статей. Усть-Каменогорск, 2013. С. 40–47.

3. Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири. Концепции государственной политической мысли и областническая мысль. Томск: Изд-во Томского университета, 2005. – 323 с.

4. Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект-пресс, 1997. – 445 с.

5. Махрова Т.К. Раскол и единоверие в казачьих станицах Оренбургской епархии // Оренбургское казачье войско: религиозно-нравственная культура. Сборник научных трудов. Челябинск, 2001. С.104–11124.

6. Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. - 556 с.

7. Миронов Б.Н. Историческая социология истории. Санкт-Петербург: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. – 535 с.

8. Чернавский М.Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Вып. 1. Оренбург, 1900.

Лекция 8. Основные задачи и направления деятельности Русской православной церкви среди казахского населения

Необходимость православного миссионерства Русской православной церкви среди казахского мусульманского населения во второй половине XIX – начале XX вв. наряду с интегральными задачами государства мотивировалась еще одним важным обстоятельством. В 60–80 гг. XIX в. завершилось присоединение к Российской империи регионов компактного проживания мусульманского населения: казахских кочевий Старшего жуза, среднеазиатских владений – Хивинского, Кокандского ханств и Бухарского эмирата, Кавказа. В результате произошло резкое увеличение численности мусульман империи, ислам стал второй по количеству своих адептов конфессией. По всероссийской переписи населения 1897 г. в стране насчитывалось 13,889 млн его приверженцев. В областях Степного и Туркестанского генерал-губернаторств мусульмане составили 90% от общего количества мусульман империи.

В результате у определенной части правящих кругов империи «стало формироваться негативное восприятие российского ислама. Подъем национального сознания и общественно-политической активности мусульман империи стал рассматриваться как фактор, способствующий соединению национального и конфессионального самосознания восточных народов и порождению угрозы территориальной целостности империи». Поэтому характерной тенденцией государственной политики в отношении мусульманских народов с середины XIX в. стало стремление сохранить спокойствие в регионах их проживания при поэтапном усилении контроля за деятельностью мусульманских духовных институтов, созданных на рубеже XVIII–XIX вв. – Оренбургского и Таврического муфтиятов, а также мусульманского духовенства.

Применительно к национальным окраинам с компактным проживанием мусульманского населения разрабатывались свои региональные варианты религиозной политики, в том числе для казахского сообщества. Важной посылкой стратегии в отношении «казахского ислама» должна была стать идея о том, что

казахи «плохие мусульмане» и политика России по административному распространению ислам в степи рубежа XVIII – первой половины XIX вв. не дала весомых результатов – «казахи-мусульмане пока не фанатичны». Конечной целью религиозной политики в Казахстане должно было стать вычленение казахов из мусульманского сообщества России и сферы влияния мусульманского духовенства. Конкретное выражение данная политика нашла в серии законодательных актов 60-80 гг. XIX в., в результате которых религиозные дела казахов были изъяты из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания, запрещена религиозная пропаганда ислама муллами – выходцами из Средней Азии и Поволжья, введены ограничения на строительство исламских культовых учреждений, открытие школ при них и паломничество к святым местам.

Как альтернатива исламу стало рассматриваться православие. Вопрос об открытии православной миссии среди казахов-кочевников начал активно обсуждаться светскими и духовными властями в 60-е гг. XIX в., однако, единства в его понимании не было. Центральные власти, как правило, настаивали на скорейшем развитии миссионерского движения в регионе. Главную цель деятельности миссии они видели «в противодействии татарам-мусульманам, развернувшим активную пропаганду ислама среди казахов-кочевников».

Местные светские и духовные власти демонстрировали осторожность и взвешенность в этом вопросе, предпочитали комплексно изучать ситуацию на местах, не принимать быстрых и непродуманных решений и считали, что миссионерам будет «небезопасно вести деятельность среди казахского населения по причине их религиозного мусульманского фанатизма». Среди факторов преждевременности открытия миссии указывались так же дисперсность проживания кочевников, отсутствие расположенности к христианству, события внешнеполитического характера, связанные с военным захватом российской армией под командованием генерала Черняева в 1861 г. в Средней Азии исламских центров – гг. Туркестана и Ташкента.

Процесс образования православной миссии для казахов был значительно активизирован с 1881 г. в связи с образованием Степного генерал-

губернаторства и назначением на пост генерал-губернатора Степного края Г.А. Колпаковского, который, в отличие от предшествующих ему администраторов, являлся активным сторонником начала миссионерства среди казахов. В результате в 80–90-е гг. XIX в. в регионе была организована деятельность Киргизских православных миссий, задачей которых стала антиисламская пропаганда среди казахского населения.

Деятельность первой Киргизской миссии была организована в 1881 г. Первоначально она входила в состав Алтайской духовной миссии, подчинявшейся Томским епархиальным властям. Алтайская миссия, открывшаяся в 30-е гг. XIX в. имела богатый опыт работы среди алтайских кочевых племен. Поэтому первые сотрудники Киргизской миссии, безусловно, использовали опыт своих «алтайских» коллег: основным содержанием их работы стало создание станов – своего рода центров в районах наиболее компактного проживания казахов-кочевников.

В 1882 г. был образован первый Буконьский (Усть-Каменогорский) стан Киргизской миссии на территории поселка Буконьского, входившего в состав Кокпектинской станицы²⁰. В 1890 г. началась работа Большенарымского стана, объединившего поселки: Большенарымский, Малонарымский, деревню Хайрюзовка. Местом для третьего стана Киргизской миссии, открытого в 1891 г., была определена станица Долонская. Вместе с прилегающими поселками по Иртышу она входила в состав прихода Воскресенской церкви в казачьем форштадте г. Семипалатинска. В мае 1894 г. с разрешения начальника Алтайской миссии, Преосвященного Мефодия было образовано Бельгачское отделение Долонского стана, с причислением к нему миссионера священника И. Никольского, местом пребывания которого определялся г. Семипалатинск. В 1892 г. был открыт Шульбинский стан Киргизской миссии.

²⁰ За добросовестный труд на поприще миссионерства в киргизской миссии по распоряжению генерал-губернатора Степного края Г.А. Колпаковского Ф. Синьковскому было присвоено звание протоиерея, а «за крещение из мусульманства и язычества более 199 человек» он был награжден орденом Святой Анны 3 степени.

С открытием Большенарымского и Шульбинского станов география Киргизской миссии значительно расширилась, деятельность её миссионеров перемещалась из Южного Алтая в Верхнее Прииртышье и стала охватывать наряду с Бийским округом, Усть-Каменогорский, Зайсанский уезды Змеиногорского округа, территории Петропавловского и Семипалатинского уездов Семипалатинской области Степного генерал-губернаторства.

К моменту отделения Киргизской миссии от Алтайской и приобретения ею статуса самостоятельной в 1895 г., в её состав входило четыре стана и одно отделение при 1 иеромонахе, 2 священниках, 3 псаломщиках, 4 переводчиках и 1 учителе. Помимо этого при четырех станах миссии – Шульбинском, Буконьском, Долонском, Большенарымском функционировали попечительства о бедных, на средства которых оказывалась материальная поддержка новокрещенным и содержались некоторые миссионерские школы.

Открытие Киргизской миссии на территории Алтайского горного округа в 1881 г., отсутствие негативной реакции со стороны казахского населения явились поводом к активизации работы духовных властей по открытию аналогичных миссии на юге Тобольской (Акмолинская и Семипалатинская области Степного генерал-губернаторства) и Оренбургской (Уральская и Тургайская области Степного генерал-губернаторства) епархий.

Не смотря на некоторые сомнения о целесообразности православной пропаганды в степных областях, высказывавшиеся местными властями²¹, 30 апреля 1894 г. Синод принял указ об «открытии православной миссии среди киргиз, населяющих Тобольскую епархию» в составе трех станов: Акмолинского, Каркаралинского, Атбасарского.

Начало работы Киргизской миссии в Тобольской епархии²² совпало по времени с образованием Омской епархии. Указ о её создании был подписан

²¹ В частности, определенные опасения в вопросе открытия православной миссии в Степном крае высказывал генерал-губернатор барон Таубе, считавший ее открытие преждевременным и приводивший в доказательство факты недовольства со стороны казахского населения.

²² На должность старшего миссионера Акмолинского стана был назначен протоиерей М.П. Путинцев, имевший опыт миссионерской работы в Кульдже и на Алтае. Псаломщиком был определен сын казака О. Власов, владевший казахским языком. В Каркаралинский стан бы-

Синодом в 1895 г. В процессе формирования границ новой епархии, ей была передана часть приходов Томской и Тобольской епархий, в том числе станы только что открытой Киргизской миссии, действовавшей в Акмолинской области (Тобольской епархии) и Киргизской миссии Алтайского горного округа (Томской епархии). Процесс слияния произошел в этом же году – новая Киргизская миссия Омской епархии охватила свою деятельностью Семипалатинскую и Акмолинскую области Степного края и часть уездов Алтайского горного округа Томской губернии.

В основе организации деятельности Киргизской миссии, по аналогии с Алтайской миссией, был заложен принцип организации работы станов. Станы являлись административно-территориальными единицами миссии, в каждый из которых назначались миссионер-священник, псаломщик, учитель для организации работы миссионерской школы и переводчик.

Своеобразной особенностью организации станов Киргизской миссии Омской епархии являлось то обстоятельство, что границы каждого из них фактически не были определены. Например, район деятельности миссионеров Атбасарского стана в виду отсутствия «определенного района, в котором бы предписывалось действовать миссионерам» вынужден был миссионерские поездки «делать в пределах двух уездов Акмолинской области: Атбасарского и Кокчетавского».

Для достижения поставленной перед Киргизской миссией цели, миссионерам станов был четко очерчен круг должностных обязанностей. Выполнять функции приходских священников им строго запрещалось. Сотрудники обязаны были сосредотачиваться исключительно на миссионерской работе, совершать разъезды по казахской степи, проводить беседы с казахами на религиозные темы. Особое внимание миссионеры были обязаны уделять религиозно-нравственному воспитанию новокрещенных казахов: селить их в станах миссии, организовывать их быт, приобщать к земледелию, контролировать соблю-

ли назначены выпускники миссионерских курсов Казанской Духовной академии Сергей Целерицкий (священник) и Александр Миропольский (псаломщик и толмач).

дение крещеными обрядов православной церкви, постов, способствовать их хозяйственной адаптации и т.д. Крестить казахов имели право только миссионеры, при этом им не нужно было обращаться за разрешением к светским или духовным властям. Миссионеры обязаны были также ежегодно представлять отчеты о своей деятельности начальнику Киргизской миссии и через него вести переписку с епархиальными властями²³.

Деятельность сотрудников Киргизской миссии Омской епархии с 1895 г. была направлена на расширение географии станов (прежде всего вглубь степи) и вовлечение в орбиту проповеди широкого круга казахов-кочевников. К этому времени в ведении миссии находилось четыре стана, располагавшихся на территории Семипалатинской области – Буконьский, Большенарымский, Долонский и Шульбинский. Бельгагачское отделение Долонского стана в 1895 г. было преобразовано в самостоятельный стан – Заречную слободу и определено центром Киргизской миссии. Шестой - Черноярский стан, на территории Семипалатинской области был открыт в 1898 г. В 1907 г. он был ликвидирован, а новокрещенные казахи, проживавшие на его территории, переведены в Александровский стан. В 1911 г. Александровский стан был упразднен в связи с открытием там самостоятельного прихода, а Черноярский стан открыт вновь.

На территории Акмолинской области к моменту образования Омской епархии и передачи в её компетенцию Киргизской миссии в 1895 г. располагалось два стана – Акмолинский и Каркаралинский. Поскольку в «Отчетах о деятельности» миссии начиная с 1895 г. эти станы не упоминаются, мы склонны предположить, что они были аннулированы - созданные по указу Синода в 1894 г. они не успели начать работу, так как произошло слияние двух миссий. Продолжал функционировать Атбасарский стан миссии, созданные в 1894 г., который некоторое время спустя был перенесен в с. Киимское и вновь возвращен в Атбасар в 1897 г.

²³ Первым Начальником Киргизской миссии стал Архимандрит Сергей, возглавлявший ее до 1898 г. На этой должности его сменил Архимандрит Макарий (впоследствии епископ Бийский и Якутский), возглавлявший миссию с 1899 по 1901 гг. В 1901 г. Начальником миссии был назначен Архимандрит Владимир, руководящий ее делами до 1906 г. Последним главой Киргизской миссии был Епископ Киприан (1906–1917 гг.).

Открытый в 1895 г. Александровский стан, в 1901 г. он был перенесен во вновь образованный Еленинский стан, расположен в 60 км от г. Акмолинска. В 1898 г. начал работу Татарский стан, причем миссионер, назначенный в стан только в 1900 г., в совершенстве владел казахским языком. Таким образом, наибольшее количество станов Киргизской миссии Омской епархии не превышало девяти, а ее сотрудниками числилось 28 человек.

Одновременно с Киргизской миссией Омской епархии процесс становления в 80-90-е гг. XIX в. переживала антиисламская миссия на Западе Казахстана. Органом, который взял на себя функции по координации миссионерской антиисламской деятельности в данном регионе стал оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, созданный в ноябре 1875 г. По его инициативе в 1893 г. была организована деятельность православной миссии в Тургайской области. Ее административным центром был выбран г. Кустанай. В 1896 г. Кустанайский стан был перенесен за город, в поселок Макарьевский, куда переехали новокрещенные казахи. В 1897 г. была организована работа миссионерского стана в п. Александровский Кустанайского уезда, в 1898 г. – Актюбинского стана. В 1900 г. положительно решился вопрос об открытии миссионерского стана в Уральской области на территории Чиликтинского поселка. Таким образом, к началу XX в. под контролем Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества находилось четыре стана – Александровский, Макарьевский и Актюбинский – в Тургайской и Чиликтинский в Уральской областях Степного генерал-губернаторства.

В отличие от Киргизской миссии Омской епархии миссионеры Оренбургской епархии наряду с работой среди казахского населения, направленной на ограничение влияния ислама, должны были проводить пропаганду православия среди крестьян-переселенцев, укреплять их в вере и ограждать от влияния исламских проповедников и казахов-мусульман. Причиной стали многочисленные факты религиозно-культурной ассимиляции русского населения казахским, а также падение общего уровня религиозно-нравственного развития православного населения региона, фиксировавшееся как светскими, так и духовными

властями. В частности, отмечалось, что русские «женщины и девицы, которые по разным причинам принуждены бывают жить в киргизских аулах ...сожительствуют с киргизами-мухамеданами, а потом переходят в ислам, хотя такие случаи пока единичны». Отмечались случаи незаконного совместного проживания мужчин и женщин, многоженства «по примеру киргиз», незаконного рождения детей, незнания основных православных молитв, особенно подрастающим поколением.

В соответствии с целями деятельности должностная инструкция обязывала служащих Киргизской миссии Тургайской степи «делать возможно частые разъезды со словом проповеди, посещая русские заимки и в одиночку разбросанные русские селения по киргизским степям и аулам ...знакомя с истинами веры Христовой и пагубности и ложности мухамеданства». Только во время посещения русских в степи миссионер обязан был при «удобном случае» вступать «в непосредственное общение с киргизами», «сопровождая некоторые святыи истории показыванием библейских картин». Таким образом, пропаганда православия среди казахского населения отодвигалась на второстепенный план. Акцент делался на работе среди православного населения края.

Наряду с миссионерскими поездками, служащие Киргизской миссии Оренбургской епархии обязывались способствовать приходскому строительству в Уральской и Тургайской областях, организовывать и проводить наблюдение за процессом церковно-приходского школьного строительства, преподавать в школах «сведения о пагубности мухамеданства по определенному перечню книг», организовывать работу миссионерских школ с интернатами при них. Для поднятия в приходах и станах миссии религиозно-нравственного уровня русских крестьян-переселенцев в функциональные обязанности миссионеров вменялось создание и поддержка в деятельности обществ трезвости и вечерних классов для взрослых, миссионерских библиотек, проведение «внебогослужебных бесед» и т.д.

Отличалась и внутренняя структура двух миссий. В Оренбургской епархии деятельности миссии осуществлялась в рамках «Правил об устройстве мис-

сий и способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам», разработанные на первом миссионерском съезде в июне 1887 г. и утвержденные Синодом в 1888 г.

Согласно Правилам, в октябре 1899 г. в Оренбургской епархии была учреждена должность епархиального миссионера против ислама «для объединения пастырей церкви и других деятелей миссии в борьбе с мусульманством». На эту должность назначались священнослужители, отлично знакомые с особенностями жизни инородческого населения епархии, содержанием исламского учения. Они освобождались от обязанностей приходских священников и должны были заниматься проповедью, проведением полемических бесед с мусульманами, посещением православных инородческих приходов, утверждением в православной вере инородцев, принявших православие, контролировать деятельность мулл и принимать меры к пресечению их религиозной пропаганды среди русского населения.

В подчинение епархиального антиисламского миссионера поступали областные (окружные) миссионеры. Они назначались из числа наиболее способных к миссионерскому делу местных приходских священников. При этом они не освобождались от приходских обязанностей и должны были совмещать две должности. Отправляя требы и совершая богослужения для православного населения, окружные миссионеры обязывались проводить в приходах своей области (округа) публичные и частные беседы среди мусульманского населения, увещевать колеблющихся, вести надзор за работой миссионерских и церковно-приходских школ, работать с русским населением по закреплению его в православной вере, пропагандировать православие и т.д.

В связи с введением должности окружных миссионеров, должность Начальника Киргизской (Тургайской) миссии была аннулирована. Руководство ею передавалось окружному миссионеру Киргизской миссии – протоиерею Ф. Соколову. Ему подчинялись два уездных миссионера Киргизской миссии (Ак-тюбинский и Кустанайский), которым в свою очередь подчинялись заведующие станами миссии.

4 июля 1913 г. должность епархиального миссионера в Оренбургской епархии была упразднена. При этом расширялось количество окружных миссионеров, потому что «...при территориальной обширности епархии и при большом числе населяющих её инородцев-мусульман, одному лицу весьма затруднительно вести миссионерскую борьбу с исламом». В 1915 г. в состав антиисламской миссии Оренбургской епархии входило три окружных миссионера, два из которых работали на территории Западного Казахстана: первый – священник Даулей, действовал в Кустанайско-Тургайском районе, второй – священник Мазохин в Актюбинском районе. Третий окружной миссионер – приходской священник Кулевчинского поселка Верхнеуральского уезда И. Харитонов контролировал крещенных и отпавших из православия калмыков, проживающих в пределах Верхнеуральского и частично Троицкого уездов Оренбургской губернии.

Наряду с непосредственными сотрудниками Киргизской (антимусульманской) миссии, в её работе обязаны были принимать участие причты приходов Оренбургской епархии. Их члены считались сотрудниками миссионеров и обязаны были заниматься пропагандой «русско-православных начал в орду, в целях слияния её жителей с коренным русским населением». Для реализации поставленной цели приходские священники совершали миссионерские разъезды по казахским степям, аулам, заимкам и хуторам со словом проповеди, а также организовывали и вели наблюдение за деятельностью миссионерских церковно-приходских школ. Например, в 1909 г. в подчинении окружного миссионера Киргизской миссии в Кустанайском уезде находились один уездный миссионер, 25 причтов в лице 1 протоиерея, 30 священников, 10 диаконов, 17 псаломщиков, в Тургайском уезде – 16 причтов, в лице 14 священников, 4 диаконов, 11 псаломщиков, всего 87 человек.

Важным направлением деятельности православных Киргизских миссий Казахстана стало создание сети миссионерских школ. В процессе миссионерского школьного строительства во внимание принимались три важных обстоятельства.

Во-первых, учитывалась финансовая несостоятельность большинства казахского населения, в том числе новокрещенных, и поэтому обучение для их детей было бесплатным. Источниками финансирования деятельности миссионерских школ выступали, как правило, Православное миссионерское общество и его епархиальные комитеты, Синод и в некоторых случаях кассы Оренбургского или Сибирского казачьих войск²⁴.

Во-вторых, в силу своеобразия системы жизнеобеспечения казахов, характеризующейся господством кочевого способа ведения хозяйства и, как следствие, мобильностью населения степи, возникла идея организации интернатов при миссионерских школах Киргизских миссий. Обучающиеся в них дети поступали на полное государственное обеспечение и проживали в них в течение всего учебного года.

В-третьих, в условиях полиэтничности населения Казахстана, сформировавшейся в результате миграционного движения в регион русских крестьян из центральных губерний империи, ставка была сделана на совместное обучение представителей русского и казахского этносов, населяющих регион. Это обстоятельство должно было во многом облегчить задачу аккультурации казахского населения и освоения им русского языка и культуры.

Несмотря на наличие общих основополагающих принципов организации миссионерских школ, на практике конкретная деятельность Киргизских миссий Степного края в этом направлении имела существенные отличия. Как указывалось выше, Киргизская миссия Омской епархии основной целью своей деятельности считала борьбу с распространением ислама в степи и направленную христианскую пропаганду среди казахского населения. В этом контексте она вы-

²⁴ Например, в Центральном, Большенарымском, Буконьском и Атбасарском станах Киргизской миссии Омской епархии миссионерские школы содержались на средства миссии, поступающие из Синода, а остальные – на средства Сибирского казачьего войска. В Оренбургской епархии миссионерские школы содержались за счет Епархиального комитета Православного миссионерского общества. Например, в 1893 г. он на свои средства содержал четыре миссионерские школы: в деревне Кривле-Илюшинской и Ново-Алексеевской Оренбургского уезда, в п. Бердяш Орского уезда и в п. Требиатском Верхнеуральского уезда. В этом же году комитет оплачивал обучение четверем выпускникам миссионерских школ: один из стипендиатов обучался в Симбирской чувашской учительской школе, двое других – на миссионерских курсах при Казанской духовной академии, и один – в Оренбургской духовной семинарии.

страивала и работу по организации миссионерских школ: в них старались принимать казахских детей. Школьное строительство Киргизской миссии Оренбургской епархии имело иные тенденции. Они определялись своеобразием этноконфессиональной ситуации в регионе, характеризующейся проживанием здесь не только русского и казахского населения, но и многочисленных народов Поволжья и Южного Зауралья – чувашей, мордвы, башкир, калмыков, татар. В результате пропагандистская деятельность миссии распространялась на все мусульманское население региона, в миссионерских школах, в том числе созданных в казахской степи, совместно обучались представители всех этносов, исключений по этноконфессиональному признаку не делалось. Показателем в этом плане состав учащихся Актюбинской миссионерской школы в 1911 учебном году. Из 71 учащегося 54 являлись православными, один принадлежал к молоканской секте, 16 были мусульманами. В Чиликтинской школе-интернате, располагавшейся в Уральской области, в 1901 г. воспитывалось 26 русских мальчиков, 2 – мордвы, 2 – чувашей и 12 казахов. С целью закрепления религиозно-нравственных начал среди русского населения Оренбургской епархии, епархиальный комитет Православного миссионерского общества считал необходимым организовывать работу не только миссионерских школ в станах Киргизской миссии, но и школ грамоты в отдаленных хуторах и аулах со смешанным русско-казахским населением. Так, 1898 г. он содержал на свои средства три миссионерские школы в станах Киргизской миссии, 16 школ для русских поселенцев, 13 из которых находились в Кустанайском уезде и три – в Актюбинском. В них обучалось около 400 учеников: 22 казахских мальчика, 30 человек из мордвы, остальные – русские дети.

Программа обучения в миссионерских школах Киргизских миссий Степного края выстраивалась в соответствии с программами одно-, двух- или трехклассных церковно-приходских школ, разработанных И.Н. Ильминским. Главное место в данной образовательной системе занимала идея распространения христианства среди инородческих народов империи на их родном языке. Этот метод считался единственно приемлемым, способным дать положительные ре-

зультаты в деле просвещения инородцев и их обрусения, а также действенным методом борьбы с исламом. Поэтому, безусловно, конечным итогом деятельности миссионерских школ Киргизских миссий должна была стать русификация детей «инородцев», а именно овладение ими русским языком и идеями православия.

Наиболее успешно эту задачу реализовывала Киргизская миссия Омской епархии. Целью преподавания в ее школах становилось закрепление в православной вере учащихся и формирование кадров миссии. Например, выпускники миссионерской школы Центрального стана новокрещенные казахи Владимир Петров и Василий Сергеев были направлены для продолжения образования в Казанскую инородческую семинарию. Функции переводчика при Центральном стане миссии также исполнял выпускник миссионерской школы новокрещенный казах Петр Никандрович Отчагаров, закончивший Бийское катехизаторское училище²⁵. Обязанности переводчика и диакона Шульбинского стана на рубеже XIX–XX вв. выполнял новокрещенный казах Василий Багайнаков. В шести из девяти станов Киргизской миссии в 1900 г. переводчиками работали новокрещенные казахи.

В миссионерских школах Оренбургской епархии, напротив, не ставилось конкретной задачи обращения учащихся в православие и подготовки из них кадров миссии. Миссионеры считали, что «душевный и духовный перелом происходит в человеке не сразу. ...нельзя ожидать результатов своих трудов в самом непосредственном, непродолжительном времени. ...Когда в степных школах будет воспитано целое поколение, тогда Миссия сразу пожмет обильную жатву».

Показателен в этой связи тот факт, что с 1906 г. помощником учителя в интернате Макарьевского стана являлся Таймухаммед Шельдыбаев, окончивший Александровскую миссионерскую школу, но продолжающий оставаться мусульманином. Кроме того, на уроках Закона Божия присутствие казахских

²⁵ Бийское катехизаторское училище располагалось в г. Бийске Алтайского горного округа и подчинялось Алтайской духовной миссии Томской епархии.

детей было не обязательным, в некоторых из интернатов для учащихся-мусульман как альтернатива преподавались основы ислама.

Несмотря на различия в определении цели и задач деятельности миссионерских школ, их учителя стремились разнообразить процесс обучения в школах. Постоянно расширялась школьная программа. Наряду с церковными предметами, в некоторых из миссионерских школ преподавались «элементарные сведения по русской истории, географии, естествознанию». Огромное внимание сотрудниками миссионерских школ уделялось созданию библиотечных фондов, в которых числилась литература не только религиозного, но и светского содержания: произведения русских писателей, учебно-методические пособия для учителей и т.д.

Важной воспитательной задачей становилась подготовка учащихся «ко взрослой жизни». Так, в 1901 г. в школе Центрального стана Киргизской миссии Омской епархии – Заречной слободе – в порядке эксперимента была открыта столярная мастерская, в которой воспитанники приюта учились столярному мастерству, чтобы, окончив школы, они имели «...в запасе полезные познания, хоть в каких-либо ремеслах». На этих занятиях учащиеся изготавливали «табуреты для своей комнаты, рамки для картин ... для этого назначено определенное время, установлены очереди, чтобы мастеру было легче следить и делать указания».

Таким образом, миссионерское школьное строительство являлось одним из важнейших направлений деятельности Киргизских миссий Степного края. Оно было призвано сыграть позитивную роль в пропаганде русского языка, культуры и православия среди казахского населения региона. Несмотря на некоторые различия в методике обучения и принципах организации деятельности миссионерских школ Омской и Оренбургской епархий, в целом они смогли привлечь в миссионерско-школьную систему определенное количество, как православных жителей региона, так и казахское население.

Ситуация кардинально изменилась в годы первой русской революции 1905-1907 гг. в России. Ее события крайне отрицательно отразились на работе

Киргизских миссий Оренбургской и Омской епархий. Царский Манифест о свободе вероисповедания, опубликованный 17 апреля 1905 г., явился причиной «...прискорбного явления – отпадения новокрещенных в магометанство» и сокращения количества обращений в православие. Последовавший за революцией экономический кризис способствовал сокращению финансирования деятельности Киргизских миссий, как со стороны Миссионерского общества, так и со стороны епархиальных властей. Поэтому в 1906 г. был упразднен Большенарымский стан, в 1907 г. – Шульбинский стан Киргизской миссии Омской епархии, а Долонской и Черноярский станы перенесены в п. Мало-Владимирский (Ромадан) и Александровский, «по причине отсутствия должного количества новокрещенных». В Киргизской миссии Оренбургской епархии в 1906 г. был закрыт Александровский стан «по причине недостатка финансирования» и к 1915 г. на территории Тургайской области продолжали действовать лишь два миссионерских стана – Макарьевский и Актюбинский.

Постреволюционный период характеризовался поисками руководством антимусульманских миссий Оренбургской и Омской епархий выхода из сложной ситуации, в которой они оказались. На многочисленных заседаниях епархиальных Комитетов миссионерского общества духовными властями предлагались различные способы реанимации миссионерства в казахской степи, в том числе улучшение издательского дела на казахском языке, привлечение местного населения к работе в миссии, проведение миссионерских съездов, открытие попечительств и братств. На возрождение была направлена организация и повсеместное проведение миссионерских курсов. Впервые они состоялись в 1906 г. в Омской епархии, когда слушателями выступили 45 человек: 23 священника и 22 «вольнотруженика». Однако, как свидетельствуют архивные данные, фактически большинство предложенных мероприятий реализовать не удалось.

Окончательный удар по Киргизским миссиям Степного края нанесла первая мировая война и последовавшие за ней революции 1917 г. в России. В октябре 1914 г. Председатель Православного миссионерского общества вынужден был признать, что в связи с событиями первой мировой войны средства, выде-

ляемые Синодом и государством на миссионерские цели, сократились наполовину. В результате общей тенденций для Киргизских миссий стало закрытие станом, школ и интернатов при них, сокращение зарплат служащим миссий. После октябрьского 1917 г. переворота православная пропаганда в Казахстане прекратилась. Итоги деятельности православных миссий в Казахстане можно представить по данным таблиц 9, 10.

Таблица 9. Численность новокрещенных антимусульманской миссии Оренбургской епархии²⁶

Год	Количество новокрещенных						всего
	казахи	татары	башкиры	чувашаи	калмыки	евреи	
1893	16	2	–	–	–	–	18
1898	4	1	–	–	–	–	5
1901	12	18	38	–	–	–	68
1903	21	34	16	–	–	–	68
1906	2	2	16	–	–	–	27
1910	1	1	19	–	–	–	29
1913	?	?	?	?	?	?	31
1914	?	?	?	?	?	?	27
1915	7	8	–	1	2	1	19

Таблица 10. Станы и школы Киргизской миссии Омской епархии в 1898–1913 гг.²⁷

Год	Кол-во станом	Штат миссии, чел.	Количество крещенных казахом		Кол-во церквей	Кол-во школ	Количество учащихся			
			м.п.	ж.п.			казахи		русские	
							м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.
1898	9	20	38	21	9	6	24		245	
1899	9	28	38	–	9	8	–	–	–	–
1900	9	28	43	15	9	–	–	–	–	–
1901	9	26	–	–	9	–	51		306	
1902	9	21	42	24	9	9	19	–	173	101
1903	9	25	24	8	9	9	–	–	264	
1904	9	25	21	9	9	9	–	–	284	
1905	9	25	18	4	9	9	–	–	345	

²⁶ Приведены данные выборочно, так как автору удалось выявить «Отчеты о деятельности» Киргизской миссии Оренбургской епархии только за указанные годы. Знак «?» – не указано точное количество крещений данного этноса; знак «–» – отсутствие крещений данного этноса.

²⁷ Знак «–» – отсутствие данных в «Отчете о деятельности» Киргизской миссии Омской епархии.

1906	8	22	6	2	9	10	–	–	462	
1907	7	22	1	–	9	7	17		187	
1908	7	22	5	3	9	8	27		234	
1909	7	22	6	–	9	10	10	7	328	
1910	8	23	5	–	9	16	30	5	436	208
1911	8	26	6	4	9	17	15	17	482	218
1913	8	–	3	–	9	18	52	11	360	252

Анализ данных таблиц 9–10 свидетельствует о крайне низком уровне перехода казахов-мусульман Омской и Оренбургской епархий в православие. Среди них миссионеры фиксировали заимствование, прежде всего, внешней стороны жизни православных русских крестьян. Так, в 1914 г. заведующий Макарьевским станом Киргизской миссии Оренбургской епархии И. Касимов писал: «Уклад жизни новокрещенных ничем не отличается от русских. Обстановка во всех домах вполне русская: в переднем углу в каждом доме божница со святыми иконами, перед которыми обязательно висит лампадка. Все новокрещенные правильно кладут на себя крестное знамение, носят кресты. Перед трапезой или каким-либо делом молятся, знают молитвы».

В то же время многие служащие Киргизских миссий считали, что крещенных казахов нельзя назвать «истинными христианами и строго убежденными в правоте Христовой веры», так как они, «особенно новокрещенные первого поколения, не могут вполне освободиться от прежних обычаев и привычек и воззрений мухамеданов». Например, принявшие православие казахи Черноануйского стана продолжали показывать «...сильное расположение к мусульманству», соблюдали мусульманские посты и праздники, устраивали поминки по мусульманской традиции. «...вследствие этого крестное знамение и молитву некоторые совсем забросили, иконы содержат непристойно или совсем не имеют, приходят на исповедь, но от причащения отказываются или же приходят в грязных разорванных одеяниях, тогда как мусульманский праздник проводят разряженные».

На протяжении всего периода функционирования миссионерских структур в регионе происходил неизменный рост влияния ислама и закрепление его позиций среди казахского населения. Подтверждением данного тезиса являют-

ся факты проникновения исламских религиозных традиций во все сферы жизнедеятельности казахского общества, формирование социальной прослойки казахских мулл, рост численности мусульманских культовых и религиозно-образовательных учреждений, увеличение контактов местного населения с исламскими центрами Российской империи: Поволжьем, Средней Азией, Кавказом и зарубежьем. Так, например, в период с 1910 по 1915 г. только в Тургайской области с просьбой о разрешении строительства мечетей обратилось 51 аульное общество и их прошения были удовлетворены.

Аналогичные итоги наблюдались и в деятельности миссионерских структур, осуществлявших борьбу со старообрядчеством и сектантством. Начало XX вв. стало периодом активизации деятельности старообрядческих общин Казахстана, строительства ими, особенно после Манифеста 1905 г. о свободе вероисповедания церквей, молитвенных домов и часовен, легализации деятельности старообрядческих скитов. Повсеместно в этот период на территории Казахстана наблюдался и рост численности сектантских организаций, деятельность которых, не смотря на предпринимаемые миссионерами меры, так и не удалось дезинтегрировать. Случаи обращения из старообрядчества и сектантства в православие оставались единичными.

Причины низкой эффективности православного миссионерства в Казахстане, безусловно, крылись в совокупности проблем. Среди них: этнопсихологические особенности казахов, детерминированные хозяйственно-культурным типом и отрицающие возможность восприятия ими христианских догм; наличие в регионе хорошо профинансированного исламского и старообрядческого миссионерства; слабое развитие церковно-приходской системы в Казахстане и низкое финансирование государством миссионерской работы; смещение в результате крестьянского переселения в Казахстан акцентов в работе Киргизских миссий, призванных наряду с миссионерской деятельностью исполнять и приходские обязанности; законодательная политика государства, не позволяющая формироваться побудительным мотивам для перехода в православие у казахского населения. Кроме этого, отрицательное влияние на деятельность право-

славных миссий оказывала религиозная индифферентность большинства казачества и крестьян-переселенцев, проблемы социокультурной адаптации новообращенных в православие: отсутствие у миссионеров возможности реализации широких социальных программ для них, нерешенность вопросов землеустройства новообращенных казахов.

Определяя причины низкой эффективности деятельности православных Киргизских миссий, следует иметь ввиду и то обстоятельство, что значительное миграционное движение в Казахстан крестьян-переселенцев в конце XIX – начале XX вв. и слабое институциональное развитие Русской православной церкви в данном регионе привели в конечном итоге к необходимости ограждения православного населения от исламской, старообрядческой и сектантской пропаганды. В Оренбургской епархии эта задача признавала приоритетной, в Омской епархии, несмотря на то, что перед миссионерами Киргизской миссии ставились конкретные задачи обращения в православие казахского населения, в процессе работы им приходилось уделять значительно внимание работе среди православных жителей. Многие из миссионеров преподавали как в церковно-приходских, так и в миссионерских школах, являлись членами комитетов по удовлетворению религиозно-нравственных потребностей православного населения, созданных в Казахстане в начале XX в. По инициативе и деятельном участии данных комитетов проходило расширение сети православных приходов, церковно-приходских школ, различных обществ. Все это, в конечном итоге позволяет говорить о трансформации конкретных действий служащих Киргизских миссий и переориентации их деятельности исключительно на работу среди православного населения региона.

Таким образом, в истории миссионерской деятельности Русской православной церкви в Казахстане можно выделить несколько этапов. Так, первый из них – 1881–1895 гг. – характеризовался началом работы антиисламской Киргизской миссии среди казахского населения, проживающего в Горном Алтае, определением ею основных методов и форм деятельности.

Второй этап православного миссионерства в Казахстане был связан с 90-и гг. XIX – началом XX вв. В этот период начали функционировать антиисламские, антистаробрядческие и антисектантские миссии Омской и Оренбургской епархий. Несмотря на некоторые расхождения в понимании епархиальными центрами миссионерских задач, институциональной организации и методах деятельности все они должны были способствовать ограничению распространения исламской и раскольнической пропаганды, способствовать повышению религиозно-нравственного уровня православного населения региона. Второй этап стал периодом расцвета деятельности православных миссий в Казахстане. Именно в 90-е г. XIX в. было создано наибольшее количество их станов, организована работа епархиальных, окружных, благочиннических и уездных миссионеров, открыты миссионерские школы с интернатами при них, созданы различные общества, помогающие в полном объеме совершать финансирование миссий.

События первой русской революции 1905–1907 гг. стали переломным моментом в функционировании православных миссий Омской и Оренбургской епархий и началом завершающего, третьего этапа их истории. Манифест о свободе вероисповедания, а также социально-экономический кризис, последовавший за революцией, привели к сокращению финансирования миссий, закрытию станов и школ при них, епархиальные власти в этот период предпринимаемые попытки по реанимации миссионерства в казахской степи, однако они не дали желаемого эффекта. После событий 1917 г. и падения династии Романовых Русская православная церковь свернула в Казахстане свою миссионерскую деятельность.

Вопросы для самоконтроля:

1. Каковы были причины образования православной миссии для казахов?
2. В чем заключалась особенность миссионерского школьного строительства в Казахстане?

3. Назовите причины низкой эффективности деятельности православных Киргизских миссий.

Рекомендованная литература:

1. Большая энциклопедия. Словарь под ред. С.Н. Южакова. СПб., 1904. Т.16.

2. Герасимов Б.Г. Старинные церкви Семипалатинской области // Б.Г. Герасимов. Избранные труды. Усть-Каменогорск: ШЫҒЫС баспа, 2000. - 335 с.

3. Лысенко Ю.А. Вопросы землеустройства крещенных казахов Православной духовной миссии Омской и Оренбургской епархий (конец XIX–начало XX вв.) // Востокведные исследования на Алтае. Барнаул, 2009. С. 96–106.

4. Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв). Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2010. – 192 с.

5. Лысенко Ю.А. О причинах неэффективности православного миссионерства в Степном крае (XIX – начало XX вв.) // Актуальные вопросы истории Сибири / Седьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2009. С. 212–216.

6. Лысенко Ю.А. Православное и исламское миссионерство в казахской степи: сравнительный анализ организации и методов деятельности (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Гуманитарные исследования в Сибири. Серия история. 2010. №2. С. 36–40.

7. Лысенко Ю.А. Проблемы социально-культурных и хозяйственной адаптации крещенных казахов Киргизской духовной миссии Омской епархии (конец XIX – начало XX в.) // Известия АлтГУ. Серия общественных наук. № 4/5. 2008. С. 116–125.

8. Ремнев А. В. Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. М., 2006. № 4. С. 5–31.

9. Софронов В.Ю., Савкина Е.Л. Деятельность противомусульманской миссии в Тобольской епархии // Сибирская заимка. 2002. № 8. С.3–5.

10. Чернавский М.Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем.
Вып. 1. Оренбург, 1900.